ИЗЪ ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВАГО РОМАНТИЗМА.

СКАЗАНІЕ О СВ. ГРАЛѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Дашкевича.

КІЕВЪ.
1877.

ИЗЪ ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВАГО РОМАНТИЗМА.

СКАЗАНІЕ О СВ. ГРАЛѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Дашкевича.

КІЕВЪ.
1877.

ИЗЪ ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВАГО РОМАНТИЗМА.

СКАЗАНІЕ О СВ. ГРАЛѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Дашкевича.

КІЕВЪ.
1877.

~~1. Romances, French~~
2. Grail, Holy

not in L.C.

Dashkevich

*QT

Изъ исторіи средневѣковаго романтизма.

Сказанія, легшія въ основу бретонскихъ романовъ, и новѣйшія относительно ихъ гипотезы.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Дашкевича.

I.

СКАЗАНІЕ О СВ. ГРАЛѢ.

КІЕВЪ.

1877.

ИЗЪ ИСТОРІИ

СРЕДНЕВѢКОВАГО РОМАНТИЗМА.

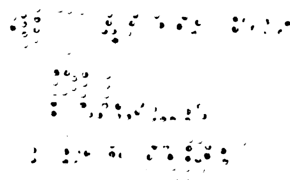
СКАЗАНІЕ

О СВ. ГРАЛѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Дашкевича.

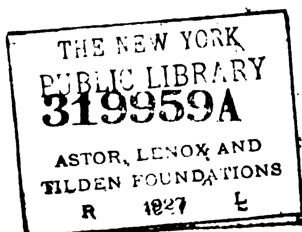

КІЕВЪ.

1877.

Т. Е.

Изъ „Университетскихъ Извѣстій" 1876 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Въ университетской типографіи.

Предлагаемое вниманію читателя изслѣдованіе составляетъ первый отдѣлъ предпринятыхъ авторомъ разысканій объ источникахъ сказаній, положенныхъ въ основу бретонскихъ романовъ, и посвящено выясненію происхожденія основной легенды первой вѣтви этихъ романовъ.

Сказаніе о Гралѣ вызвало немало гипотезъ въ наукѣ, изъ которыхъ многія только затемнили истину, такъ что невозможно приступить къ попыткѣ самостоятельнаго рѣшенія вопроса о Гралѣ, не разсмотрѣвъ критически выводовъ, къ которымъ пришли ученые, занимавшіеся этимъ предметомъ. Безъ такого обзора положительное раскрытіе мнѣнія сколько-нибудь отличнаго отъ высказанныхъ, не имѣло бы достаточной силы въ виду множества другихъ рѣшеній, принадлежащихъ иногда довольно авторитетнымъ ученымъ. Если всякое научное изысканіе должно начинаться критической оцѣнкой добытыхъ другими результатовъ, то такая оцѣнка необходима въ особенности въ вопросахъ, каковъ настоящій.

Вотъ причина, по которой авторъ отвелъ въ своемъ изслѣдованіи такое видное мѣсто разбору важнѣйшихъ теорій относительно легенды Граля, съ которыми, къ крайнему своему сожалѣнію, не нашелъ возможности согласиться и противъ которыхъ долженъ былъ подать свой слабый голосъ.

Авторъ началъ съ гипотезы, выдвинутой французскими кельтофилами, и, послѣ разсмотрѣнія ея, перешелъ къ мнѣніямъ германскихъ ученыхъ, отправляющихся въ данномъ вопросѣ, большею частію, отъ романа о Парцивалѣ, написаннаго Вольфра-

момъ фонъ-Эшенбахъ. Авторъ остановился на вопросѣ объ отношеніи французскаго и нѣмецкаго изводовъ сказанія о Гралѣ и призналъ древнѣйшимъ первый. Авторъ обратился затѣмъ къ гипотезѣ еретическихъ вліяній въ созданіи сказанія о Гралѣ, новѣйшимъ защитникомъ которой явился русскій ученый, А. Н. Веселовскій. Коснувшись потомъ взгляда другаго нашего ученаго, проф. Буслаева, авторъ обратился къ теоріямъ, направленіе которыхъ болѣе соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, правильной постановкѣ вопроса, именно къ теоріямъ, выставленнымъ французскими учеными въ послѣднее время. Разборъ всѣхъ перечисленныхъ мнѣній привелъ автора къ выводу о необходимости сосредоточить вниманіе въ выведеніи легенды Граля преимущественно на фабулѣ поэмы de Borron'a, древнѣйшаго и простѣйшаго изъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ встрѣчается обработка саги Граля. Приступивши къ опредѣленію источниковъ поэмы объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, авторъ указалъ на легенду, на которую до сихъ поръ почти вовсе не обращали вниманія, выдѣлилъ затѣмъ другіе элементы въ поэмѣ, представилъ соображеніе о времени ихъ сплава, перечислилъ обстоятельства, могшія содѣйствовать появленію и развитію главной изъ легендъ повѣствованія de Borron'a и заключилъ картиной постепеннаго развитія сказанія о Гралѣ, причемъ изложилъ судьбу послѣдняго въ древнѣйшихъ романахъ бретонскаго цикла.

Изображеніе развитія легенды въ послѣдующихъ романахъ не относится къ принятой на себя авторомъ задачѣ, равно и *внутренняя исторія ея,* долженствующая выяснить *живыя связи* разсматриваемыхъ литературныхъ памятниковъ съ жизнію. Внутренняя исторія литературныхъ произведеній должна быть основана на самомъ тщательномъ изученіи внѣшней (вотъ почему авторъ вдавался иногда въ изслѣдованія отдѣльныхъ фактовъ, могущихъ съ перваго раза показаться неважными), въ которой главная трудность, и авторъ предположилъ на первый разъ представить именно внѣшнюю исторію бретонскаго цикла, какъ матеріалъ и пособіе для будущаго выясненія внутренней стороны его.

Авторъ попытался вывести генетически сказаніе о Гралѣ, восходя постепенно отъ древнѣйшаго романа въ глубь средневѣковья и не выпуская изъ рукъ путеводной нити, представлявшейся въ хронологическомъ преемствѣ явленій, дающемъ возможность устанавливать связь ихъ съ значительною вѣроятностію.

Важность вопроса, которому посвященъ настоящій трудъ, въ наукѣ исторіи литературы едвали можетъ подлежать сомнѣнію. Автору могутъ сказать, что въ области ея нашлось бы немало сюжетовъ болѣе интересныхъ для національной русской науки. И въ самомъ дѣлѣ, положившіе начало новой эпохѣ въ разработкѣ исторіи отечественной словесности труды проф. Буслаева, А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовскаго, О. Ѳ. Миллера, показали прекрасный примѣръ, чего можетъ ожидать русская наука отъ параллельнаго и совмѣстнаго изученія славяно-русскихъ и иностранныхъ литературъ. Идя по этому пути, русскіе ученые могутъ достигнуть множества результатовъ, важныхъ и для общей науки.

Но едвали было бы не односторонне оставлять на основаніи этого безъ вниманія въ историческомъ изученіи иностранныхъ литературъ тѣ ихъ отдѣлы и стороны, которые не имѣютъ прямаго отношенія къ исторіи русской словесности.

Имѣя это въ виду, авторъ позволилъ себѣ предложить въ русской печати спеціальное изслѣдованіе по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи западно-европейской средневѣковой литературы.

Задача, принятая на себя авторомъ, весьма не легка, и авторъ не имѣетъ притязанія на совершенное рѣшеніе взятаго имъ вопроса, надъ которымъ наука такъ давно работаетъ, и однакожъ — съ малымъ успѣхомъ. Авторъ, въ трудѣ котораго, безъ сомнѣнія, найдутъ немало недостатковъ, будетъ счастливъ, если наука приметъ во вниманіе хоть частицу результатовъ его изслѣдованія, на которое онъ былъ подвинутъ интересомъ предмета изысканія, оживленнымъ новѣйшими работами.

Въ нѣкоторое извиненіе недостатковъ и погрѣшностей своего труда, авторъ позволяетъ себѣ указать на невозможность имѣть въ Кіевѣ подъ руками всѣ источники и пособія, просмотръ которыхъ былъ ему необходимъ. Можетъ быть, многое изъ сказаннаго авторомъ было бы лучше подтверждено, еслибы онъ воспользовался сочиненіями, которыя отсутствуютъ въ кіевскихъ библіотекахъ, и которыя невозможно пріобрѣсти въ настоящее время.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ выразить свою признательность всѣмъ содѣйствовавшимъ его труду посредствомъ сообщенія пособій, въ особенности же А. Н. Веселовскому и А. А. Котляревскому, библіотека котораго представляетъ богатое собраніе источниковъ и пособій для изученія исторіи литературъ.

Кіевъ. 1876, октября 11.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

II. Рѣшеніе вопроса.

ИЗЪ ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВАГО РОМАНТИЗМА.

Сказанія, легшія въ основу бретонскихъ романовъ [1]), и новѣйшія относительно ихъ гипотезы.

Immer wieder von neuem drängt sich jedem, der die dichterischen Erzeugnisse der verschiedenen Völker durchforscht, bei weiterm Fortschreiten auf diesem Gebiete die Betrachtung auf, wie schwierig bei gegebener Gelegenheit die Gränzlinie zwischen der neuschaffenden Thätigkeit des menschlichen Geistes und seiner bloss wiedergebärenden Triebkraft zu ziehen sei, oder, um mich deutlicher auszudrücken, wie schwierig sich in jedem einzelnen Falle die Entscheidung treffen lässt, ob irgend ein vorliegendes poetisches Product ein ursprüngliches oder ein ander'swoher entlehntes sei.

F. Liebrecht.

Grammatici certant et adhuc sub judice lis est.

Horatius.

Въ послѣднее время въ области историко-литературныхъ изслѣдованій выдвинутъ на одно изъ первыхъ мѣстъ и получаетъ болѣе и болѣе значенія вопросъ о происхожденіи и степени оригинальности канвы различныхъ словесныхъ произведеній.

---

[1]) По нашему мнѣнію, это названіе также законно для разсматриваемыхъ нами романовъ, какъ и болѣе употребительное, опредѣляющее ихъ Круглымъ Столомъ. Причины, по которымъ мы отдаемъ предпочтеніе первому названію, будутъ видны изъ предлагаемаго изслѣдованія. Пока ограничимся замѣчаніемъ, что принятое нами названіе даже характеристичнѣе: бретонскія вообще мѣста и лица встрѣчаются на каждомъ шагу; Круглый же Столъ и его рыцари упоминаются лишь слегка въ нѣкоторыхъ изъ занимающихъ насъ романовъ. Кромѣ того, названіе бретонскихъ было усвоено этимъ романамъ съ самого ихъ появленія (»brettoni« названы Артуровскіе романы и у итальянца Виллани).

Этотъ вопросъ былъ впервые ясно поставленъ въ качествѣ научной задачи [1]) съ началомъ основательнаго значенія словесныхъ памятниковъ, которое можно полагать съ включенія въ матеріалъ науки литературной исторіи словесныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ и распространенія вмѣстѣ съ тѣмъ параллельнаго изученія отдѣльныхъ литературъ, при чемъ вошелъ въ употребленіе сравнительный методъ.

Новѣйшая разработка словесныхъ произведеній различныхъ эпохъ и національностей показала съ достаточною ясностію, въ какой мѣрѣ могутъ прикрываться народною окраскою въ сущности принадлежащіе не одной только народности [2]), а также извнѣ заимствованные мотивы [3]), и знающему это вполнѣ понятна важность и необходимость изслѣдованія словесныхъ памятниковъ со стороны ихъ основы. Розысканія въ такомъ направленіи не составляютъ, конечно, литературной исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, но, тѣмъ не менѣе, играютъ роль первостепенныхъ подготовительныхъ работъ къ созданію этой ожидаемой еще науки, которая нуждается прежде всего въ обстоятельномъ раскрытіи внѣшней исторіи обнимаемыхъ ею данныхъ.

Составляющіе предметъ нашего изслѣдованія средневѣковые романы бретонскаго цикла, благодаря ярко выдававшемуся особенному ихъ содержанію, а также значенію, были одними изъ самыхъ первыхъ произведеній, возбуждавшихъ такого рода изученіе. Одними изъ первыхъ по трудности объясненія начальной ихъ ткани являются они и теперь [4]).

---

[1]) Для нѣкоторыхъ произведеній новоевропейской литературы подыскивали источники съ довольно давней поры.

[2]) Кажется, что этихъ мотивовъ ужъ слишкомъ много выводятъ изъ арійской прародины.

[3]) Въ литературной области замѣчается такой-же переносъ кажущихся передовыми въ данный моментъ и вообще обращающихъ на себя вниманіе произведеній отъ одной народности къ другой, какъ и въ другихъ сферахъ. Укажемъ на весьма близкій по времени примѣръ обнародненія чуждыхъ сюжетовъ. Разсказъ недавно умершаго Стороженка: «Розумний бреше щобъ правди добути» («Украіньскі оповідання». Спб. 1863 г.) представляетъ несомнѣнное сходство съ одною восточною повѣстью. См. «Die Papageimärchen erzält von Moriz Wickerhauser», S. 140—148.

[4]) Нѣкоторые ученые даже въ послѣднее время не имѣютъ надежды открыть первоначальную основу романовъ Круглаго Стола. Такъ высказался,

Послѣ забвенія, которому бретонскіе романы начали подпадать съ переломомъ въ западно-европейскомъ обществѣ и съ появленіемъ въ немъ новыхъ идей [1]), они выступили вновь на свѣтъ только въ XVIII стол. Въ періодъ возрожденія и въ послѣдующее время вниманіе французовъ было обращено, главнымъ образомъ, на классическихъ писателей [2]). Въ Германіи бретонскіе романы были выдвинуты школою такъ называемыхъ Швейцарцевъ, отличавшихся горячею любовью къ родной старинѣ, зачатки которой проглядываютъ уже у гуманистовъ и поборниковъ реформаціи, не сдѣлавшихъ, впрочемъ, многаго для изученія средневѣковой литературы, а также у нѣкоторыхъ литературно-ученыхъ дѣятелей XVII стол. Къ старинѣ обратился и Готтшедъ съ своими сторонниками. Тогда-то тѣсныя связи старо-нѣмецкой литературы

напр., итальянскій ученый P. Rajna въ предисловіи къ недавно изданнымъ имъ poemetti бретонскаго цикла (I Cantari di Carduino. Giuntovi quello di Tristano e Lancielotto quando combattettero al Petrone di Merlino. Bologna, presso 9. Romagnoli, 1873).

[1]) Внесеніе этихъ романовъ римской куріей въ число запрещенныхъ сочиненій (уже Иннокентій III включилъ въ индексъ романъ о Ланселотѣ; см. также заботу одного автора XII-го стол. у Potvin'a въ «Bibliographie de Chrestien de Troyes. Comparaison des manuscrits de Perceval le Gallois. Bruxelles, Leipzig, Gand. C. Muquardt éditeur. MDCCCLXIII», pp. 52—53) имѣло мало значенія.—Первоначальные романы затерялись мало по малу въ массѣ вырождавшихся изъ нихъ; героевъ послѣднихъ старались роднить съ героями первоначальныхъ романовъ.—Отдѣльныя реминисценціи бретонскаго цикла довольно долго не прекращались въ словесности первенствовавшихъ западно-европейскихъ народностей. Объ отголоскахъ брет. романовъ у классическихъ итальянскихъ писателей см. въ извѣстной книгѣ Dunlop'a; см. затѣмъ у Polidori въ его «La Tavola Ritonda o l'istoria Tristano» (въ «Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secola della lingua»), parte I, Bologna 1863» Prefaz. Книгопечатаніе выдвинуло многіе изъ занимающихъ насъ романовъ, но—въ прозаическихъ обработкахъ, при чемъ не обходилось безъ подновки языка. Мерлину посчастливилось болѣе другихъ романическихъ героевъ въ удержаніи за собою извѣстности.

[2]) Вспомнимъ тутъ слова Буало:

Villon fut le premier qui dans ces temps grossiers
Débrouilla l'art confus de nos vieux romanciers.

съ французскою заставили нѣмцевъ подумать и о послѣдней [1]). Во Франціи бретонскіе романы привлекли къ себѣ вниманіе среди общаго изученія исторіи романа [2]), интересъ къ которому вызвалъ въ прошломъ столѣтіи изданіе цѣлаго ряда анализовъ романическихъ произведеній [3]), послѣ чего опять наступило затишье въ разработкѣ романовъ.

Въ минувшемъ же столѣтіи оригинальныя черты бретонскихъ романовъ возбудили вопросъ о томъ, какой національности (о французской не думали) принадлежали сказанія, вошедшія въ эти произведенія.

Сначала интересовались преимущественно романтическими ихъ диковинками и подробности бретонскихъ романовъ сближали съ различными восточными и происшедшими будто бы отъ послѣднихъ скандинавскими [4])

---

[1]) На русскомъ яз. можно прочесть объ этомъ въ ст. г. Кирпичникова: «Бодмеръ и Готтшедъ и ихъ отношеніе къ родной старинѣ», помѣщенной въ 7-мъ № «Русскаго Вѣстника» 1874 г.

[2]) Мы разумѣемъ трудъ P. Dan Huet, первое изданіе котораго явилось въ 1670 г. подъ заглавіемъ: «Lettre de M. Huet à M. de Segrais de l'Origine des Romans. Paris». Мы пользовались изданіемъ прошлаго вѣка («Traité de l'origine des romans, par Huet, évêque d'Avranches. A Paris, chez Desessarts. An. VII»). 2-е изданіе книги Huet явилось въ 1678 г., латинскій переводъ (Huetii liber de origine fabularum Romanensium. Hag. Com.) — въ 1682 г. — Еще прежде извѣстный Claude Fauchet коснулся нѣсколькихъ авторовъ Круглаго Стола въ своемъ „Recueil de l'origine de la langue et poesie françoise, ryme et romans" (A Paris, M.D.LXXXI), говоря о «Poetes et Rymeurs François auant l'an M.CCC»; о бретонскихъ романахъ онъ упомянулъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ и отнесъ начало и развитіе ихъ ко времени крестовыхъ походовъ (см. p. 75).

[3]) Bibliothèque universelle des Romans. Paris, juill. 1775 à juin 1789, 224 part. en 112 vol. in 12° (тутъ допущено немало промаховъ и вольностей по отношенію къ текстамъ). — Marquis de Paulmy et Contant d'Orville. Mélanges tirés d'une grande bibliothèque. Paris 1779 — 88, 70 tom en 69 vol. in 8°. — Пересказы Трессана явились потомъ отдѣльно и занимаютъ VII X томы его Oeuvres choisies.

[4]) *Saumaise* (Salmasius; мнѣніе его было разобрано Huet). — *Percy*. Reliques of Anc. Engl. Poetry, vol. III. — *Mallet*, Histoire de Dannemarck, t. I (3 ed. — Genève 1788). Вліяніе Mallet замѣтно у Tressan'a: Oeuvres choisies du comte de Tressan, t. X (A Paris, MDCCLXXXIX), p. XXiij suivv; t. VII (A Par. MDCCLXXXVIII), p. 7 . Упомянемъ еще Saggio storico su gli Scaldi e antichi

и классическими [1]) сказаніями. Эти сближенія, при огромномъ количествѣ сродныхъ, если брать ихъ въ отдѣльности, поэтическихъ мотивовъ у различныхъ національностей, могли бы быть продолжены до весьма широкихъ размѣровъ, но, конечно, не повели бы ни къ чему.

Осмѣивая упомянутыя нами теоріи, Ритсонъ [2]) утверждалъ, что начало романическихъ подробностей — въ собственномъ суевѣріи тогдашняго европейскаго запада. Къ такому объясненію склонялись и нѣкоторые французы, поверхностно судившіе о предметѣ [3]).

Съ востока перешли, такимъ образомъ, на западъ. Нѣкоторые обратились къ Валлису и Бретани и выдвинули пресловутую кельтскую гипотезу [4]), получившую опору въ особенности въ изданныхъ

---

poeti Scandinavi, da Iacopo *Grabert di Hemso*, Pisa 1811. — Подробности объ этой и двухъ слѣдующихъ теоріяхъ можно узнать изъ книги Dunlop'a; въ переводѣ Либрехта („Geschichte der Prosadichtungen oder geschichte der Romane, Novellen, Märchen u s. w. Berlin 1851")—S. 51—55. Тамъ же эти мнѣнія подвергнуты до извѣстной степени и критикѣ.

[1]) Ginguené, Hist. litt. d'Italie, t. IV, 153.

[2]) Ancient English Metrical Romances, vol. I.

[3]) Сл. у Huet pp. 91, 107, 116.

[4]) Лейденъ въ введеніи къ The Complaynt of Scotland. Вальтеръ-Скотъ также говорилъ объ „ancient British traditions". The works. Vol. sixth, containing sir Tristrem. Edinburgh 1812. P. XXXi. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія Fréminville повторилъ старое мнѣніе о заимствованіи сюжетовъ бретонскихъ романовъ изъ бретонскихъ хроникъ (см. соч. Трессана, т. VII, стр 10—11). Онъ прямо заявилъ, что всѣ лица, фигурирующія въ разсказахъ о Тристанѣ — историческія. «S'il est certain que les vrais romans de la Table-Ronde sont dus à des bardes bretons, et ont été composés dans leur propre langue, il n'est pas moins certain qu'ils ne sont autre chose que de très anciennes chroniques du pays, embellies par le merveilleux qui dominait toujours alors dans les récits, mais dont les faits principaux, les personnages, les noms et les situations géographiques sont véritablement historiques». (Mémoires et Dissertations sur les antiquités nationales et étrangères publiés par la société royale des antiquaires de France. T. dixième. Paris MDCCCXXIV, in—8°. Mémoire sur le château de la Ioyeuse—Garde, par le chev. de Fréminville, p. 239—243). Fréminville заявилъ также, что «dans le principe» эти поэмы были составлены въ VI в.— Вообще идея Вилльмарке и Санъ-Марте о заимствованіи сюжетовъ бретонскихъ романовъ изъ Mabinogion была рѣшительно не новая; она высказы-

въ 30-хъ и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія Mabinogion[1]). На первыхъ порахъ количество ея сторонниковъ было не велико, и въ XIX т. „Histoire littéraire de la France“, вышедшемъ въ 1838 г.[2]), она была принята не въ чистомъ видѣ, а съ примѣсью прежнихъ теорій. Число ея поборниковъ стало видимо увеличиваться съ 40-хъ годовъ, когда передовыми бойцами за нее явились у нѣмцевъ San-Marte (A. Schulz)[3]), а у французовъ Hers. de la Villemarqué[4]), положившіе начало обстоятельной и научной разработкѣ вопроса.

Параллельно кельтской теоріи держалась провансальская, главнымъ представителемъ которой былъ Форіэль. Признавая кельтскую основу сказаній объ Артурѣ и его сподвижникахъ, Форіэль думалъ однако, что эти сказанія получили романическую форму въ Провансѣ.

Мало по малу, кельтская теорія получила значительный кредитъ въ наукѣ, но все-таки не восторжествовала окончательно надъ про-

---

валась и до нихъ, только отрывочно. (Tristan. Recueil de ce qui reste des poëmes relatifs à ses aventures, composés en françois, en anglo-normand et en grec dans le XII et XIII siècles publié par Francisque Michel, Londres MDCCCXXXV, I, p. lxxiv—lxxv). Зародышъ теорій Билльмарке, Санъ-Марте и ихъ послѣдователей проглядываетъ отчасти и у Lappenberg'a (Geschichte von England, I-ter Bd., Hamburg 1834, S. 57).

[1]) The Mabinogion, from the Llyfr Coch o Hergest and other ancient Welsh manuscripts by Lady Charlotte Guest. London, Llandovery, 1838—49.

[2]) P. 626—629, 689, 729.

[3]) Первые труды его, посвященные бретонскому циклу, относятся еще къ 30-мъ годамъ: мы разумѣемъ изложеніе содержанія Парциваля Вольфрама фонъ-Эшенбаха, вышедшее въ 1833 г., и I т. его книги: «Leben und Dichten Wolframs v. Eschebach» (Magdeburg, Creutz. 1836). Непосредственное отношеніе къ нашему вопросу имѣла слѣдующая его работа, вышедшая на англійскомъ яз. подъ заглавіемъ: »An Essay on the influence of Welsh tradition upon the literature of Germany, France and Scandinavia. Llandovery, by William Rees. 1841» и увѣнчанная Cymreigiddion Society. Въ 1842 г. она явилась въ измѣненномъ видѣ на нѣмецкомъ яз. подъ заглавіемъ: «Die Arthursage und die Märchen des rothen Buchs von Hergest» (Abth. II. Bd. II der Basseschen Bibliothek der gesammten deutschen Nationalliteratur).

[4]) О первыхъ его работахъ см. въ его Introduction къ «des romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons» (Paris 1860) и въ введеніи къ его же Myrdhinn'y.

долженіями прежнихъ и вновь явившимися гипотезами, а въ послѣднее время встрѣчаетъ опять значительную оппозицію.

Такимъ образомъ, вопросъ, которымъ уже немало времени занимается европейская наука, несмотря на то, что, въ ряду посвященныхъ ему ученыхъ работъ, есть довольно солидныя, остается вопросомъ и до настоящаго времени, такъ какъ, при существованіи противорѣчащихъ одно другому рѣшеній, ни одно изъ нихъ не получило первенства и ни одно не считаетъ себя подорваннымъ другими. До какой степени этотъ предметъ не установился еще въ наукѣ, можно видѣть изъ того, что занимающійся почти сорокъ лѣтъ романами Круглаго Стола Paulin Paris выставилъ въ 1872 г. мнѣніе касательно легенды о Гралѣ совершенно несогласное съ тѣмъ, которое было высказано имъ въ 1868 г. На ходѣ вопроса объ основѣ бретонскихъ романовъ, какъ и на ходѣ множества другихъ вопросовъ, мы наглядно убѣждаемся въ медленномъ приближеніи человѣчества къ открытію научныхъ истинъ.

Причина неудовлетворительности явившихся доселѣ работъ по вопросу о бретонскихъ романахъ—частію въ узкости круга источниковъ, которые принимались во вниманіе (въ особенности это можно сказать о французскихъ ученыхъ), частію — въ распространеніи положеній, вѣрныхъ относительно одной частности вопроса, на весь вопросъ (это мы замѣчаемъ въ теоріяхъ кельтской и выдвинутой противъ нея въ послѣднее время), а частію — въ неправильности метода, которымъ пользовались многіе ученые.

Какъ извѣстно, романы Круглаго Стола—одно изъ крупнѣйшихъ явленій въ средневѣковой литературѣ не только Франціи, но и всей западной Европы, и принадлежатъ къ самымъ виднымъ созданіямъ наиболѣе блестящей поры этой литературы. Достаточно извѣстны долговременное увлеченіе, съ которымъ они принимались публикою Франціи и другихъ странъ, въ которыя проникали, и ихъ громадное вліяніе на тогдашнее общество и литературу. По словамъ L. Moland'a [1]), нѣсколько, впрочемъ, преувѣличивающимъ дѣло, „быть можетъ, ни въ какой другой странѣ и ни въ какой другой исторіи не найдется столь значительный и рѣшительный примѣръ вліянія нравовъ на литературу

---

[1]) Origines littéraires de la France, Paris 1862, p. 70.

и воздѣйствія послѣдней на нравы“. Французскій романъ игралъ въ тогдашнемъ западноевропейскомъ обществѣ такую же роль, какая досталась ему опять въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ, даже бо̀льшую, и, по словамъ того же писателя [1]), „по мѣрѣ того какъ историки даютъ болѣе мѣста философскоау духу, они все болѣе и болѣе признаютъ важное значеніе, какое должно приписать этимъ романамъ“. Бретонскіе романы имѣли огромное значеніе въ исторіи рыцарства. По словамъ Гольцмана [2]), „это—первые продукты и проявленія новаго духа; они были учебниками, изъ которыхъ обуч лись духу рыцарства, съ его условными понятіями о чести, съ его занятіями поэзіей и его галантнымъ обращеніемъ съ женщинами, французы, также какъ позже не слишкомъ въ томъ понятливые ученики ихъ нѣмцы“. Романы Круглаго Стола, изъ которыхъ романъ о Гралѣ былъ выданъ обработавшимъ первоначальную сагу даже за божественное откровеніе, имѣли успѣхъ вездѣ, гдѣ только процвѣтало рыцарство. Находили они доступъ и въ другія страны, напр. въ Исландію, и San-Marte не несправедливо выразился о нихъ, что „это была настоящая міровая литература“ (Weltliteratur) [3]). Въ теченіе четырехъ столѣтій эти книги являлись твореніями, въ которыхъ всецѣло воплощался идеалъ знати [4]). Ими на-

---

[1]) Orig. litt., 14.

[2]) См. ст. его объ Артурѣ въ XII т. «Germania».

[3]) Die Arthur-Sage, S. 61.

[4]) Въ *Roman du Hen* Sarrasin'а читаемъ:

De chiaus de la reonde table
Uous a-on mainte fois conté,
Qu'ils furent de si grant bonté
Et de si grant chevalerie,
Qu'en toutes cours doit estre oïe
La prouece et la vertu,
Qui fu u vaillant roi Artu
Et ès chevaliers de sa court.

Въ Préface de Guiron le courtois говорится: »....je veuil por les bons si mon livre franslater que li bons y praignent bon exemple des haus faits des bons chevaliers anciens«.—Hartmann von Aue, въ началѣ своего Jwein'а, прямо говоритъ объ Артурѣ: „кто послѣдуетъ его примѣру, тотъ будетъ вести безукоризненную жизнь“. Thomasin von Zirclar (въ «Der Welsche Gast») упоминаетъ о нѣкоторыхъ герояхъ и героиняхъ рыцарскихъ романовъ, какъ объ

пополнялись библіотеки аристократовъ [1]) и ими же развлекались, послѣ обильныхъ столовъ, гости знатныхъ феодаловъ [2]). Незнаніе разсказовъ изъ бретонской исторіи считалось, по словамъ одного тогдашняго писателя (Alfred'a de Beverley) [3]), признакомъ невѣжества, и эти басни вошли до такой степени въ жизнь, что именами нѣкоторыхъ изъ дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ называли дѣтей при крещеніи, подъ патронатъ этихъ романическихъ героевъ отдавали турниры, иногда даже судебные поединки, и нарочно надѣляли ихъ гербами, которые брали потомъ у нихъ [4]). Въ одномъ dit [5]) Мерлинъ является ревнителемъ христіанскихъ началъ [6]) и, одаривъ бѣднаго vilain'a богатствомъ и почестями, лишаетъ его всего этого, когда тотъ возгордился и оказался неблагодарнымъ. Въ пророчества Мерлинга вѣрили довольно долго [7]), и они были литературною формою, которою пользовались различныя политическія партіи [8]). Бретонскіе романы читались даже монахами,

---

образцахъ для молодежи. Можно бы привести немало подобныхъ замѣчаній, начиная со времени появленія первыхъ романовъ и оканчивая XV-мъ стол.

[1]) Histoire littéraire de la France, XIX. A Paris MDCCCXXXVIII, pp. 623—625.

[2]) Ibid. 710.

[3]) P. Paris, Les romans de la Table Ronde, t. I, (Paris MDCCCLXVIII), p. 91.

[4]) О пріуроченіи итальянскихъ генеалогій къ героямъ французскаго и бретонскаго цикловъ см. въ ст. P. Rajna «Le origini delle famiglie Padovani», помѣщенной въ »Romania« 1875 (№ 14, Avril.). Къ исторіямъ Круглаго Стола старались привязать и крестовые походы. Potvin, l. c., p. 29.

[5]) См. Ach. Jubinal'я Nouveau recueil de contes, dits, fabliaux, I (Paris 1839), 128—137. Сл. Méon, Nouveau rec. de Fabliaux et contes inédites (Paris 1823), t. II, pp. 236—255.

[6]) Онъ спрашиваетъ своего protegé:

Si je t'avoie jà de povreté geté,
Serviroies—tu de cuer la sainte Trinité
Et ameras les povres en fine charité?

Сл. роль Мерлина въ Персевалѣ, приписываемомъ de Boron'у.

[7]) Эти пророчества имѣли ходъ еще въ XVII стол.

[8]) Въ русской литературѣ см. объ этомъ въ статьѣ извѣстнаго нашего ученаго, проф. А. Н. Веселовскаго: „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды", помѣщенной въ 5 № „Журнала Мин. Нар. Просв." 1875 г.

иногда довольно явно обнаруживающими свое знакомство съ названными произведеніями [1]). Извѣстность нѣкоторыхъ героевъ Круглаго Стола достигла весьма широкихъ размѣровъ. Уже Alanus ab Insulis (въ концѣ XII-го стол.) писалъ объ Артурѣ: „Въ какое изъ мѣстъ, куда простирается христіанское владычество, крылатая слава не занесла и гдѣ не сдѣлала извѣстнымъ имени Бритта Артура? Кто, спрошу, не толкуетъ о немъ, когда онъ, какъ говорятъ намъ паломники, возвращающіеся съ востока, почти извѣстнѣе Азіатскимъ народамъ, чѣмъ Бриттамъ? Объ Артурѣ говорятъ жители востока, какъ и жители запада, хотя ихъ раздѣляетъ пространство всей земли. О немъ говоритъ Египетъ, не молчитъ уединенный Босфоръ. Дѣянія его воспѣваетъ владыка государствъ Римъ, да и сопернику нѣкогда Рима Кароагену извѣстны брани Артура. Дѣянія Артура прославляетъ Антіохія, Арменія, Палестина“ [2]). Въ свое время это вліяніе бретонскихъ романовъ на общество было не безъ пользы для послѣдняго.— Въ западно-европейской словесности они имѣли еще большее значеніе, совершивъ громадный переворотъ въ ней. Извѣстно, какъ мало было свѣтскихъ элементовъ въ литературѣ до XII-го стол. Рыцарскіе романы порѣшили навсегда господство церковнаго элемента въ общественной литературѣ. Они положили начало *эпическому* изображенію *современнаго* человѣка, хотя все еще ставили его въ далекомъ прошедшемъ. Въ нихъ мы усматриваемъ одно изъ первыхъ проявленій ключа *живой* новоевропейской литературы, а не поддѣльной и искусственно возращенной; правда, и въ этихъ романахъ немало чужаго и наноснаго, но, при всемъ томъ, они были полны жизни. Это первыя *литературныя* произведенія новаго времени, въ которыхъ *широко* пробилась *обыденная* жизнь. Съ появленіемъ романовъ бретонскаго цикла, въ новоевропейской литературѣ упрочилось существованіе этого рода литературныхъ произведеній, играющаго въ настоящее время—и совершенно справед-

---

[1]) Впрочемъ, въ монастыри допускались и менестрели.

[2]) VII Libr. Explanat. in Merlini Ambros. Britanni prophet. anglic.—Объ извѣстности Тристана см. у Fr. Michel'я: Tristan, I, vii—xxviii. По словамъ Dunlop'a о степени извѣстности Ланселота во время изобрѣтенія игорныхъ картъ свидѣтольствуетъ то обстоятельство, что «einer der Buben in Frankreich den Namen Lancelot trägt» (Dunlop—Liebrecht, S. 75).

диво [1]) — такую видную роль. Уже Dunlop указалъ [2])—на ту заслугу романовъ Круглаго Стола, что они „вдохнули вкусъ къ чтенію“. Сильно заинтересовавши общество, они сообщили литературѣ огромную распространенность, раздвинули кругъ значенія ея въ обществѣ и привлекли къ ней множество дѣятелей. Они породили цѣлую литературу, до сихъ поръ еще не помѣстившуюся въ печати, что̀ и не мудрено. Наконецъ, въ бретонскихъ романахъ въ первый разъ получили значеніе въ крупныхъ размѣрахъ чисто литературные элементы: свобода фантазіи, красота отдѣльныхъ эпизодовъ, а также „описаніе любовныхъ томленій и ласкъ“, „тонкій анализъ чувства“ и „краснорѣчіе многословное, расплывчатое и изысканное, но проникающее страстью, отличавшее труверовъ бретонскаго цикла“. Въ этомъ ихъ „достоинство, совершенно отличное отъ достоинства Chansons de Geste и заставившее поблекнуть славу феодальнаго и карловингскаго цикла“ [3]). — Въ мѣстностяхъ съ кельтскимъ населеніемъ романы Круглаго Стола проникли въ народъ въ первоначальномъ и чистомъ видѣ и вызвали цѣлый рядъ сказаній, не народное происхожденіе которыхъ доказано только въ послѣднее время [4]). Артуръ доселѣ еще живетъ въ народной памяти [5]), равно и Мерлинъ [6]). Послѣдній, скажемъ словами одного

---

[1]) Широта жизни и разнообразныя отношенія ея со всѣми ихъ мелочами и проявленіями не могутъ быть представлены ни въ какомъ другомъ родѣ литературныхъ произведеній такъ хорошо и всеобъемлюще, какъ въ романѣ.

[2]) S. 188.

[3]) Les origines de la langue et de la poésie françaises d'après les travaux les plus récents par M. Charles Aubertin, Paris 1874, p. 235.

[4]) Такой переходъ литературныхъ произведеній бретонскаго цикла въ народъ допускаетъ отчасти даже Villemarqué. Les romans de la Table Ronde, Par. 1860, p. 175.

[5]) Hers de la Villemarqué, Les rom. de la Table Ronde, p. 36.—The nursery rhymes of England, ed. by James O. Halliwell (London; безъ значенія года), №№ II и LXI. — Trois. et dernière encyclop. théolog., publiée par l'abbé Migne, t. XX (1856), pp. 60 et 184.

[6]) Имена Артура и Мерлина пріурочиваются и теперь ко многимъ мѣстностямъ. См. Arthurian localities—I. I. Stuart Glennie (при III т. Merlin'a, изд. Early English Text Society. London 1869).

писателя, пользуется въ народѣ, въ особенности въ деревняхъ, почти европейскою извѣстностію. Скорѣе забудется исторія—ясная и точная —человѣка, память о которомъ не носитъ на себѣ ничего чудеснаго; но какъ забыть эту фигуру, которая, какъ бы она неопредѣлительна ни была, безпрестанно носится во время вечернихъ сумерекъ, когда передъ глазами запоздавшаго крестьянина рисуется на туманномъ горизонтѣ черный абрисъ одного изъ этихъ странныхъ друидскихъ памятниковъ, которыхъ отдаленное происхожденіе оставляетъ для догадокъ вполнѣ свободное поле? [1]) Нѣсколько поздно бретонскіе романы повліяли на испанскую литературу, но за то нашли тамъ крайне воспріимчивую почву [2]). Въ Англіи обработка сюжетовъ, данныхъ въ этихъ романахъ, не прерывалась все время начиная съ среднихъ вѣ-

---

[1]) Имя Мерлина во франц. яз. сдѣлалось даже нарицательнымъ (такъ называется, между проч., волшебникъ, чародѣй).

[2]) См. объ этомъ отчасти въ письмѣ T. Wolf'a въ книгѣ W. L. Holland'a: Chrestien von Troies. Tübingen 1854, (S. 208—209).—Только на русскую словесность бретонскіе романы оказали вліяніе не непосредственно, а чрезъ позднѣйшій отголосокъ ихъ въ итальянскихъ рыцарскихъ романахъ, — не творчески, а вызвавши лишь нѣсколько народныхъ разсказовъ, и — очень поздно. Замѣтимъ, что въ вѣка процвѣтанія западнаго рыцарства оно не встрѣчало особеннаго сочувствія въ русской землѣ: въ нашихъ земляхъ и у нашихъ дружинниковъ рисовался нѣсколько иной идеалъ. У нашихъ предковъ не пошли въ ходъ даже рыцарскіе турниры, бывшіе, впрочемъ, извѣстными имъ далеко не въ самомъ блестящемъ ихъ видѣ, хотя лѣтопись и говоритъ, что когда „угре на фарехъ и на скокохъ играхуть, на Ярославли дворѣ, многое множество“, то „кияне дивякутся Угромъ множеству, и кметьства ихъ, и комонемъ ихъ“ (Ип. сп. 288—289), и попытки внести въ нашу жизнь обычаи западнаго рыцарства (напр., въ 1149 г. „пасаше Болеславъ сыны боярьскы мечемъ многы“), при отсутствіи въ ней началъ, могшихъ содѣйствовать развитію этого явленія, не имѣли замѣтнаго успѣха. Въ Переяславской лѣтописи рыцарскіе обычаи (служеніе дамамъ, ношеніе ихъ девизовъ и цвѣтовъ, употребленіе короткихъ одеждъ) причисляются даже къ „безстудію“ [„Лѣтоп. Переяславля — Суздальскаго“, изд. Оболенскимъ (М. 1851), стр. 3]. Проф. Буслаевъ. [„Историч. очерки русской народной словесности и искусства“, т. II, (1861), стр. 336] считаетъ это довольно позднею вставкою.

вовъ [1]), и Артура избирали нерѣдко героемъ драматическихъ и эпическихъ произведеній [2]). Въ другихъ странахъ занимающіе насъ памятники также не скоро сошли со сцены [3]). Романы Круглаго Стола и ихъ сюжеты даже въ послѣднее время предлагаются читающему обществу въ поэтическихъ переработкахъ, не только въ оригиналахъ и переводахъ [4]). Равнымъ образомъ, позднѣйшія произведенія этой литературы держались почти до послѣдняго времени и въ средѣ низшихъ классовъ, при чемъ романы испытали общую судьбу всѣхъ великихъ и передовыхъ въ свой вѣкъ произведеній.

Изъ всего сказаннаго достаточно, надѣемся, ясна важность бретонскихъ романовъ въ исторіи литературы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весь интересъ вопроса объ источникахъ ихъ.

Рѣшеніе этого вопроса имѣетъ значеніе не только по отношенію къ спеціальнымъ памятникамъ, но можетъ быть не безъ пользы и для уясненія пріемовъ средневѣковаго поэтическаго творчества и характера

---

[1]) Въ послѣднее время нѣкоторыя изъ старо-англійскихъ обработокъ и передѣлокъ французскихъ романовъ бретонскаго цикла изданы Early English Text Society, а также—для другихъ ученыхъ обществъ и отдѣльными лицами.

[2]) Перечень англійскихъ литературныхъ произведеній, явившихся послѣ бретонскихъ романовъ, но въ которыхъ продолжали фигурировать герои и сюжеты этихъ самыхъ романовъ, см., между проч., въ Watt'a Bibliotheca Britannica, vol. III and IV, Edinburgh, 1824.

[3]) Нѣкоторые видятъ отраженіе основнаго ихъ духа даже въ трагедіи Корнеля. „Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка" Геттнера, переводъ А. Н. Пыпина, т. I, стр. 383.

[4]) Мы назовемъ англичанъ Southey, Теннисона (Idylls of the king; это лучшая изъ новѣйшихъ обработокъ Артуровской саги и вмѣстѣ замѣчательнѣйшее изъ произведеній этого поэта—Лаурета), Arnold'a (Tristram and Iseult), Morris'a (Defence of Guenivere), француза—Edg. Kinet, нѣмцевъ Карла Иммерманна (Мерлинъ, Тристанъ и Изольда) и Цшокке («Der heilige Gral. Romantisches Gedicht in vierzehn Gesängen»), наконецъ Richard'a Wagnor'a «Poèmes d'Opera» Lohengrin и Tristan et Iseult. Кине придалъ весьма шрокіе размѣры своей темѣ и исторію Мерлина, который, по его опредѣленію,—«легенда души человѣческой до смерти и даже послѣ нея», связалъ съ исторіей народовъ и въ частности Франціи.

средневѣковой литературы вообще. Извѣстно, что наряду съ двумя другими огромными кругами средневѣковыхъ эпопей романы Круглаго Стола составляли цѣлый отдѣльный циклъ.

Мы уже говорили о бретонскихъ романахъ, какъ о самымъ раннихъ памятникахъ рыцарства. Вмѣстѣ съ вопросомъ объ исторіи основныхъ ихъ сказаній поднимается нераздѣльно вопросъ о началѣ идеала, господствовавшаго нѣсколько столѣтій въ высшихъ классахъ западно-европейскаго общества. Выработка болѣе общихъ идеаловъ относится къ позднѣйшему времени.

Какъ сказано прежде, видная доля участія въ созданіи главныхъ мотивовъ бретонскихъ романовъ отводилась и теперь еще отводится нѣкоторыми учеными кельтскому племени, занимавшему нѣкогда немалую часть европейскаго материка. Этимъ способомъ кельтофилы хотятъ какъ бы вознаградить покровительствуемую ими народность за то невниманіе, какое она встрѣчаетъ въ политической исторіи. Оказывается такимъ образомъ, что въ томъ или иномъ приговорѣ по вопросу объ источникахъ бретонскихъ романовъ заинтересована до извѣстной степени честь цѣлаго кельтскаго племени.

Наконецъ, этотъ вопросъ не безъ значенія и для древнѣйшей исторіи Британіи. Съ отрицаніемъ національнаго происхожденія и содержанія разбираемыхъ легендъ, съ предположеніемъ, наоборотъ, проникновенія ихъ сюжетовъ въ народъ уже впослѣдствіи, придется сказать, что старыя преданія Бриттовъ не дошли до насъ вовсе.

И такъ, въ романахъ Круглаго Стола наукѣ данъ весьма интересный сфинксъ.

Въ настоящее время, когда сказанія, легшія въ основу бретонскихъ романовъ, вызвали опыты объясненія съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, нерѣдко рѣшительно противоположныхъ одна другой и не приведенныхъ къ соглашенію, и когда являются попытки совершенно отринуть преобладавшіе до сихъ поръ взгляды, не безполезно, по нашему мнѣнію, для успѣшнаго движенія въ послѣдующемъ, окинуть однимъ критическимъ взоромъ добытые до сихъ поръ результаты.

Задача настоящаго труда въ томъ и состоитъ, чтобы критически разсмотрѣть существующія въ современной наукѣ и имѣющія ходъ въ ней теоріи касательно основы романовъ Круглаго Стола и тѣмъ содѣйствовать постановкѣ или, по крайней мѣрѣ, движенію этого вопроса на правильную дорогу; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы осмѣлились пред-

ставить въ настоящемъ изслѣдованіи и съ своей стороны нѣсколько соображеній, могущихъ, по нашему мнѣмію, способствовать рѣшенію вопроса.

Сообразно съ цѣлью нашей работы, мы будемъ касаться лишь новѣйшихъ гипотезъ, начиная съ кельтской, и притомъ важнѣйшихъ, т. е. болѣе или менѣе оригинальныхъ и обставленныхъ научно; представляющихъ передѣлку и повтореніе мнѣній, высказанныхъ другими, мы не будемъ и упоминать. Въ оцѣнкѣ теорій мы будемъ обращать вниманіе преимущественно на слабыя ихъ стороны; о томъ же, что мы сочтемъ вѣрнымъ, мы будемъ говорить настолько, насколько это будетъ необходимо для опроверженія противоположныхъ мнѣній, которыя мы признаемъ несправедливыми.

Въ романахъ бретонскаго цикла фигурируютъ на первомъ планѣ: Граль, переходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію и окруженный общиною хранителей и служителей, затѣмъ король Артуръ съ рыцарями Круглаго Стола и волшебникъ Мерлинъ. Нерѣдко героями отдѣльныхъ романовъ этого цикла являются витязи, не принадлежащіе къ братству Круглаго Стола и только приходящіе въ то или другое соотношеніе съ Артуромъ и его дружинниками; но первостепенными во всемъ циклѣ вообще по справедливости могутъ быть названы только что перечисленные нами дѣятели [1]). Сказанія о нихъ были основнымъ ядромъ, около котораго сгруппировались остальныя, и мы займемся въ настоящемъ изслѣдованіи, главнымъ образомъ, ими, предоставляя себѣ въ будущемъ подробнѣе остановиться на любимѣйшихъ тогдашнихъ романическихъ типахъ, каковыми были Тристанъ и Ланселотъ.

Основныя легенды бретонскихъ романовъ, отдѣляемыя одна отъ другой и иными изслѣдователями [2]), возникли, по нашему мнѣнію, не въ одной средѣ и не одинаково. Связь, какая придана имъ въ дошедшихъ до насъ романахъ, принадлежитъ позднѣйшему времени [3]). По-

---

[1]) Такого же мнѣнія и San-Marte: Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste herausg. von Ersch und Gruber, 1 Section, 77 Theil (Leipz. 1864), S. 136; Die Sagen von Merlin (Halle 1853), S. 3.

[2]) Romania, № 4, p. 467; № 13, p. 138.

[3]) И по мнѣнію P. Paris (Les romans de la Table Ronde, I, 90; Romania,

этому мы остановимъ вниманіе отдѣльно на каждомъ изъ основныхъ сказаній занимающихъ насъ романовъ. Въ разграниченіи и раздѣльномъ изученіи этихъ сказаній, намъ кажется,— единственный путь къ правильной постановкѣ нашего вопроса.

№ 4, p. 482, «пять романическихъ вѣтвей, составляющихъ первоначальный циклъ Круглаго Стола, хотя и соединяются обыкновенно въ древнихъ манускриптахъ, были написаны отдѣльно, безъ всякаго намѣренія вначалѣ поставить въ связь одну съ другой».

I.

Сказаніе о св. Гралѣ.

Les merveilleuses aventures, estranges faits.
Préface de Guiron le courtois.
Hat über keine Sage des Mittelalters grössere
Verwirrung geherrscht, als über die Gralsage.
Gerwinus.

Въ циклѣ повѣствованій, содержащихся въ бретонскихъ романахъ, исходный пунктъ (première branche) составляетъ сказаніе о св. Гралѣ, вслѣдствіе чего мы и даемъ ему первое мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи, хотя романъ о Гралѣ не былъ первымъ въ хронологическомъ отношеніи.

Послѣ вывода Граля съ востока, около 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія [1]) первообразъ его начали открывать у кельтовъ.

Представитель крайняго кельтизма въ нашемъ вопросѣ Вилльмарке даетъ слѣдующее происхожденіе Гралю.

Легенда о Гралѣ перешла въ романы изъ латинскаго пересказа ея, составленнаго какимъ-то бриттскимъ отшельникомъ въ XIII стол.; анахоретъ же почерпнулъ идею чудеснаго сосуда у бардовъ, въ произведеніяхъ которыхъ встрѣчается чаша, обладающая именемъ и качествами св. Граля. Высказывая предположеніе, что бриттскій отшельникъ велъ жизнь бардовъ и зналъ ихъ преданія, Вилльмарке ссылает-

---

[1]) Литературу Граля до 40-хъ годовъ см. у Michel'я: Le roman du saint Graal, A Bordeaux MDCCCXLI, pp. viij—xij. См. также у I. G. Th. Grässe (Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, Dresden und Leipzig 1842, S. 137—138).

ся при этомъ на Catalogus scriptor. majoris Britanniae Бале, которому насколько можно довѣрять—извѣстно[1]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Виллъмарке, переходнымъ звеномъ между разсказами бардовъ и романами была легенда, записанная въ VIII стол.

Намъ кажется, что это переходное звено принадлежало не дѣйствительности, а подлогу трувера, прибѣгшаго въ этомъ случаѣ къ обычному въ то время литературному пріему.

Виллъмарке и его послѣдователи едвали имѣютъ право относиться съ полнымъ довѣріемъ къ свидѣтельству о записи легенды въ VIII стол. Извѣстно немало фактовъ переработки языческихъ миѳовъ въ христіанскіе,—духовенствомъ ли, или самимъ народомъ, при чемъ въ особенномъ ходу было приспособленіе языческихъ повѣрій къ лицамъ христіанской исторіи. Но что такой переработкѣ подпали въ легендѣ о чашѣ Іосифа Аримаѳейскаго кельтскія сказанія о чудесномъ сосудѣ, это не можетъ считаться доказаннымъ и даже вѣроятнымъ.

Виллъмарке, какъ и другіе кельтофилы, опирается на свидѣтельство Гелинанда, сообщающаго подъ 720 г. о видѣніи относительно Граля, бывшемъ бриттскому отшельнику, который и описалъ потомъ все открытое ему. Кельтофилы принимаютъ это за дѣйствительный фактъ.

Но Гелинандъ прямо сознается, что не видалъ латинскаго списка легенды. На основаніи свидѣтельства Гелинанда можно думать, что онъ передаетъ извѣстіе французскаго пересказа легенды, который былъ или читанъ имъ, или извѣстенъ ему по слухамъ[2]). Послѣ этого не подлежитъ сомнѣнію, что сообщеніе Гелинанда основано на прологѣ къ роману о св. Гралѣ, написанному Мар'омъ[3]).

Разсмотрѣніе пролога, въ которомъ рѣчь ведется отъ лица того,

---

[1]) Изложенная нами теорія Виллъмарке о Гралѣ взята нами изъ его «Les romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons».

[2]) Joseph of Arimathie, ed. by the Rev. Walter W. Skeat (Early English Text Society), London MDCCCLXXI, p. XXX—XXXI.

[3]) Отраженіе этого пролога находимъ въ Histoire du St. Graal, напечат. въ 1523 г. Послѣ Гелинанда начали вѣрить въ дѣйствительное существованіе отшельника VIII стол.

кто сподобился будто бы откровенія о св. Граль, приводитъ лишь къ рѣшительному признанію подлога въ его основѣ.

Paulin Paris видитъ въ прологѣ только нѣсколько интерполяцій, къ которымъ онъ относитъ, между проч., выводъ отшельникомъ своей генеалогіи отъ лицъ романа [1]), но вообще готовъ считать прологъ подлиннымъ. Намъ же кажутся подозрительными не однѣ лишь подробности, и мы заключаемъ о непринадлежности пролога даже по основѣ тому лицу, которому онъ усвояется, принимая въ соображеніе все содержаніе его.

Прежде всего является страннымъ, что авторъ пролога считаетъ нужнымъ умышленно скрывать свое имя. Указаніемъ причинъ, по которымъ онъ поступилъ такъ, онъ совершенно подрываетъ довѣріе къ исходящему отъ него свидѣтельству не только о видѣнномъ и узнанномъ, но и о самомъ себѣ. Онъ сознаетъ себя слишкомъ низкимъ лицомъ для того откровенія, котораго будто бы удостоился, и понимаетъ, что—назви онъ себя—ему мало повѣрили бы; поэтому для него лучше молчать. А вѣдь правое дѣло не укрывается, и человѣкъ, твердо вѣрившій въ истину своихъ рѣчей, поступилъ бы иначе. Во вторыхъ, авторъ пролога боится заранѣе, какъ бы не поймали его въ чемъ-нибудь, и старается напередъ свалить вину на переписчиковъ [2]). — Онъ самъ понималъ всю дерзость и смѣлость своего разсказа, который, дѣйствительно, былъ необыкновененъ для того даже вѣка. Писатель пролога шагнулъ за предѣлы Дантовскаго замысла. Различныя видѣнія были тогда въ большомъ ходу. Укажемъ на примѣръ близкій бриттамъ. О св. Патрикіи разсказывалось, что онъ сподобился видѣть Господа и возсѣсть по правую отъ Него руку; Самъ Богъ повелѣлъ ему отправиться въ Ирландію для проповѣди [3]). У нашего автора все это доведено до крайности. Онъ не только бесѣдовалъ съ Богомъ и былъ озаренъ свыше, при чемъ уста его исполнились безчисленныхъ языковъ; ему была открыта величайшая тайна міра („le plus grand secret du

---

[1]) P. Paris, Les rom. de la Table Ronde, I, p. 169.

[2]) Ibid., 156.

[3]) La Legende celtique, par le vic. Hers. de la Villemarqué, 1859, p. 32. См. также начало одной французской поэмы у Wright'a: Biogr. Brit. liter., Anglo-Norman period, London, 1846, p. 336.

monde") [1]). О врученной ему книгѣ Граля Спаситель сказалъ: „Я довѣряю тебѣ величайшее чудо, какое только можетъ воспріять человѣкъ. Вотъ книга, которая написана моею рукою и которую должно читать сердцемъ; никакой смертный языкъ не можетъ произносить ея словъ безъ того, чтобы не дѣйствовать на четыре стихіи, не смущать небесъ, не волновать воздуха, не раздѣлять земной утробы и не перемѣнять цвѣта водъ. Тѣлесная и душевная радость достанется въ удѣлъ всякому, кто откроетъ книгу съ чистымъ сердцемъ, и кто ее узритъ, тому нечего бояться внезапной смерти, какъ бы ни были велики его грѣхи" [2]). Пустынникъ былъ не только вознесенъ на третье небо; онъ удостоился даже того, чего не удостоился ап. Павелъ, — онъ видѣлъ Троицу и нашелъ возможнымъ, по этому случаю, исправить сказанное ап. Іоанномъ, который говоритъ, что для смертныхъ очей немыслимо зрѣть св. Троицу [3]). Мы не говоримъ уже о томъ, что и принадлежности, которыя были необходимы для письменнаго изложенія легенды, были вручены Богомъ [4]). Самый выспренній и преисполненный фантазіи, но въ тоже время строгій отшельникъ не усвоилъ бы себѣ подобной чести. Въ прологѣ не видно и слѣдовъ смиренія и благоговѣнія аскета. Не таково было бы произведеніе, написанное въ отшельнической тиши съ цѣлью изобразить дѣйствительно, по мнѣнію автора, представлявшееся ему видѣніе, или изложить религіозную легенду. Очевидно, что разсматриваемый прологъ былъ составленъ отъ начала до конца человѣкомъ, которому было необходимо во что бы то ни стало сообщить кредитъ своему вымыслу,—человѣкомъ, разсчитывавшимъ на эффектъ и желавшимъ поразить читателя картиною, подобною тѣмъ, которыя нерѣдки въ большомъ романѣ о св. Гралѣ. Написаніе пролога могло точно также исключительно принадлежать богатому фантазіею творцу большаго Граля, какъ и изобрѣтеніе множества другихъ эпизодовъ.

Таково впечатлѣніе, производимое на читателя прологомъ къ роману о св. Гралѣ, вслѣдствіе довѣрія къ показанію котораго составилась фабула о легендѣ VIII в., переданная у Гелинанда [5]).

---

[1]) P. Paris, Les rom. de la T. R., I, 157.

[2]) Ibid., 157—158.

[3]) Ibid., 161.

[4]) Ibid., 169.

[5]) Гелинандъ могъ говорить о существованіи исторіи, quae dicitur de Gradali, только на основаніи пролога.

Помимо всего содержанія пролога, недовѣріе къ существованію основы для него въ какой-нибудь легендѣ VIII в. возбуждаютъ и другія обстоятельства.

Нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ и съ полною вѣроятностію можно отрицать особенную популярность и даже простую извѣстность легенды о чашѣ Іосифа Аримаѳейскаго въ средѣ членовъ бриттской церкви,—въ письменномъ ли изложеніи, или въ устныхъ пересказахъ, до XI-го стол.

Сказаніе, подобное сказанію о Гралѣ, могъ составить въ Англіи въ періодъ отъ начала XI в. до Мар'а развѣ какой-нибудь Гластонбѣрійскій монахъ. Но авторъ романа, къ которому принадлежитъ прологъ, говоритъ, что латинская легенда, послужившая ему оригиналомъ, была найдена имъ въ Салисбѣри, да и все произведеніе Мар'а обличаетъ пользованіе не Гластонбѣрійской легендой [1]). Поэма de Boron'а, которую Виллъмарке считаетъ [2]) обработкою легенды, изложенной отшельникомъ [3]), служитъ также подтвержденіемъ, что сказаніе о Гралѣ, которое было подъ руками у писателей романовъ, вращалось предъ появленіемъ послѣднихъ не въ этой мнимой галльской редакціи.

Ниже мы постараемся, кромѣ того, показать, что у Мар'а или вовсе не было никакой латинской легенды, или была такая, которая не имѣла ничего общаго съ галльскимъ преданіемъ.

Итакъ, нельзя сказать, что авторы романовъ о св. Гралѣ пользовались сказаніемъ о немъ, составленнымъ бриттскимъ отшельникомъ въ VIII стол.: свидѣтельство объ этомъ сказаніи не имѣетъ значенія.

Могутъ сказать, что галльскія повѣрья о сосудѣ, приводимыя у Виллъмарке, могли лечь въ основу романовъ и безъ такого сказанія,—н мъ какимъ-нибудь путемъ: они могли уцѣлѣть не только до VIII в., но и до позднѣйшаго времени. Относительно сказки о Передурѣ Виллъмарке и прибѣгаетъ къ такого рода предположенію.

Но разсмотримъ самыя повѣрья: дѣйствительно ли они древнѣе романа о Гралѣ и на самомъ ли дѣлѣ въ нихъ встрѣчается прототипъ послѣдняго?

---

[1]) См. ниже.

[2]) Les rom. etc., p. 147.

[3]) Bron поэмы, по мнѣнію Виллъмарке,—Бранъ приводимыхъ у послѣдняго кельтскихъ сказаній. Виллъмарке игнорируетъ, что имя Брона носили нѣкоторые епископы древней бриттской церкви.

Болѣе древнія изъ галльскихъ преданій о сосудѣ,—такія, которыя могли предшествовать мнимой легендѣ VIII в., Вилльмарке видитъ въ пѣсняхъ Taliein'a, относимыхъ имъ, какъ и другими крайними кельтофилами, къ VI стол.

Но возраженія, выставленныя безпристрастною критикою послѣдняго времени [1]) противъ такого хронологическаго опредѣленія, остались безъ опроверженій, пѣсни Тальезина и фабулы о немъ, наравнѣ съ произведеніями другихъ бардовъ VI в., потеряли значеніе памятниковъ такой ранней поры, и нѣтъ основаній думать, что бриттскій анахоретъ VIII в. могъ имѣть предъ собою то, что встрѣчается въ mabinogi о Тальезинѣ [2]). Принятіе для этого mabinogi и приписываемыхъ Тальезину произведеній болѣе древней, чѣмъ они сами, основы [3]) не исключаетъ возможности измѣненій и интерполяцій въ древнихъ разсказахъ. Въ исторіи Тальезина, какъ она дошла до насъ, нельзя не отмѣтить вліянія астрологическихъ бредней [4]).

По словамъ Вилльмарке, „сосудъ бардовъ, прославленный и воспѣтый въ VI в., становится темою большаго количества народныхъ галльскихъ легендъ".

Вилльмарке указываетъ на двѣ изъ нихъ. О второй онъ прямо говоритъ, что она „была составлена въ первые годы XII-го стол., если не ранѣе" [5]), хотя самъ же отмѣчаетъ въ ней рыцарскій и романическій колоритъ [6]).

Но нѣтъ права относить и эти легенды, *въ теперешнемъ ихъ видѣ,*

---

[1]) См. въ особенности книгу Nash'a: Taliesin; or the Bards and Druids of Britain. London M.DCCCLVIII.

[2]) Объ авторахъ этого mabinogi см. у Stephens'a: The literature of the Kymry (Llandovery, MDCCCXLIX), p. 425—426.

[3]) Nash, l. c., 39, 60, 151.

[4]) О Керидвенѣ говорится: «So she resolved, according to the arts of the Fferyllt, to boil a cauldron of Inspiration and Science for her son.—And she herself according to the books of the astronomers, and in planetary hours, gathered every day of all charm — bearing herbs». Nash, l. c., 152. Nash также допускаетъ позднѣйшую выработку балладъ, вошедшихъ въ исторію Тальезина (p. 199). Сл. мнѣніе Stephens'a: The literature of the Kymry, p. 483.

[5]) Les rom. de la T. R., p. 144.

[6]) Ibid., 142.

ко времени до появленія романовъ. Уже издательница Mabinogion, Lady Charlotte Guest замѣтила распаденіе Mabinogion на два разряда: древнѣйшихъ и позднѣйшихъ. Въ послѣднее время нѣкоторые ученые указываютъ даже источникъ для сказки о Передурѣ—въ романѣ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, романы весьма скоро начали проникать къ островнымъ Бриттамъ [2]).

Обращаясь къ самому сосуду, о которомъ говорится въ приводимыхъ Вилльмарке легендахъ, мы замѣчаемъ, что сближеніе его съ Гралемъ не имѣетъ прочныхъ основаній.

По словамъ Вилльмарке, сосудъ бардовъ носилъ имя, означающее тоже, что и Граль. Вилльмарке указываетъ на то, что слово per, встрѣчающееся въ памятникахъ поэзіи, считаемыхъ имъ произведеніями бардовъ VI-го вѣка, и означающее, по толкованію словаря, дошедшаго до насъ въ *спискѣ XII-го стол.*, широкій сосудъ, чашу, изъясняется въ *новѣйшемъ* галльскомъ словарѣ подобнымъ же образомъ, какъ у Гелинанда изъясняется Граль. Но это совпаденіе оказывается натянутымъ и выдуманнымъ. Слово per означало преимущественно кухонный сосудъ,

---

[1]) Симрокъ, Halliwell, Stephens; сл. Holland'a l. c., S. 207, а также Rochat (Ueber einen bisher unbekannten Percheval li Galois. Zürich 1855). San-Marte (Allgem. Encyclop. von Ersch und Gruber, 1 Sect., 77 Th., S. 138; сл. Die Arthur-Sage, S. 43) возражаетъ противъ этого, что валлійская сказка «einen exclusiv wälschen Charakter trägt und die Bedeutung Grals so gänzlich verwischt, dass es nicht wohl glaublich ist, es sei die verwälschte auszugweise Bearbeitung eines französischen Romans». Но сильная національная окраска и сглаживаніе значенія Граля—слишкомъ слабые доводы въ глазахъ всякаго знакомаго съ исторіей странствующихъ и вообще заимствуемыхъ сказаній. — Вилльмарке (pp. 144—145) указываетъ на довольно ранніе, по его мнѣнію, памятники, упоминающіе о Передурѣ: произведенія Aneurin'a, Annales Cambriae, Легенду царей, Готфрида Монмутскаго и Vita Merlini. Но на основаніи всѣхъ этихъ памятниковъ можно утверждать существованіе разсказовъ о Передурѣ не ранѣе XI стол. Притомъ повѣствуемое о Передурѣ въ приводимыхъ Вилльмарке памятникахъ не связывается съ сказкою, которая могла быть позднѣйшимъ пріуроченіемъ къ Передуру повѣствованій, передававшихся о комъ-нибудь другомъ.

[2]) Въ предисловіи къ Mabinogion сообщается, что въ Hengwrt Library есть манускриптъ Граля, относящійся къ XII стол. Онъ датированъ 1106 г. Сл. у Stephens'a, p. 438.

въ которомъ приготовляли что-нибудь [1]), тогда какъ Гралемъ называлось, по словамъ Гелинанда, блюдо, на которомъ подавались изысканныя кушанья у богачей. О формѣ pair бардовъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Сближеніе свойствъ сосуда бардовъ и Граля также не выдерживаетъ критики. Сосудъ Керидвены сообщалъ поэтическое дарованіе и знаніе—и только [2]). Всякій имѣющій понятіе о романическомъ Гралѣ признаетъ, что этого крайне недостаточно для отождествленія pair Керидвены съ Гралемъ, равно и той черты, что „края бардскаго сосуда, какъ и Граля, были украшены каймой жемчуга и алмазовъ" [3]). Въ первыхъ произведеніяхъ о Гралѣ мы не встрѣтили этой черты, какъ и въ древнѣйшихъ о pair Ceridwen.

Въ Hanes Taliesin даже не сосудъ на первомъ планѣ, а три капли варившейся въ немъ жидкости. Nash замѣчаетъ совершенно вѣрно [4]), что въ первоначальной исторіи котелъ Керидвены—настоящій котелъ вѣдьмы, содержимое въ которомъ приготовляется согласно наставленіямъ, даннымъ въ книгахъ Feryllt, или мудрыхъ людей, подобно тому какъ во всѣхъ другихъ исторіяхъ такого характера [5]).

Противъ отождествленія сосуда Керидвены съ другими сосудами, упоминающимися въ кельтскихъ сказаніяхъ, и съ Гралемъ—и позднѣйшая исторія pair Ceridwen. Этотъ магическій котелъ, исторія чудесныхъ его даровъ были приспособляемы позднѣйшими бардами къ представленію греческаго Геликона. Позднѣйшіе барды постоянно говорятъ о котлѣ вдохновенія и объ Awen или вдохновеніи, которое Llymelyn

---

[1]) Таковъ былъ и сосудъ (pair=per) Керидвены.

[2]) Въ исторіи о Тальезинѣ жидкости, варившейся въ котлѣ Керидвены, приписывается лишь свойство сообщать «knowledge of the mysteries of the future state of the world». Тальезину вложена въ уста слѣд. рѣчь:

I have obtained the muse
From the cauldron of Keridwen.

(Stephens, p. 187).

[3]) Villemarqué, Les rom. de la T. R., p. 142.

[4]) P. 195.

[5]) Котелъ Керидвены могъ быть взятъ изъ какой-нибудь бродячей сказки; о превращеніяхъ, о которыхъ говорится въ mabinogi о Тальез[illegible] см. у Nash'a (p. 183). Вообще подробности этого mabinogi—сказочныя о[illegible] церастраненныя.

Sion въ семнадцатомъ стол. изображалъ истекающимъ отъ Духа Св. Христіанскіе барды тринадцатаго и четырнадцатаго вѣковъ обращались неоднократно къ Дѣвѣ Маріи, какъ къ сосуду или источнику вдохновенія, къ чему они были приведены, кажется, отчасти игрою, какая могла имѣть мѣсто относительно слова pair, котелъ. Чрезъ смягченіе начальной его буквы получалось mair, означающее Марію; отсюда Марія была mair, „мать Христа, вмѣстилище Св. Духа, и pair", сосудъ или вмѣстилище и источникъ христіанскаго вдохновенія [1]). Мы видимъ, что, при всѣхъ измѣненіяхъ, какимъ подвергался Pair Ceridwen въ теченіе столѣтій, онъ не приближался къ Гралю. Сама Керидвена обратилась мало по малу въ главу поэтовъ [2]).

Какъ же послѣ этого думать, что Граль VIII в. выработался изъ этого сосуда?

Упомянувши о Pair Ceridwen, Вилльмарке собираетъ другія сказанія, въ которыхъ говорится о какомъ—нибудь сосудѣ, и, несмотря на то, что въ нихъ дѣло идетъ несомнѣнно о различныхъ сосудахъ [3]), французскій

---

[1]) Nash, 195—196.

[2]) Ibid., 38—39. Сл. у San-Marte въ прибавленіи къ переведенной имъ книгѣ Stephens'a (Halle, 1864) S. 562.

[3]) Какая, напримѣръ, связь между сосудомъ, въ которомъ варился напитокъ, могшій сообщить знаніе будущаго, иначе вода вдохновенія (Water of Inspiration), и блюдомъ съ головою? Вилльмарке долженъ былъ доказать эту связь. Baring — Gould, повторяя мнѣніе Вилльмарке о Гралѣ, выразилъ предположеніе, что посвященіе въ таинства у кельтовъ сопровождалось жертвоприношеніями, и оттого-то сосудъ представляется въ mabinogi наполненнымъ кровью; оттуда же истеканіе крови съ копья (Curious Myths of the Middle Ages, second series, p. 357). Мы думаемъ, что такая *догадка* не нуждается въ опроверженіи. Самъ же Baring-Gould приводитъ разсказъ, по которому чудесный сосудъ Брана потерялъ свою силу, когда въ него была брошена голова.—Какая, далѣе, связь между блюдомъ съ головою, если приписывать ему различныя благодатныя свойства, и копьемъ, которое, по Baring-Gould'y (p. 358), «was probably a symbol of war»? [Вилльмарке (p. 146) высказываетъ подобную же догадку о копьѣ]. Въ «Cad Goddeu» говорится:

There is neither old nor young,
Except me as to their poems
Any other singer who knows the hole of the nine hundred
Which are known to me,
Concerning the blood—spotted sword.

ученый разсматриваетъ всѣ эти повѣствованія, какъ относящіяся къ одному и тому же сосуду, который выступаетъ прежде всего у Тальезина.

По нашему мнѣнію, нѣтъ основаній роднить сосудъ, встрѣчающійся въ легендѣ о Бранѣ [1]), съ чашей Керидвены; въ фабулѣ его нѣтъ ничего, что могло бы связывать этотъ сосудъ съ сказаніемъ о Гралѣ, кромѣ *одной черты*—способности исцѣлять смертныя раны и воскрешать умершихъ, безъ возможности однако говорить. Виллымарке указываетъ и на это послѣднее обстоятельство; но Граль налагаетъ обязанность на лицъ, посылаемыхъ имъ въ качествѣ правителей, молчать о мѣстѣ, откуда они пришли, лишь въ нѣмецкихъ пересказахъ.

Виллымарке ведетъ далѣе рѣчь о сосудѣ, считавшемся въ числѣ унесенныхъ Мерлиномъ 13 чудесъ Британіи. О подобномъ сосудѣ, говоритъ онъ, упоминается въ Арморикaнской сказкѣ; ему усвояется способность наполняться всѣми родами яствъ, и однажды онъ исчезаетъ подобно Гралю и сосуду, унесенному Мерлиномъ. По нашему мнѣнію, этотъ сосудъ—обыкновенная сказочная диковинка,—тоже, что скатерть самобранка. Вообще въ Mabinogion немало различныхъ диковинокъ [2]).

Самъ Виллымарке сознаетъ, что въ сказкѣ о Передурѣ нѣтъ Граля, но онъ объясняетъ это тѣмъ, что разсказчикъ исказилъ мистическій характеръ предметовъ, открытіе которыхъ предпринимаетъ Передуръ [3]). Несмотря на то, что являющійся въ mabinogi сосудъ „не есть болѣе таинственный сосудъ бардовъ, и его края не обложены болѣе перлами

О послѣднихъ словахъ Nash замѣчаетъ: „Perhaps the blood—dropping lance in the tale of Peredur mab Evrano". Если это такъ, то копье или мечъ были, повидимому, предметомъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ легендъ.— Виллымарке представляетъ сказки о Бранѣ и Передурѣ вѣтвями и частями одного и того же разсказа. Знакомый съ этими произведеніями можетъ видѣть всю ложь, какую допускаетъ Виллымарке.

[1]) Villemarqué, Les rom. de la T. R. etc., 142—144.—Эти сосуды роднилъ уже Davies.

[2]) Перечень ихъ можно найти въ ст. Ренана Poésies des races celtiques, помѣщенной сначала въ одномъ журналѣ, а потомъ перепечатанной въ Ренановыхъ „Essais de morale et de critique" (1859). Выдержка изъ нея на русскомъ яз. есть у Стасюлевича, въ его „Исторіи среднихъ вѣковъ" (т. I, Спб. 1863, стр. 498—509).— О сосудѣ Брана см. у San-Marte въ его переводѣ книги Stephens'a (стр. 472). Къ сближеніямъ, сдѣланнымъ нѣмецкимъ ученымъ, прибавимъ указаніе на котелъ нашихъ сказокъ.

[3]) Les rom. de la T. R. etc., p. 145.

и алмазами", Вилльмарке все-таки связываетъ его съ первоначальнымъ преданіемъ на томъ основаніи, что на блюдѣ находится окровавленная голова. Но въ mabinogi все значеніе блюда—въ этой головѣ, тогда какъ въ сказаніи о Бранѣ сосудъ *разбился*, какъ скоро голова упала въ него. Упоминаніе у Тальезина о Передурѣ, какъ о „героѣ кровавой головы", могло быть отголоскомъ разбираемой сказки.

По мнѣнію Вилльмарке, имя Персеваля—синонимъ Передура и также кельтскаго происхожденія; оно означаетъ, какъ и имя Передуръ, спутника сосуда [1]). Иначе объясняютъ имя Персеваля романы, и въ самомъ дѣлѣ оно могло быть романскаго корня; разногласіе труверовъ въ толкованіи этого слова также ничего не значитъ, какъ и разнообразіе толкованій слова Граль.

Сказка о Передурѣ играетъ важную роль въ вопросѣ о происхожденіи бретонскихъ романовъ, встрѣчающееся въ ней блюдо съ головою нерѣдко отождествляется съ Гралемъ, выработаннымъ будто бы изъ этого блюда, или замѣнившимъ этотъ сосудъ, и мы считаемъ нелишнимъ коснуться здѣсь пресловутаго блюда.

Въ mabinogi нѣтъ и рѣчи о Гралѣ. Тамъ разсказывается, что, во время странствованій Передура по бѣлу свѣту, онъ увидѣлъ у одного изъ своихъ дядей, хромаго короля, странныя вещи: сначала было пронесено двумя юношами чрезъ залу, при воплѣ присутствовавшихъ, большое копье, съ острія котораго текла кровь тремя потоками, а потомъ явились двѣ дѣвушки съ блюдомъ, на которомъ лежала окровавленная голова. Слѣдуя наставленію, данному другимъ дядею, не вдаваться въ распросы, Передуръ не рѣшился спросить о значеніи видѣннаго, присутствовавшіе также не разъяснили ему смысла разыгравшейся предъ нимъ сцены, и нашъ герой уѣхалъ, не давъ себѣ отчета въ происшедшемъ. Нѣсколько времени спустя, когда онъ былъ при дворѣ Артура, явилась какая-то дѣвушка отвратительной наружности и, между проч., выразила негодованіе на то, что Передуръ не предложилъ вопросовъ относительно видѣннаго, бывши у хромаго короля; сдѣлай Передуръ это, король выздоровѣлъ бы, и все пошло бы хорошо въ его

[1]) У Гервинуса замѣчено по поводу этого: „...der Deutung des Namen Peredur (*per-gedur*) auf „Graalsucher", die ohnehin von anderen Auslegern geleugnet wird, trauen wir so wenig, wie den eben so sinnigen als falschen Herleitungen aller Namen im Parzival aus dem persischen, die Görres durchgeführt hatte". Geschichte der Deutschen Dichtung, vierte Ausgabe, Leipzig 1853, I, 385.

царствѣ; если теперь все было наоборотъ, то въ томъ былъ виноватъ не кто иной, какъ Передуръ. Этотъ послѣдній пожелалъ выяснить представившуюся загадку и тотчасъ же отправился въ путь. Послѣ цѣлаго ряда приключеній, онъ достигъ, наконецъ, чудеснаго замка, и тамъ бѣлокурый юноша такъ объяснилъ ему его встрѣчи: „Господинъ, это я представалъ въ образѣ черной дѣвушки при дворѣ Артура, потомъ—когда ты бросалъ въ озеро шахматную доску, убивалъ чернаго человѣка изъ Ysbidinongyl'я, стрѣлялъ въ оленя и состязался съ чернымъ человѣкомъ въ рощѣ. (Дальнѣйшую рѣчь юноши, для большей точности, приводимъ подлинными словами San-Marte) Ich kam mit dem blutigen Kopf auf der Schüssel, und mit der Lanze, aus welcher Blutströme von der Spitze herabquollen; und *der Kopf war der deines Vetters, der* durch die Hexe von Gloucester *getödtet wurde, die auch deinen Oheim gelähmt hatte.* Ich bin dein Vetter. Eine Prophezeigung sagt: das du berufen seiest, um alle diese Dinge zu rächen [1]).

Ученые считаютъ Гралемъ упомянутое только что блюдо съ головою лишь потому, что оно фигурируетъ въ томъ самомъ эпизодѣ mabinogi, въ которомъ въ послужившихъ источникомъ для mabinogi романахъ выступаетъ Граль наряду съ кровавымъ трофеемъ, имѣвшимъ отношеніе къ страданію присутствовавшихъ и встрѣчающимся и въ mabinogi,—Граль, который не упоминается въ mabinogi и, очевидно, утерянъ имъ [2]). Но голова на блюдѣ была *вымышлена въ pendant* къ копью, какъ скоро оно получило назначеніе напоминать объ убіеніи дяди Передура; она явилась также кровавымъ монументомъ этого событія, а блюдо, бывшее подъ нею, замѣнило собою tailloer dargent Кретьена де Труа. Голова была *придумана для объясненія* главнаго подвига Передура, также какъ подробность о дядѣ Передура, запретившемъ ему просить у кого-нибудь объясненія видѣннаго.

Итакъ, въ доказательство того, что Граль былъ взятъ у Галловъ, Виллъмарке представилъ нѣсколько галльскихъ легендъ о чудесныхъ

---

[1]) San-Marte, Die Arthursage und die Märchen des rothen Buchs von Hergest. Quedlinburg und Leipzig, 1842.—The Mabinogion, I.—Villemarqué, Les romans etc., 321—394. На русскомъ яз. сказку о Передурѣ можно читать въ „Очеркахъ изъ исторіи средневѣковой литературы“ Кирпичникова (M. 1869).

[2]) Съ этимъ согласуется, что идея mabinogi совсѣмъ не та, что—романа, хотя подробности послѣдняго и mabinogi совпадаютъ весьма часто.

сосудахъ. Въ каждой изъ нихъ сосуду усвояется одно или два изъ качествъ, приписывавшихся Гралю, но ни въ одной не представляются всѣ эти качества, или, по крайней мѣрѣ, значительное ихъ количество въ соединеніи.

Послѣднія въ ряду приведенныхъ Виллъмарке легендъ могли образоваться въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ розсказней, ходившихъ о романическомъ Гралѣ [1]). Равнымъ образомъ, *нѣтъ доказательствъ*, чтобы и всѣ остальныя легенды предшествовали роману о немъ.

Но еслибы даже эти повѣрья о чудесныхъ сосудахъ были въ обращеніи у Кельтовъ задолго до появленія романа о Гралѣ, все-таки сближеніе этого послѣдняго съ названными сосудами, вслѣдствіе общности имъ *нѣкоторыхъ чудесныхъ* свойствъ, не имѣетъ значенія въ наукѣ для доказательства выработки повѣрій о Гралѣ изъ кельтскихъ легендъ о сосудахъ. Извѣстно, сколько общаго въ представленіи чудеснаго у различныхъ народовъ. Методъ *сближенія*—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребленъ у Виллъмарке—приносилъ лишь вредъ въ занимающемъ насъ вопросѣ и не привелъ къ положительнымъ результатамъ. Сближенія на основаніи *отдѣльныхъ* только *чертъ* сходства, давали, какъ увидимъ, возможность другимъ ученымъ выводить Граль изъ блюда съ головою І. Крестителя, изъ суевѣрій о кораллѣ, изъ легендъ о земномъ раѣ и приводить въ связь съ тайноученіемъ тампліеровъ. На такихъ же сближеніяхъ основывались совершенно отжившія въ наукѣ теоріи касательно сюжетовъ бретонскихъ романовъ вообще: восточная, скандинавская и классическая (назовемъ ихъ такъ). По образцу и при посредствѣ такого рода сближеній можно бы построить еще нѣсколько гипотезъ. Да и почему, держась такого метода, не выводить Граль изъ чашъ, на которыя указывалъ Görres?

Въ прологѣ къ роману о св. Гралѣ, у Гелинанда [2]), а равно и въ романахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на образованіе Граля изъ сосуда бардскихъ преданій, нѣтъ ничего, что давало бы право связы-

---

[1]) Тоже можно сказать объ Арморикансκомъ сказаніи о Пероникѣ (Villemarqué, Les rom. etc., p. 396).

[2]) Онъ говоритъ о *Бриттскомъ* отшельникѣ на основаніи пролога. Вообще, какъ видно изъ Legenda aurea, въ XIII стол. романъ о Гралѣ считали англійскимъ произведеніемъ, имѣя въ виду, вѣроятно, составленіе его труверомъ, жившимъ въ Англіи.

вать Граль, по фабулѣ, съ этими преданіями, а слѣдовательно и выводить изъ нихъ. Напротивъ, мы надѣемся указать элементы легенды о Гралѣ внѣ кельтскихъ повѣрій. Въ христіанскомъ мірѣ была своя чаша, могшая занять воображеніе безъ помощи съ ихъ стороны, и тѣ или иныя чудеса могли быть приписаны ей безъ заимствованія матеріаловъ для того у Кельтовъ.

Мы остановились такъ долго на мнѣніи Вилльмарке потому, что оно принято многими учеными, а въ послѣднее время получило новую поддержку и развитіе въ книгѣ Hucher, составляющей новѣйшую работу по нашему вопросу [1]). Hucher называетъ свои соображенія подкрѣпленіемъ и пополненіемъ теоріи Вилльмарке [2]).

Признавая относительную новизну концепціи романа о св. Гралѣ и христіанскій и рыцарскій его колоритъ, Hucher думаетъ однако, что въ основу романа легли древніе матеріалы, „элементы, принадлежавшіе старой бардской почвѣ, галльскимъ преданіямъ“ [3]).

Изложивши вкратцѣ сказанное объ этомъ Вилльмарке, Hucher рѣшился прибавить, съ своей стороны, данныя, встрѣченныя имъ при работахъ по галльской нумизматикѣ.

По мнѣнію Hucher, сосудъ, намѣченный у бардовъ VI в., можно встрѣтить ранѣе, именно на старой галльской почвѣ, по ту сторону римскаго періода. Болѣе чѣмъ за два вѣка до христіанской эры, на самыхъ древнихъ нумизматическихъ памятникахъ Арморики проглядываетъ идея священнаго, или, по крайней мѣрѣ, весьма драгоцѣннаго сосуда [4]). Впрочемъ, самъ Hucher признаетъ далѣе этотъ сосудъ не чѣмъ инымъ, какъ походнымъ котломъ галльскихъ вождей [5]).

Съ началомъ римскаго вліянія въ Галліи, при соприкосновеніи съ утонченною цивилизаціей, преобразился и сосудъ, утратившій грубый первоначальный видъ; подъ греческимъ вліяніемъ, на медаляхъ появляется сосудъ инаго рода, съ инымъ значеніемъ. Hucher указываетъ, между проч., на сосудъ, который сильно приближается своими

---

1) Le saint Graal, publié par E. Hucher. T. I. Au Mans Ed. Monnoyer, A Paris chez tous les Libraires, MDCCCLXXV.

2) P. 8.

3) P. 1.

4) P. 3.

5) P. 4.

ручками, съуженіемъ въ средней части и значительностію своего поддона къ меровингскимъ чашамъ, считаемымъ евхаристическими. Hucher обращаетъ вниманіе на это обстоятельство, какъ на связывающее евхаристическій Граль съ Гралями бардовъ. По мнѣнію Hucher, оно подтверждаетъ мысль, что въ Галліи и въ особенности въ Арморикѣ былъ употребляемъ съ древнѣйшихъ временъ при совершеніи извѣстныхъ священныхъ обрядовъ драгоцѣнный сосудъ, который могли отождествить въ позднѣйшее время съ христіанскою чашей.

Мы сказали уже, что ни для одной изъ легендъ, на которыя ссылается Вилльмарке, не можетъ быть *доказано* существованіе ея во время, предшествовавшее появленію романовъ.

Факты, собранные Hucher, и его заключенія не могутъ поддержать кельтскую теорію, какъ ни кажется вѣскою съ перваго раза аргументація на основаніи памятниковъ, древность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Данныя, которыми задумалъ воспользоваться Hucher, слишкомъ недостаточны для того, чтобы можно было строить теорію, опираясь исключительно на эти данныя.

Hucher устанавливаетъ на основаніи роли, какую играетъ сосудъ на галльскихъ медаляхъ, что онъ долженъ былъ обладать у галловъ драгоцѣнными свойствами; „можетъ быть, онъ доставлялъ побѣду, подобно сосуду Брана, или мудрость, какъ сосудъ, воспѣтый Тальезиномъ“. Но все это догадки. Прежде всего сосудъ галльскихъ медалей могъ имѣть значеніе простаго символа. Могъ онъ, далѣе, имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ отношеніе къ дѣйствительности. Если же онъ связывался съ легендами, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что легенды были тѣ самыя, которыя занесены въ рукописи XIII и послѣдующихъ вѣковъ; мы не можемъ узнать легенды изъ медалей и сказать, насколько онѣ дали бы намъ права сближать Граль съ кельтскимъ сосудомъ. Опираясь на нумизматическія данныя, можно приписать особенное чествованіе какого-то сосуда не однимъ галламъ, такъ какъ изображеніе сосудовъ встрѣчается не на ихъ только монетахъ.

Но сдѣлаемъ уступку Hucher и допустимъ, что изображенный на медаляхъ сосудъ былъ предметомъ легендъ у галловъ. Будемъ ли мы имѣть въ силу того право думать, что именно кельтскій сосудъ подалъ идею Граля? Отчего „пунктъ отправленія христіанскаго миѳа о св. Гралѣ“ былъ непремѣнно въ кельтскихъ повѣрьяхъ? Въ параллель подобному предположенію, можно сослаться съ равнымъ правомъ, напр.,

на сосудъ, встрѣчающійся въ лѣвой рукѣ Христа на мозаическомъ изображеніи въ одной изъ Равеннскихъ базиликъ.

Указываемый Hucher мотивъ, служащій будто бы звеномъ соединенія галльскихъ и христіанскихъ сосудовъ [1]), не можетъ быть принятъ во вниманіе. Hucher ссылается на то, что сосуды галльскихъ медалей приближаются, по своему виду, къ меровингскимъ, считаемымъ евхаристическими. Но слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что меровингскіе евхаристическіе сосуды заимствовали форму у галльскихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получили въ наслѣдство и извѣстную долю легендарныхъ исторій? Сосуды съ ушками и ручками и значительными поддонами употреблялись въ качествѣ потировъ въ христіанской церкви съ первыхъ временъ ея существованія не на западѣ только, а повсюду, и орнаментика въ нихъ была также нерѣдка, какъ и въ галльскихъ. На іудейскихъ монетахъ встрѣчается изображеніе сосудовъ, чрезвычайно близкихъ, по своей формѣ, къ христіанскимъ потирамъ [2]), а также „vase à deux anses [3]).

Извѣстный германскій изслѣдователь сюжетовъ Артуровскаго цикла San—Marte, посвятившій свои занятія этому предмету почти одновременно съ Villemarqué, высказывался нѣсколько разъ относительно легенды о Гралѣ. Послѣдняя формулировка его мнѣнія заключается въ статьѣ, помѣщенной въ Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste Ersch'a и Gruber'a [4]), и мы будемъ излагать и разбирать взглядъ San-Marte на сказаніе о Гралѣ по этой статьѣ.

---

[1]) Очевидно, что, съ точки зрѣнія Hucher, нужно предположить, что христіанскіе элементы легенды о Гралѣ существовали уже до отождествленія его съ галльскимъ сосудомъ. И, въ самомъ дѣлѣ, уже въ VI и VII вв. мы встрѣчаемъ *въ Палестинѣ* сосудъ съ двумя ручками, который выдавали за употребленный Спасителемъ на Тайной Вечери. См. ст. графа А. С. Уварова: „Потиръ“ въ I т. „Древностей“ (М. 1865, стр. 9). Не скажетъ ли Hucher, что и этотъ сосудъ былъ взятъ у галльскихъ кельтовъ, или же у жителей Галатіи?

[2]) Экземпляры монетъ съ такимъ изображеніемъ мы видѣли въ кабинетѣ монетъ и медалей Университета Св. Владиміра. Въ замѣткѣ г. Герца къ ст. гр. Уварова о потирѣ („Древности“, т. I, матеріалы для археологическаго словаря, стр. 63) мы не встрѣтили рисунковъ такихъ чашъ.

[3]) Les médailles antiques, par Mionnet, t. V (Paris MDCCCXI), pp. 558, 560, 561.

[4]) I. Section, 77 Theil, Leipz. 1864, S. 136—157.

San-Marte говоритъ о возникновеніи занимающей насъ легенды весьма общё.

Онъ полагаетъ различіе основы легенды о Гралѣ отъ основы сказаній объ Артурѣ, Карлѣ В. и нѣмецкихъ герояхъ въ томъ, что въ закладку первой легенды, не такъ какъ въ послѣднихъ сагахъ, не легли историческія лица и событія, по крайней мѣрѣ эти послѣднія до сихъ поръ не открыты въ отдаленнѣйшемъ фонѣ, а глубоко благочестивая мысль была плодотворнымъ зерномъ, которое, пересаживаясь чрезъ поэтовъ къ поэтамъ, изъ земли въ землю и изъ столѣтія въ столѣтіе и бывъ возращаемо чувствомъ, получило, наконецъ, содержаніе, которое хотя поэты усиливались передать потомству, какъ исторію священнаго сосуда, свидѣтельствуетъ однако, что этотъ сосудъ нашелъ свое значеніе только въ домогательствѣ благочестиво-христіанскаго духа обосновать неизслѣдуемыя тайны вѣры, чудеса, производимыя христіанствомъ во всемъ мірѣ, и обильно спасительныя ученія Новаго Завѣта, сдѣлать ихъ наглядными въ символахъ и привязать ихъ къ поэтическимъ и историческимъ преданіямъ въ духѣ христіанскаго рыцарства [1]).

Отдѣлавшись такими слишкомъ общими выраженіями отъ нелегкаго вопроса о генезисѣ легенды Граля San-Marte—согласно своему основному воззрѣнію—не представляетъ развитія фабулы Граля до проникновенія ея въ романы. Игнорируя изданный уже въ 1841 г. Fr. Michel'емъ романъ о Гралѣ, онъ замѣчаетъ, что сага о Гралѣ дошла до насъ не въ чистомъ и самостоятельномъ видѣ въ какомъ-нибудь письменномъ произведеніи, а—уже въ тѣсной связи съ исторіей Парцеваля и всѣмъ Артуровскимъ цикломъ сказаній, и оттого нельзя ясно различить, какое вліяніе эта связь имѣла на первоначальную форму и насколько эта послѣдняя выиграла или потеряла отъ этой связи. San—Marte ограничивается замѣчаніемъ, совершенно справедливымъ [2]), что легенда о Гралѣ, или, можетъ быть точнѣе выражаясь,

[1]) S. 136.

[2]) San-Marte основалъ, впрочемъ, это замѣчаніе на невѣрномъ утвержденіи, будто „die ersten Berichterstatter in ihren Schilderungen des heiligen Grals, seines Wesens und seiner Bedeutung in der Hauptsache übereinstimmen, in der Geschichte Parcival's und in den übrigen damit und mit dem Gral verflochtenen zahllosen und weitschichtigen Abenteuern anderer Helden aber die grössten Abweichungen und Verschiedenheiten stattfinden“. По нашему мнѣнію, первая часть этой посылки несостоятельна: много ли согласія между сказаніемъ о Гралѣ у Вольфрама и извѣстными намъ французскими изводами легенды? 5

„идея о Градѣ“ „была первоначально отдѣльна отъ исторій Парцифаля и прочихъ Артуровскихъ витязей“ [1]).

Немного далѣе San-Marte касается нѣкоторыхъ *элементовъ* сказанія о Градѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно является у нѣмецкихъ поэтовъ.

San-Marte готовъ отмѣтить, какъ восточный элементъ, проглядывающую въ легендѣ о Градѣ сагу о земномъ раѣ, о которой замѣчаетъ однако: „такого рода представленія распространены въ человѣчествѣ глубоко и одинаково во всѣхъ поясахъ“. Вотъ потому-то, думаемъ, и нечего толковать въ этомъ случаѣ о востокѣ. San-Marte продолжаетъ: возможно также, что пресловутый *черный камень* въ юговосточномъ углу Каабы въ Меккѣ стоитъ въ темномъ отношеніи къ нашему св. Градю. San-Marte имѣетъ тутъ въ виду Граль Вольфрама von Eschenbach. Нѣмецкій ученый останавливаетъ свое вниманіе на этомъ камнѣ, который иные называютъ даже „правою рукою Бога на землѣ“ и о которомъ передаютъ, что это—одинъ изъ *драгоцѣнныхъ камней рая*, упавшій на землю вмѣстѣ съ Адамомъ. San-Marte находитъ въ исторіи и представленіяхъ этого камня нѣсколько чертъ, *сближающихъ* его съ исторіей и представленіями Граля. Затѣмъ онъ говоритъ, что въ нашу сагу могъ войти староегипетскій Гермесовъ кубокъ, кубокъ Джемшида, Геркулеса и Вакха мистерій [2]). Письмо Ferd. Wolf'a, о которомъ мы скажемъ въ свое время, не позволяетъ, по словамъ San-Marte, говорить объ „отдѣльныхъ мавританскихъ миѳологическихъ элементахъ“. Талмудическое и староравинское творчество также не знаетъ ничего подобнаго Гралю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ San-Marte [3]), насколько послѣдовательно—предоставляемъ судить читателю, получаетъ болѣе подкрѣпленія взглядъ, что Граль и храмовничество, какъ оно изображено у Вольфрама и въ младшемъ Титурелѣ, составляютъ твореніе фантазіи, принадлежащее свободному вымыслу и лишенное почвы дѣйствительной народной вѣры, но для котораго окраска заимствована съ весьма различныхъ сторонъ. Другими словами: оболочка той „глубокой религіозной мысли“, о которой говорилъ прежде San-Marte и которая передавалась, по его мнѣнію, отъ

[1]) S. 137.

[2]) S. 145.

[3]) S. 146.

поколѣнія къ поколѣнію и изъ страны въ страну, прежде чѣмъ получила содержаніе, излагавшееся въ видѣ пространной исторіи священнаго сосуда, принадлежитъ вымыслу единичныхъ поэтовъ, воспользовавшихся матеріалами, какіе представлялись въ различныхъ повѣрьяхъ.

Мы думаемъ, что нѣтъ надобности долго останавливаться на рѣчахъ San-Marte о странствованіи „глубокой религіозной идеи" и объ отрѣшенности фантазіи поэтовъ отъ почвы народной вѣры въ творчествѣ легендарной оболочки Граля. Первое положеніе, справедливое, не въ томъ, какъ мы надѣемся показать далѣе, смыслѣ, въ какомъ ставитъ его San-Marte, ничѣмъ не доказывается у него, а второе не мирится съ указанными выше фактами, приведенными самимъ San-Marte [1]), и съ отголосками нѣмецкихъ миѳовъ въ Парцивалѣ Вольфрама.

Мы коснемся лишь одной подробности мнѣнія San-Marte.

Онъ сводитъ дѣло къ постепенному развитію и долгой выработкѣ *замысла* исторіи Граля, самая же исторія Граля явилась не сразу, а какъ бы въ концѣ развитія.

Въ этомъ случаѣ San-Marte идетъ вслѣдъ за Rochat, который [2]) также принимаетъ отдѣльное существованіе вначалѣ „высокой" идеи, стремившейся воплотиться въ сагѣ [3]).

Мы позволимъ себѣ спросить у почтенныхъ авторовъ, на какихъ фактахъ они обосновали все это мистическое построеніе? San-Marte самъ замѣчаетъ, что „трудно найти первые слѣды образованія саги о Гралѣ и его культа и дать твердую и завѣренную подкладку первоначальной исторіи развитія этой саги" [4]). Эта трудность совершенно понятна съ точки зрѣнія San-Marte; она должна вытекать изъ харак-

---

[1]) Въ дополненіе къ нимъ нужно прибавить замѣченное San-Marte въ другомъ мѣстѣ статьи, именно, что валлійское сказаніе о Передурѣ было также одною изъ оболочекъ, какими былъ надѣленъ Граль впослѣдствіи, хотя и въ немъ уже замѣчается, впрочемъ—въ очень малой степени, предчувствіе той идеи, которая была потомъ воплощена въ это сказаніе.

[2]) Ueber einen bisher unbekannten Percheval li Galois, Zürich 1855, S. 126.

[3]) Вотъ слова Rochat: «es war die Idee eines höheren Strebens, als das irdische, eines Preises höherer Art als derjenige, den man durch körperliche Stärke und ritterliche Kraft sich errang; es war der andauernde Streit des innern Menschen, der geistige Kampf der Seele auf einen Sieg gerichtet der fern vom gewöhnlichen Tummelplatze und Waffengeklirr dem Glaubensritter vorschwebte».

[4]) Allgem. Encycl., l. c., S. 137.

ктера той первой причины, той основы, на которой, по мнѣнію San-Marte, возникла легенда о Гралѣ.

Благочестивая мысль [1]), указываемня довольно многими изслѣдователями, несомнѣнно проглядываетъ въ Гралѣ, но она выказалась не въ этой только легендѣ, и, въ такомъ общемъ опредѣленіи этой мысли, не снабженномъ никакими ссылками на факты, не можетъ выясниться пунктъ отправленія легенды и развитіе ея фабулы, которая сразу должна была соединиться съ благочестивою мыслію, нераздѣльною съ Гралемъ, какое бы ни признать сказаніе о немъ первобытнымъ. Мысль легенды („Gedanke") нельзя отличать отъ содержанія („Inhalt") ея и идею Граля („Gralidee")—отъ его саги („Gralsage"), къ чему склоненъ, повидимому, San-Marte. Можно разграничивать только послѣдовательныя ступени въ развитіи этой идеи *вмѣстѣ съ сагою*.

На первыхъ порахъ, именно въ начальныхъ произведеніяхъ французскихъ труверовъ, элементъ саги перевѣшиваетъ элементъ чистой идеи, и особенное значеніе Граля, внутренняя его подкладка, не только не затушевываетъ этихъ историческихъ подробностей, но даже и не слишкомъ выступаетъ. То, что̀ San-Marte отмѣчаетъ въ легендѣ о Гралѣ, дѣйствительно, встрѣчается въ ней, но все это ярко обрисовывается лишь у Вольфрама, и уже по одному тому, что произведеніе славнаго нѣмецкаго поэта принадлежитъ къ глубокомысленнѣйшимъ созданіямъ среднихъ вѣковъ, представленіе его о Гралѣ не можетъ считаться общимъ достояніемъ, и нѣтъ основаній думать, лто легенда о Гралѣ, въ своемъ постепенномъ образованіи до Вольфрама, держалась на той высотѣ, на какой застаемъ ее у послѣдняго. Насколько Фаустъ Гёте пе похожъ на своего предка въ старой легендѣ, настолько, безъ сомнѣнія, далекъ и Граль Вольфрама отъ своего прототипа. San-Marte примыкаетъ въ выводѣ легенды Граля къ Görres'у и его послѣдователямъ, научные пріемы которыхъ считалъ отжившими уже Gerwinus. Gervinus говоритъ[2]), что, благодаря разъясненію началъ саги о Гралѣ съ открытіемъ памятниковъ бретонско-валлійскаго творчества, „получило жестокій ударъ все направленіе нѣмецкихъ саго-изслѣдователей по которому они тщательно выискиваютъ чистоту сагъ въ заднемъ грунтѣ нашихъ старыхъ эпосовъ, надѣются усмотрѣть „первоначальный смыслъ"

---

[1]) Въ *глубоко*-благочестивую она обратилась лишь впослѣдствіи.

[2]) **Geschichte der Deutschen Dichtung, vierte Ausg., I, 383—384.**

саги въ древнѣйшихъ источникахъ, и вновь утвердился историческій взглядъ, находящій, что смыслъ и чистый видъ сообщаются сагамъ въ заключительныхъ обработкахъ у овладѣвающихъ содержаніемъ поэтовъ, а въ древнѣйшихъ открывающій вездѣ только грубѣйшія основныя матеріи".

Мы готовы отдѣлить идею Граля, просвѣчивающую у Вольфрама, отъ первоначальной оболочки Граля, въ которой эта идея выступаетъ слабѣе, но только мы не поставимъ этой идеи впереди съ тѣмъ, чтобы считать исторію Граля подысканною потомъ къ идеѣ, такъ какъ нѣтъ основаній на это. Наоборотъ, Вольфрамова идея выработывалась естественнымъ ростомъ изъ самой легенды и въ самой легендѣ Граля, или, лучше сказать, вносилась постепенно въ исторію его, по мѣрѣ того какъ въ головахъ поэтовъ становилась зрѣлѣе и зрѣлѣе мысль, заставившая помѣстить Граль въ сферѣ рыцарства и поставить его средоточіемъ высшихъ подвиговъ рыцарства. Идея Граля была отдѣльна отъ фабулы его и предшествовала ей въ такой степени, въ какой всякая идея можетъ назваться отдѣльною отъ искони присущей ей формы проявленія. Противъ Rochat и San-Marte говоритъ выдвигаемый ими же самими фактъ, что улавливаемая ими идея Граля ярко проглядываетъ впервые у Вольфрама [1]). Не значитъ ли это, что идея вызрѣла до совершенной въ предѣлахъ возможности формы только въ пору Вольфрама и у него? У нѣмецкаго поэта, дѣйствительно, очень глубокая мысль; у него соединенъ съ служеніемъ Гралю и художественно выраженъ высшій идеалъ, какой только могъ быть тогда, но то ли мы видимъ и въ произведеніяхъ о Гралѣ, предшествовавшихъ Вольфрамову? Что̀ ни говорить объ источникахъ Вольфрама, останется все-таки несомнѣннымъ, что многое принадлежало исключительно ему, и изъ этого многаго на первый планъ должно выдѣлить идею, которою оживлено его произведеніе, глубоко продуманное отъ начала до конца. Въ силу преобладанія этой идеи у Вольфрама не мало аллегоріи, которая, впрочемъ, скрыта и нисколько не портитъ впечатлѣнія художественности.

Вся несостоятельность воззрѣній San-Marte произошла отъ того, что онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на французскіе изводы легенды о Гралѣ: онъ передаетъ ихъ лишь какъ варіанты къ Воль-

---

[1]) Что мысль, проникающая твореніе Вольфрама, встрѣчается лишь у него, это можетъ быть названо общимъ мнѣніемъ ученыхъ.

фраму и неправильно уяснилъ себѣ вопросъ о положеніи ихъ въ развитіи легенды о Гралѣ, съ *древнѣйшими* изъ французскихъ пересказовъ которой онъ мало знакомъ [1]).

San-Marte не думаетъ, повидимому, что Іосифъ Аримаѳейскій игралъ видную роль въ сагѣ Граля на первыхъ порахъ. Онъ полагаетъ, что Іосифъ получилъ мѣсто въ народной легендѣ не ранѣе 1130 г., въ романахъ же онъ занялъ выдающееся положеніе собственно съ XIII стол. [2]). Такое утвержденіе находится въ связи съ замѣчаніемъ, что „сага о Гралѣ получила живѣйшую обработку у французовъ впервые во второй половинѣ XIII-го стол." [3]). Для опроверженія этого, мы думаемъ, достаточно сослаться на французскіе романы о Гралѣ XII-го стол. Будучи самыми древними произведеніями о Гралѣ, они должны быть исходнымъ пунктомъ въ изслѣдованіи генезиса легенды. Между тѣмъ San-Marte считаетъ эту варіацію легенды развившеюся позже и какъ бы боковою вѣтвію сказанія, а не главнымъ его стволомъ, хотя самъ же говоритъ, что слово Граль означаетъ *сосудъ*, и это обстоятельство должно было навести его на мысль, что и первоначальная легенда о Гралѣ говорила о сосудѣ, а не о камнѣ, встрѣчающемся у Вольфрама.

По мнѣнію San-Marte, вѣтвь легенды, выдвинувшая Іосифа, была разработана учеными монахами, заимствовавшіе у которыхъ труверы начали вносить легенду объ Аримаѳейскомъ праведникѣ въ романы въ предпослѣднее десятилѣтіе XII-го стол. [4]). Въ началѣ Іосифъ былъ внѣ всякой связи съ Гралемъ, разумѣть ли подъ послѣднимъ евхаристическую чашу или блюдо. „Послѣднее толкованіе и—что *въ Граль была принята кровь Христа*, кажется, находится въ связи съ историческими фактами". „Мистическое значеніе Граля, говоритъ далѣе San-Marte, перешло въ романы изъ исторіи и изъ романовъ обратно въ исторію" [5]).

San-Marte пытается установить *начало* сказанія о Гралѣ *въ связи* его *съ легендою объ Іосифѣ* Аримаѳейскомъ при помощи историческихъ свидѣтельствъ о нахожденіи различныхъ реликвій.—Упомянувъ о сосудѣ, найденномъ въ Кесаріи, San-Marte замѣчаетъ, что въ XII стол.

---

[1]) См. Allgem. Encyclop., I Sect., 77 Th., S. 137, 146...

[2]) Ibid. S. 150.

[3]) S. 152.

[4]) S. 150.

[5]) S. 151.

ни одинъ писатель не говоритъ о собраніи въ него крови Христовой. Но значитъ ли это, что не было вообще подобной легенды? Она могла существовать, но только не прилагаться къ генуэзскому сосуду, о которомъ могли ходить иныя преданія, повторенныя въ позднѣйшее время Fra Gaetano въ цѣлой книгѣ, связывающей этотъ сосудъ съ Никодимомъ [1]). Къ генуэзскому сосуду сразу стали относиться, какъ къ нѣкоей реликвіи [2]), и, безъ сомнѣнія, онъ сразу получилъ легенду.

San-Marte думаетъ, повидимому, что Іосифъ Аримаѳейскій выступилъ въ романахъ, когда развилась легенда о собраніи крови Христовой въ генуэзскій сосудъ. Въ XII стол. этой легенды не передавали о генуэзскомъ сосудѣ, и легенда о Гралѣ французскихъ романовъ XIII стол. была, по его мнѣнію, новою легендой. Въ доказательство этого San—Marte приводитъ слова Гелинанда [3]), но изъ свидѣтельства послѣдняго нисколько не вытекаетъ то, что̀ утверждаетъ San—Marte, т. е. новизна легенды и малое распространеніе ея во время около 1227 г.

Нача̀ло французской редакціи сказанія о Гралѣ не отъ генуэзскаго сосуда, какъ скоро эта редакція существовала уже въ XII стол., когда ее не прилагали къ генуэзскому сосуду. Въ основательности приложенія легенды, бывшей въ обращеніи въ XIII стол., къ знаменитому sacro catino не всѣ были убѣждены и въ XIII в., какъ видно изъ одного выраженія Іакова de Voragine.

Что касается источавшаго кровь копья, то оно, въ самомъ дѣлѣ, могло перейти въ романы изъ исторіи, но *поводомъ* къ внесенію его туда была естественность помѣщенія, рядомъ съ чашею, принявшею кровь Христову, и самою кровью, того орудія, которымъ была исторгнута эта кровь [4]). Въ первыхъ романахъ Круглаго Стола копье не выступаетъ въ качествѣ священной реликвіи Христовыхъ страданій [5]).

---

[1]) Уже Iacopus de Voragine приписывалъ не Іосифу Аримаѳейскому собраніе крови Христовой въ сосудъ, перенесенный въ Кесарію, а Никодиму.

[2]) Интересно, что Вильгельмъ Тирскій и Albericus Trium Fontium обратили вниманіе на то, что онъ «in modum parobsidis formatum».

[3]) Они относятся къ тому мѣсту Гелинанда, на которое ссылается и Villemarqué, и которое цитуется во всѣхъ трактатахъ о Гралѣ.

[4]) Въ романѣ о Гралѣ, напечатанномъ въ 1523 г., говорится о собраніи въ священный сосудъ крови, текшей съ копья.

[5]) См. у Hucher, l. c., pp. 404—405.

San-Marte видитъ неполноту и какъ-бы умышленное сглаживаніе нѣкоторыхъ подробностей Вольфрамова повѣствованія во французскомъ сказаніи о Персевалѣ. Подъ вліяніемъ мысли объ этомъ, онъ производитъ рядъ сопоставленій, не принимая въ соображеніе, что предполагаемая имъ неполнота французскихъ пересказовъ и меньшая сила мотивировки подробностей въ нихъ могла произойти отъ того, что французское сказаніе было предшествовавшею ступенью, да и авторы, излагавшіе это сказаніе, не обладали такимъ талантомъ, какъ Вольфрамъ, могшій распространить сагу и сообщить ей дальнѣйшее развитіе [1]).

Остальное, что̀ говорится у San-Marte по поводу Граля, относится уже къ исторіи этого сюжета въ литературныхъ произведеніяхъ, и потому мы не станемъ разбирать слѣдующую за разсмотрѣнною часть статьи San-Marte. Замѣтимъ только, что длинное выясненіе „идеи" Граля по Вольфраму [2]) не можетъ имѣть приложенія ко всѣмъ произ-

---

[1]) San-Marte обращаетъ вниманіе, напримѣръ, (S. 152) на отсутствіе тампліеровъ во французскихъ романахъ о Гралѣ. Онъ думаетъ, что храмовники были изгнаны изъ французскихъ романовъ по политической причинѣ. Но о подобномъ изгнаніи не можетъ быть и рѣчи, какъ скоро они съ самаго начала вовсе не были внесены въ легенду (они встрѣчаются въ одномъ изъ позднѣйшихъ романовъ). Притомъ Oppert, мнѣніе котораго мы разберемъ ниже, разъяснилъ совершенно удовлетворительно, какихъ тампліеровъ Вольфрамъ имѣлъ въ виду. — San-Marte говоритъ о неискусномъ сочетаніи и вплетеніи подробностей во французскихъ пересказахъ. См., напр., стр. 153: «Das Geheimniss der Gralsburg und die verhängnissvolle Frage sind offenbar bei Wolfram das eigentliche Herz der Dichtung, von dem aus alles Lebensblut in die fernsten Adern des tiefsinnigen Meisterwerks rinnt und dahin zurückkehrt. Aber die Franzosen wussten auch hiermit Nichts anzufangen und verirrten sich zu Widersprüchen und Inconsequenzen, die den Zauber dieser Mystik bedauerlich zerstören». Мы согласны, что допущеніе Gauvain'а въ замокъ Граля въ романѣ, приписываемомъ Кретьену, идетъ не такъ къ цѣли повѣствованія, какъ недопущеніе его туда, но послѣднее не есть ли плодъ бо̀льшей вдуманности въ сюжетъ со стороны Вольфрама? По поводу замѣчанія San-Marte о вопросахъ, предлагаемыхъ королю Граля, можно сказать, что они, равно какъ и исканіе Граля, имѣютъ самый натуральный смыслъ лишь во французской редакціи сказанія о Персевалѣ, приписываемой de Boron'у; см. о ней у Hucher.

[2]) Allgem. Encyclop., l. c., S. 138—144.

веденіямъ, посвященнымъ Гралю, и въ особенности къ древнѣйшимъ, которыя собственно и интересуютъ насъ, и мы сочтемъ нужнымъ поговорить въ надлежащемъ мѣстѣ о сущности Граля въ *древнѣйшихъ романахъ* о немъ, которая предстанетъ въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ у Вольфрама.

Изъ переданнаго нами содержанія теоріи San-Marte относительно Граля ясно, по всей вѣроятности, что изъ двухъ главныхъ пересказовъ легенды о Гралѣ нѣмецкій ученый останавливается преимущественно на томъ, который встрѣчается у Вольфрама. Онъ отдаетъ ему предпочтеніе, не заявляя, впрочемъ, въ послѣдней своей статьѣ о Гралѣ, что у Вольфрама самая первобытная редакція сказанія о немъ [1]).

За San-Marte пошли другіе нѣмецкіе ученые, построившіе теоріи о Гралѣ, также руководясь, главнымъ образомъ, Вольфрамовымъ произведеніемъ, но отличаясь меньшею осторожностію.

Въ ряду этихъ ученыхъ заслуживаетъ вниманія прежде всего Симрокъ, мнѣніе котораго, если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ, нашло значительное распространеніе.

Въ вопросѣ о сагѣ Граля Симрокъ примкнулъ къ ученымъ, отстаивавшимъ возникновеніе ея въ неправовѣрной средѣ и распространеніе чрезъ югъ Франціи.

Симрокъ выводитъ Граль отъ восточныхъ еретиковъ, склоняясь, хотя не вполнѣ рѣшительно [2]), усматривать слѣды чествованія его и у храмовниковъ; „къ почитанію реликвіи привязались первобытныя языческія представленія о чудодѣйственной и творческой ея силѣ“ [3]).

Не удовлетворяясь, какъ сначала было [4]), данными, находящимися у Вольфрама [5]), Симрокъ беретъ его сказаніе, приписавъ ему предварительно пониманіе Граля въ видѣ блюда, лишь за точку отправленія. Mabinogi о Передурѣ, гдѣ говорится о блюдѣ съ лежащею на немъ

---

[1]) Прежде San-Marte утверждалъ это прямо.

[2]) Parzival und Titurel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach. Uebers. und erläutert von Dr. K. Simrock. Dritte Ausgabe, Stuttgart und Augsburg. 1857. S. 793.

[3]) Ibid., S. 796.

[4]) Именно—при первомъ изданіи перевода Вольфрамовыхъ Парцifaля и Титуреля.

[5]) S. 775.

окровавленною головою, напоминаетъ Симрову голову Іоанна Крестителя и вмѣстѣ ту, въ поклоненіи которой обвиняли тампліеровъ, а также приводитъ на мысль то обстоятельство, что Генуэзцы пожертвовали сосудъ, найденный въ Кесаріи, капеллѣ Іоанна Крестителя. Затѣмъ Симрокъ перечисляетъ факты, указывающіе, повидимому, на особенное чествованіе Іоаннова дня у рыцарей Граля.

На основаніи всего этого, нѣмецкій ученый думаетъ, что въ древнѣйшей формѣ саги Граля можно открывать слѣды почитанія Іоанна Крестителя.

Переходя затѣмъ къ выясненію начала саги, Симрокъ обращаетъ вниманіе на свидѣтельства о почитаніи Іоанновой главы сектой Македоніанъ. Является вопросъ, говоритъ Симрокъ, це стояли ли Іоанниты въ связи съ Мондеями? Эти послѣдніе жили долго съ Несторіанами, а какъ Несторіане составляли царство пресвитера Іоанна, то ихъ именно должно считать тѣми Іоанновыми христіанами, которые были носителями культа Іоанна Предтечи на востокѣ,—культа, замѣчаемаго и въ древнѣйшей формѣ саги Граля [1]).

Обращаясь потомъ къ объясненію значенія послѣдняго, Симрокъ прибѣгаетъ къ даннымъ миѳологіи, изъ которыхъ видно, „какъ уже заранѣе были близки къ воспріятію миѳа о Гралѣ“ [2]), и производитъ сближенія подробностей его съ различными нѣмецкими повѣрьями.

Нѣмецкій ученый ставитъ краеугольнымъ камнемъ своей теоріи представленіе Вольфрамова Граля въ видѣ блюда, при чемъ не обращаетъ должнаго вниманія въ фабулѣ Граля на то, что разсказывается о немъ у французскихъ романистовъ.

Само по себѣ, изображеніе Граля въ видѣ блюда не имѣетъ еще значенія. Ортодоксальная среда могла рисовать себѣ двояко сосудъ, въ который была собрана кровь Христова, смотря по тому, во что-кому казалось—удобнѣе было собрать эту кровь.

Но, во 1-хъ, нѣтъ основаній считать Вольфрамовъ Граль непремѣнно блюдомъ. У нѣмецкаго поэта нѣтъ описанія формы Граля [3]),

---

[1]) Simrock, Parz. и Tit., S. 776--777.

[2]) «Wie in allen jenen Mythen dem Blute des sterbenden Gottes schöpferische Kraft beiwohnt, so geht Leben, Fülle und Ueberfluss von der Schüssel aus, auf der das Haupt des Iohannes lag». S. 779.

[3]) См. Parz. V, 350 fg.

который нигдѣ не называется сосудомъ, а именуется просто камнемъ [1]), и который постоянно носитъ на Achmardi (арабская зеленая шелковая ткань) сестра короля Anfortas'а. Кажется, что буквально какъ камень и нужно принимать Граль Вольфрама. Граль называется у него *Lapis exilis*—т. е. такъ, какъ вообще говорилось о камняхъ въ лапидаріяхъ, съ которыми Вольфрамъ былъ, повидимому, знакомъ [2]). Если Симрокъ находитъ возможнымъ считать Граль блюдомъ потому, что рыцари Граля получали отъ него яства и напитки [3]), то съ такимъ же правомъ

[1]) Parz. IX, 1083—1084:

sie lebent von einem steine:
des geslähte ist vil reine.

1094—1096:

ouch wart nie ménschén sô wê,
swelhes táges ez den *stein* gesiht
die wochen mac ez sterben niht.

Слово *stein* употребляется для означенія Граля и далѣе. 1108 ст. гласитъ:

der stein ist ouch genant der grâl.

[2]) См. Parz. XVI, 121 fg. и примѣч. Bartsch'a (Deutsche Classiker des Mittelalters. Wolfram's von Eschenbach Parzival und Titurel, III, Leipzig 1871, S. 170).—Въ лапидаріяхъ предъ названіемъ каждаго камня ставилось слово *lapis*.

[3]) Parz. V, 422 fg.:

hundert knappen man gebôt:
die nâmen in wîze twehelen brôt
mit zühten vorme grâle.
.....vorem grâle waere bereit
....
swâ nâch ener bôt die hant,
daz er al bereite vant
spîse warm, spîse kalt,
spîse niuwe unt dar zuo alt,
daz zam unt daz wilde.

Сл. ст. 456—457.—Впрочемъ, Симрокъ, говоря постоянно о Гралѣ, какъ о блюдѣ, могъ имѣть въ виду толкованіе слова Граль у Гелинанда, на которомъ основалъ разсужденія о Гралѣ и Bartsch (l. c., I, S. XXIII. Сл. на 248 стр. прим. къ 353 ст.). Но нѣмецкій поэтъ могъ употреблять слово Граль, какъ собственное имя, не соединяя съ нимъ непремѣнно понятія о блюдѣ или вообще о какомъ-нибудь сосудѣ. По крайней мѣрѣ, на такое пониманіе Граля, какъ мы сказали, нѣтъ намека ни въ одной строкѣ Вольфрамова

можно давать Гралю и иныя формы, смотря по тому, на какія изъ его благодѣяній (которыя не ограничивались доставленіемъ пищи) обращать вниманіе.

Во 2-хъ, Симрокъ едвали правъ, когда утверждаетъ, что сага о Гралѣ и исторіи Парциваля и Шіонатуландера сохранились въ самой подлинной и вмѣстѣ самой прекрасной формѣ въ обоихъ произведеніяхъ Вольфрама; всѣ прочія обработки легенды составляютъ болѣе или менѣе искаженія, къ которымъ уже Вольфрамъ причислялъ произведеніе Кретьена [1]).

Въ этомъ положеніи, которымъ проникнута теорія Симрока, открыто придается слишкомъ много значенія Вольфрамову повѣствованію, и мы находимъ весьма умѣстнымъ сказать здѣсь, какимъ представляется намъ это повѣствованіе по своему происхожденію.

Тотъ или иной взглядъ на Вольфрамовы свидѣтельства имѣетъ огромное значеніе въ выясненіи генезиса легенды о Гралѣ. Извѣстно, что послѣднему въ разсказѣ Вольфрама дается совершенно отличная легенда отъ той, которая встрѣчается о Гралѣ у англо-нормандскихъ и французскихъ труверовъ, хотя нѣсколько общихъ свойствъ, присвоиваемыхъ ему одинаково тѣмъ и другимъ сказаніемъ, указываютъ на родство этихъ варіацій легенды. Такъ, и у Вольфрама, какъ мы видѣли, Гралю приписывается способность насыщать своихъ хранителей всѣми родами яствъ [2]); у французскихъ поэтовъ только чистые могли видѣть Граль и услаждаться имъ, и точно также и у Вольфрама сподобиться этого могли лишь призванные къ тому по заслугамъ; Граль приводится и у Вольфрама до извѣстной степени въ связь съ нашимъ искупленіемъ [3]). Французскіе романы о Гралѣ древнѣе нѣмецкаго Парциваля, но въ основу послѣдняго нѣкоторые кладутъ съ полною увѣ-

---

произведенія.—Производство слова Граль отъ Grès неосновательно и, слѣдовательно, съ Гралемъ не соединялось у французовъ представленіе о камнѣ.

[1]) S. 796.—Сл. Die Arthur-Sage, S. 59.

[2]) См. выше и Parz. IX, 1083.

[3]) См. ниже Сл. у San-Marte въ »Rückblicke auf Dichtungen und Sagen des deutschen Mittelalters (Biblioth. der gesammten deutsch. Nat.-Literatur, Abtheil. II, Band 6, Quedlinburg und Leipzig 1872)«, гдѣ перепечатаны статьи о Вольфрамѣ, помѣщенныя прежде въ журналѣ »Germania«.

ренностью произведеніе, которое, если только оно существовало въ дѣйствительности, могло бы посчитаться древностію съ самыми ранними изъ французскихъ романовъ.

Является вопросъ о сравнительной древности обѣихъ редакцій сказанія о Гралѣ и о взаимномъ отношеніи ихъ — вопросъ, который давно уже поднятъ въ наукѣ.

Въ рѣшеніи его Симрокъ противорѣчитъ самъ себѣ, толкуя о важномъ значеніи повѣствованія Вольфрама и отрицая въ тоже время пользованіе со стороны послѣдняго какимъ-нибудь другимъ французскимъ романомъ, кромѣ романа французскаго поэта Кретьена де Труа.

Вольфрамъ старался показать, что онъ имѣлъ предъ собою сказаніе о Гралѣ въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ какомъ оно является у Кретьена де Труа. Онъ хотѣлъ, повидимому, убѣдить читателя, что онъ имѣлъ подъ руками первое произведеніе, какое выдвинуло Граль изъ неизвѣстности,—произведеніе писавшаго по французски провансальца Kyôt который открылъ будто-бы находившееся въ забвеніи въ Толедо повѣствованіе Флегетаниса о Гралѣ и продолжилъ это повѣствованіе данными о дальнѣйшей судьбѣ Граля, встрѣченными имъ послѣ розысковъ въ хроникѣ Анжу.

Симрокъ и Rochat предполагаютъ, что Kyôt выдуманъ Вольфрамомъ для того, чтобы послѣдній могъ опереться на какой-нибудь авторитетъ въ отступленіяхъ отъ Кретьена де Труа [1]), а нѣкоторые ученые [2]) думаютъ, что Вольфрамъ нашелъ Kyôt выставленнымъ въ своемъ источникѣ. Другіе нѣмецкіе ученые, въ томъ числѣ Bartsch, готовы считать Kyôt дѣйствительно существовавшимъ лицомъ, и при этомъ Wackernagel[3]) и San—Marte[4]) отождествляютъ Kyôt съ Guiot de Provins, хотя во французской литературѣ не сохранилось и намековъ на то,

[1]) Bartsch возражаетъ, что Вольфраму не было надобности въ такомъ авторитетѣ для отступленій, примѣры которыхъ нерѣдки. По нашему мнѣнію, все-таки ссылка на Kyôt могла придать въ то время болѣе значенія Вольфрамову произведенію. — San-Marte (»Rückblicke«, S. 146) находитъ смѣлымъ бросать тѣнь на характеръ Вольфрама, приписывая ему выдумку относительно источника Парцифаля. Но такія выдумки не считались тогда предосудительными.

[2]) Какъ W. Müller—въ Gött. Gel. Anz. 1843.

[3]) Altfranzösische Lieder und Leiche, Basel, MDCCCXXXXVI, S. 191.

[4]) Parzival—Studien, Heft I, Halle, Waisenhaus 1861; Rückblicke etc.

чтобы последній писалъ что-нибудь подобное роману о Персевалѣ [1]), да и сочиненія его, кромѣ встрѣчающейся въ нихъ похвалы тампліерамъ, не даютъ поводовъ къ такому заключенію [2]). Притомъ, согласно съ Bartsch'емъ [3]), то, что говорится о Kyôt у Вольфрама, заставляетъ относить родину Kyôt къ Анжу, и, съ отождествленіемъ Kyôt и Guiot de Provins, не будетъ понятно прозвище, данное первому у Вольфрама [4]).

---

[1]) Предположимъ, что самое произведеніе Kyôt погибло вслѣдствіе причинъ, указанныхъ Bergmann'омъ, о мнѣніи котораго относительно Граля мы скажемъ ниже: «Il faut attribuer à l'hétérodoxie de Guyot la perte ou la destruction de son roman, lequel devait avoir le même sort que les livres des Albigeois et les ouvrages des Templiers».

[2]) Въ „Библіи" Guiot могъ хоть какъ-нибудь намекнуть о Персевалѣ, который долженъ былъ быть имъ написанъ предъ „Библіей", а между тѣмъ онъ не сдѣлалъ этого. San-Marte («Rückblicke», S. 142) напрасно считаетъ ничего не значущею эту странность на томъ основаніи, что «eine sachliche Nothwendigkeit gebot ihm solche Bezugnahme nicht». San-Marte основываетъ свое предположеніе о написаніи Guiot романа о Персевалѣ на такихъ шаткихъ доказательствахъ, какъ: «Es entspricht der allgemeinen Geistesentwickelung, dass Guiot in seiner Iugend und während seines Wanderlebens sich der heitern Lyrik hingab, im gereiften Mannesalter an einem Epos ein tief in der Seele entsprungenes Ideal ritterlich-christlichen Lebens darzustellen sich gedrungen fühlte, im höheren Alter, vielleicht nach vielfachen Enttäuschungen, dagegen sich zur reinen Wirklichkeit in einem Lehr und Strafgericht wandte». Guiot de Provins едвали написалъ романъ о Персевалѣ; но, тѣмъ не менѣе, весьма могло быть, что Вольфрамъ разумѣлъ этого Guiot, говоря о Kyôt: Guiot de Provins могъ по справедливости назваться «meister wis wol bekant», принадлежалъ къ Chanteures и Ménétriers и съ „Библіей" его Вольфрамъ былъ знакомъ. Къ такому мнѣнію склоняется и Симрокъ. Вольфрамъ могъ спокойно въ Германіи приписать Guiot небывалое произведеніе.

[3]) Parziv. und Tit. I, Th., XXVIII.

[4]) Bergmann объясняетъ это прозвище Kyôt такъ: «Son goût pour la littérature du midi, ses voyages et son séjour dans ce pays, alors le plus civilisé et le plus éclairé du monde, et peut—être, plus que toute autre chose, les tendances religieuses et philosophiques qu'il y avait puisées, ont sans doute été cause que ses compatriotes lui firent donner le surnom ou le sobriquet de *Provençal*». Въ другомъ мѣстѣ Bergmann говоритъ: «c'est sans doute à cause de cette conformité de vues avec les sectaires du midi qu'il reçut de ses contemporains le surnom ou le sobriquet de Provençal». Все это едвали вѣроятно.

Изъ существующихъ на лицо фактовъ одни говорятъ въ пользу, а другіе противъ существованія Kyôt, отличнаго отъ Guiot de Provins, и его произведенія.

Съ одной стороны, въ романѣ Вольфрама выступаетъ не малое количество французскихъ мѣстностей; встрѣчающіяся у него чисто французскія названія какъ бы говорятъ о томъ, что Вольфрамъ пользовался какимъ-то источникомъ помимо произведенія Кретьена [1]). Прибавки къ тому, что читаемъ у Кретьена, иногда довольно значительныхъ размѣровъ, и подобные эпизоды Fauriel указывалъ у нѣкоторыхъ трубадуровъ. Къ тому же циклу сказаній, къ которому принадлежитъ начало Вольфрамова Парцифаля, относятся отрывки другаго произведенія Вольфрама, обыкновенно называемаго Титурелемъ. Въ XII стол. весьма легко могло явиться такое произведеніе, какимъ можно представить себѣ, по Вольфраму, сочиненіе Kyôt. Вольфрамъ выводитъ королей Граля изъ Анжуйскаго дома, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, дано одно происхожденіе съ домомъ, изъ котораго произошелъ Артуръ. Изъ того же Анжуйскаго дома былъ, какъ извѣстно, англійскій король Генрихъ II (1154—1189), которому принадлежали одновременно Нормандія, Анжу, Tourraine и Maine, Guienne, Poitou и Saintonge. Такая редакція могла быть дана сказанію о Гралѣ какимъ-нибудь изъ французскихъ подданныхъ Генриха II съ цѣлью польстить ему. Въ тѣ времена было обычно придумываніе различныхъ генеалогій. Относить королей Граля къ Анжуйскому дому было естественнѣе всего французу мѣстностей, подвластныхъ этому дому [2]).

Но, съ другой стороны, это могъ сдѣлать самъ Вольфрамъ, помѣщая Граль на югѣ Франціи [3]). Самъ Вольфрамъ могъ пріурочить

[1]) Gaston Paris (Romania, № 13, 1875, Janvier, p. 150) говоритъ: «je crois qu'on ne peut tirer de conclusions bien sûres des noms propres employés par Wolfram, parce qu'ils sont trop altérés; mais tout porte à croire qu'il les a trouvés dans une source française».

[2]) Сл. то, что говорится у Вилльмарке о бретонскихъ пѣвцахъ: Les romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons, p. 171.—Въ отношеніи къ возведенію Анжуйскаго дома къ Артуру интересно, что Артуромъ назывался сынъ Готфрида Плантагенета. О сохранившихся генеалогіяхъ Генриха II см. въ »Descriptive cataloque of materials relating to the history of Great Britain and Ireland, by Th. Duffus Hardy«, vol. II (Lond. 1865 г.).

[3]) Многіе ученые утверждаютъ, что Вольфрамъ полагалъ замокъ

туда Граль, который не помѣщать же ему было въ Германіи. Имена французскихъ мѣстностей на половину вымышлены и могли быть взяты

Граля въ Испаніи. Между тѣмъ, у Вольфрама не сказано опредѣленно, гдѣ находился этотъ замокъ, о которомъ говорится у него (Parz IX, 1205—1211):

dâ wont ein werdiu bruoderschaft
die hânt mit werlîcher kraft
erwert mit ir handen
der diet von al den landen,
daz der grâl ist anerkennet,
wan die dar sint benennet
ze Munsalvaesche an's grâles schar.

На основаніи Вольфрамовыхъ словъ, можно сказать о замкѣ Граля только то, что онъ находился на континентѣ югозападной Европы, но гдѣ именно, —въ южной ли Франціи, или же въ Испаніи, неизвѣстно. Bartsch (Wolfram's von Eschenbach Parzival und Titurel, II Theil, S. 157, примѣч. къ ст. 1393 г.) говоритъ о королѣ Граля: »die Begegnung mit einem Heiden in der Nähe der Gralburg weist auch darauf hin, dass sich Wolfram den Sitz derselben in Spanien dachte«. Но язычникъ, съ которымъ встрѣтился Anfortas, былъ не испанскій: онъ былъ

geborn von Ethnise,
dâ ûsem pardîse
rinnet diu Tigris.
der selbe heiden was gewis
sîn ellen solt den grâl behaben.

Parz. IX, 1395—1399. Очевидно, что язычникъ, о которомъ идетъ рѣчь, прибылъ къ замку Граля нарочно съ востока. Избѣгая точнаго обозначенія мѣстности замка Граля, Вольфрамъ отдѣлывается шуточками. Въ послѣдней пѣснѣ Парцеваля немало такихъ оборотовъ. Говоря въ одномъ мѣстѣ о поѣздкѣ Парциваля съ братомъ и посланницею Граля къ замку послѣдняго, Вольфрамъ замѣчаетъ (XVI, 164—165):

mir ist niht für wâr gesaget
wie verr' da enzwischen waere.

Въ другомъ мѣстѣ (XVI, 297—300) онъ говоритъ:

i'ne weiz wie manege raste
Condwir âmûrs dô was geriten
gein Munsalvaesch' mit fröude siten.

Вольфрамъ могъ изобразить въ рыцаряхъ Граля испанскихъ рыцарей (см. ниже), но самый Граль могъ полагать во Франціи. Другое дѣло—замокъ Граля въ младшемъ Титурелѣ.

и не изъ литературнаго произведенія, а составлены Вольфрамомъ, хорошо знавшимъ французскій языкъ, изъ дѣйствительныхъ же мѣстностей названы самыя общія. Вслѣдъ за San-Marte Bartsch показалъ [1]), что Вольфрамъ превращалъ иногда въ собственныя имена фразы и эпитеты, которые встрѣчалъ у Кретьена. Предпослать исторію Персевалева отца также могъ самъ Вольфрамъ [2]) по образу Кретьена, который началъ съ такой предварительной исторіи въ Cliget, несомнѣнно извѣстномъ Вольфраму, и вообще по установившемуся тогда въ литературѣ романовъ обычаю. Интересно въ этомъ отношеніи, что одинъ изъ предковъ Парциваля былъ призванъ по „отдаленному“ городу Gâneline:

cliu selbe stât lît aldâ
dâ diu greian in die Trâ,
mit golde ein wazzer rinnet [3]).

Замѣчательно, что лица этой предпосланной исторіи не встрѣчаются во французскихъ произведеніяхъ [4]), и въ ней есть подробности,

---

[1]) Germanistische Studien, herausgeg. von K. Bartsch. Supplement zur Germania. II. Die Eigennamen in Wolframs Parzival und Titurel.

[2]) Не считать же его рабскимъ переводчикомъ. См. объ этомъ у San-Marte: Ueber Wolfram's von Eschenbach Rittergedicht Wilhelm von Orange (Bibliothek der gesammt deutsch Nat-Lit, Abtheil. II, Band 5), Quedlinburg und Leipzig, 1871, S. 111—113, а также въ отзывахъ другихъ ученыхъ о Вольфрамѣ.

[3]) Parz. IX, 1979—1981.

[4]) Что они являются въ отрывкахъ Титуреля, это ничего не значитъ, такъ какъ мы не встрѣчаемъ тамъ упоминанія о Guiot, и самъ Вольфрамъ могъ быть исключительнымъ творцомъ канвы и этихъ отрывковъ, задумавъ исторію королей Граля. San-Marte напрасно называетъ дошедшіе до насъ отдѣлы Титуреля «auf Kyot fassende Titurelfragmente» (цитир. ст. въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, стр. 137). Имѣя въ виду эти отрывки, San-Marte думаетъ, что у Kyôt было немало такихъ разсказовъ, которые Вольфрамъ не внесъ въ свой романъ о Парцивалѣ ради лучшей его округленности. Это подтверждается, по мнѣнію San-Marte, еще такъ называемымъ *младшимъ Титурелемъ*. На основаніи его содержанія должно принять вмѣстѣ съ Lachman'омъ противъ Симрока, что Альбрехтъ слѣдовалъ если не произведенію Kyôt, то примыкавшимъ къ нему обработкамъ этого безконечно богато раз-

напоминающія нѣмецкую сагу. Kyôt, насколько можно видѣть изъ приведенныхъ ниже словъ Вольфрама, писалъ о томъ, о чемъ и Кретьенъ, и, въ сущности, повѣствованіе Вольфрама, съ фабулярной его стороны, сходится съ повѣствованіемъ Кретьена. Это нельзя объяснять тѣмъ, что Kyôt, какъ думаетъ Bartsch [1]), служилъ источникомъ и Кретьену [2]). Вольфрамъ говоритъ о непосредственномъ знакомствѣ съ Кретьеномъ, иногда у него встрѣчаются стихи, представляющіе зна-

---

росшагося матеріала (нѣсколько осторожнѣе San-Marte выразился въ «Rückblicke», S. 149).—Но прибавки въ младшемъ Титурелѣ вовсе не обнаруживаютъ богатства фантазіи и представляютъ распространеніе Вольфрамова разсказа, которое можетъ быть объяснено совершенно удовлетворительно безъ допущенія пользованія со стороны автора младшаго Титуреля произведеніемъ Kyôt въ другихъ пересказахъ, кромѣ Вольфрамова.— San-Marte говоритъ далѣе: имена, встрѣчающіяся въ „Эрекѣ" Hartmann'a von Ave (написанъ между 1189 и 1204 гг.): Titurel, Galoës, Marlivliôt, Schoanbôr, Ganatulander, доказываютъ, что эти личности, не встрѣченныя въ извѣстной до сихъ поръ литературѣ французскаго романа, имѣли въ ней мѣсто, хотя они являются только какъ фигуранты и не выступаютъ въ Кретьеновомъ Эрекѣ. (Ст. о Гралѣ въ энциклопедіи Эрша и Грубера, стр. 137. Сл. Arthur-Sage, Quedlinb. und Leipz. 1842, S. 326. «Wolfram von Eschenbach und Guiot de Provins» въ Fr. Pfeiffer's Germania (1858, III, S. 463) и въ «Rückblicke»....— Мы замѣтимъ на это, что упоминаніе приведенныхъ именъ въ Эрекѣ могло быть позднѣйшею вставкою, а кромѣ того до сихъ поръ не опредѣлено съ достовѣрностію время появленія отрывковъ Вольфрамова Титуреля. (Koberstein, Grundriss der Geschichte der deutschen Nationalliteratur, fünfte umgearbeitete Auflage von Karl Bartsch, I-ter Band, Leipzig 1872, S. 169). Теперь склоняются къ тому, что это—самое раннее произведеніе Вольфрама. По мнѣнію Bartsch'a, „отрывки Титуреля могли быть сочинены въ последніе годы 12 столѣтія" (Wolfram's von Eschenbach Parzival und Titurel, I, XVII). Мы не касаемся указываемыхъ нѣкоторыми учеными чертъ нѣмецкаго происхожденія исторій, являющихся въ началѣ Вольфрамова повѣствованія.

[1]) Parz. und Tit., I, XXVIII.

[2]) San-Marte думаетъ («Rückblicke» etc., S. 142), что Kyôt (по его мнѣнію Guiot de Provins) писалъ послѣ Кретьена. Къ тому же склонился и Wackernagel. При такомъ взглядѣ, первенство нѣмецкой редакціи сказанія о Гралѣ падаетъ само собою.

чительную близость къ стихамъ послѣдняго, да и для чего могъ бы писать Кретьенъ, еслибы данное ему какъ матеріалъ произведеніе было также изложено стихами [1]) и еслибы онъ не могъ, или не думалъ значительно отступать отъ оригинала? У Kyôt должно было быть только совершенно иное пониманіе Граля, чѣмъ у Кретьена,—пониманіе, съ которымъ Кретьенъ не обнаруживаетъ однако знакомства. Почему Кретьенъ измѣнилъ въ этомъ случаѣ фабулу? Кромѣ различія между французскимъ и нѣмецкимъ поэтами въ представленіи Граля, существенное несогласіе между ними замѣчается еще въ нѣкоторыхъ пунктахъ вторыхъ половинъ французскаго и нѣмецкаго романовъ. Оно объясняется тѣмъ, что во второй половинѣ Кретьенова произведенія есть вставки, какъ думаетъ Potvin [2]), склоняющійся къ предположенію, что романъ о Персевалѣ былъ окончень самимъ Кретьеномъ де Труа. Если же мы удержимъ прежнее мнѣніе, что романъ не былъ оконченъ Кретьеномъ [3]), тогда изъ несогласія между вторыми частями романовъ станетъ очевиднымъ, что продолжатели романа, начатаго Кретьеномъ, съ одной стороны, и съ другой Kyôt и Вольфрамъ, знавшій, какъ утверждаютъ, только то, что было написано Кретьеномъ, работали не по одному источнику въ частяхъ, составленіе которыхъ не принадлежало Кретьену, какъ скоро разошлись въ подробностяхъ, съ которыми не могли познакомиться другъ у друга. А усвоивши такой взглядъ, нельзя будетъ объяснять сходство, замѣчаемое между повѣствованіями

[1]) Kyôt называется у Вольфрама (Parz. VIII, 561) la chantiure.

[2]) И въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ 33-й главы Монсскаго манускрипта говорится:

— Gauvains, ce conte li *estore*
Qui de lui est mis en memore,
Avoec le roi son oncle estoit.

[3]) Впрочемъ, это не доказано еще вполнѣ. Potvin'овымъ замѣчаніемъ противорѣчитъ слѣдующее свидѣтельство Herbert'a:

Ce nus dist Crestiens de Troie
Qui de Percevax comencha,
Mais la mors, qui l'adevancha,
Ne li laissa pas traire affin,
Qu'ele l'ama tant de cuer fin,
Quant le vit al comencement etc.

Кретьена де Труа и Вольфрама, не постояннымъ заимствованіемъ со стороны послѣдняго, а просто единствомъ источника Кретьена де Труа и Kyôt, трудомъ котораго будто бы пользовался Вольфрамъ. Вообще, если выключить изъ канвы Вольфрамова повѣствованія все, что можно отнести съ вѣроятностію къ нѣмецкимъ источникамъ и Кретьену де Труа, на долю Kyôt останется не особенно значительное количество подробностей.—Въ недавнее время въ одномъ изъ текстовъ Кретьенова романа о Персевалѣ найдена и исторія Персевалева отца. Bartsch сомнѣвается въ принадлежности ея Кретьену, но за эту принадлежность стоитъ издатель этой находки Potvin, занимавшійся спеціальнымъ изученіемъ произведеній Кретьена де Труа. Potvin замѣчаетъ [1]), кажется намъ, справедливо, что романъ не могъ начинаться такъ, какъ онъ начинается теперь въ большинствѣ рукописей. Самъ Bartsch не считаетъ это вступленіе измышленнымъ, а думаетъ, что позднѣйшій писатель могъ воспользоваться тѣмъ источникомъ, который послужилъ и Кретьену [2]). Но отчего, спросимъ мы, самъ Кретьенъ не могъ черпать въ этомъ случаѣ изъ своего источника и неужели онъ былъ такъ недалекъ, что не видѣлъ пригодности этого эпизода? Неужели изъ того, что прибавка о Персевалевомъ отцѣ найдена въ *одной* только рукописи Кретьена [3]), слѣдуетъ, что она не подлинна? Передѣлки и поправки поэтическихъ произведеній были тогда нерѣдки [4]). Едвали могло быть такъ, что введеніе, написанное сначала Кретьеномъ, было потомъ выброшено имъ. Бо̀льшая или меньшая извѣстность сюжета не дала бы переписчикамъ повода исключать это введеніе. Но еслибы даже оно было подложно, то все-таки Вольфрамъ могъ имѣть подъ руками именно такой списокъ Кретьена, въ которомъ встрѣчалось это введеніе. Blihis, по мнѣнію Potvin'a [5]),—прототипъ Флегетаниса. Это несправедливо; но, во всякомъ случаѣ, основа 1-й главы

[1]) P. 23.

[2]) Wolfr. von Eschenbach Parz. und. Tit., I, XXVII.

[3]) Вступительная часть эта встрѣчается, кромѣ того въ произведеніяхъ, которыя могли выдти изъ Кретьенова (Potvin, l. c., pp. 24—25) и, что замѣчательно въ особенности—въ прозаическомъ Персевалѣ XII стол. (Potvin, 169—170). Potvin даже думаетъ, что такой текстъ, какой найденъ въ Монсѣ, былъ наиболѣе распространенъ.

[4]) Romania, № 4, p. 481.

[5]) P. 185.

Монсскаго манускрипта въ сущности таже, что и—начала Вольфрамова повѣствованія: и тамъ мы встрѣчаемъ гибель Персевалева отца въ бою, удаленіе матери Персеваля *въ лѣсъ* и стараніе уберечь его отъ знакомства съ рыцарствомъ. Эта же первая глава Кретьенова романа могла дать Вольфраму идею большаго лѣса, окружавшаго замокъ Граля. Исторія Персевалева отца передана у Вольфрама нѣсколько сложнѣе, чѣмъ во французскомъ романѣ, у нѣмецкаго поэта въ разсказъ вмѣшаны востокъ и Испанія; но то и другое могъ внести самъ Вольфрамъ. Впрочемъ уже въ упомянутомъ текстѣ Кретьена какъ бы намекается на возможность сказать и больше о Персевалевомъ отцѣ:

Del signor ne voel plus conter,
Ci lairai la parole ester [1]).

Изъ дальнѣйшаго повѣствованія романа о Персевалѣ мы узнаемъ, что у Персеваля былъ братъ [2]). Въ этомъ опять соотвѣтствіе съ Вольфрамомъ, но за то 1-я глава Монсскаго манускрипта вовсе не говоритъ о братѣ Персеваля. Не былъ ли это такой же братъ, какого встрѣчаемъ въ разсказѣ Вольфрама? Интересно предположеніе Симрока [3]), что первыя двѣ книги Парциваля Вольфрамъ могъ прибавить позже.

Обращаясь къ продолженію рѣчи о Kyôt, скажемъ, что упоминанія о немъ отличаются противорѣчіями, если не отождествлять его съ Guiot de Provins. Самъ Kyôt былъ провансалъ [4]) и его произведеніе было получено Вольфрамомъ изъ Прованса [5]), а между тѣмъ оно было написано по французски [6]). Это противорѣчіе не уничтожается

---

[1]) Potvin, p. 106, vv. 935—936.

[2]) Potvin, p. 150, vv. 159—161; p. 165, vv. 464—466.

[3]) L. c., S. 815.

[4]) Parz. VIII, 565; XVI, 550, 1205.—Вольфрамъ постоянно называетъ Kyôt. провансаломъ:

[5]) Parz. XVI, 1209 fg.

Von Provenz in tiuschiu lant
diu rehten macre uns sint gesant,
und dirre âventiur endes zil.

[6]) Parz. VIII, 568. Съ этимъ послѣднимъ фактомъ согласуется то, что Вольфрамъ былъ знакомъ только съ сѣверно-французскимъ говоромъ. Wilhelm von Orange, 237, 3. Сл. San-Marte Ueber Wolfram von Eschenbach Ritterged. Wilhelm von Orange, S. 417.

предположеніемъ, давно уже выставленнымъ и поддерживаемымъ теперь Bartsch'емъ, что произведеніе Kyôt было написано на одномъ изъ смѣшанныхъ діалектовъ, имѣвшихъ мѣсто на границѣ сѣверно-французскаго и провансальскаго говоровъ [1]). Называя Kyôt провансаломъ, Вольфрамъ могъ называть провансальскимъ и языкъ его произведенія, еслибы даже послѣдній былъ не совсѣмъ чистъ, и какъ скоро Вольфрамъ не сдѣлалъ этого, то очевидно, что діалектъ Kyôt представлялъ рѣзкую противоположность провансальскому. Если же такъ, то отчего провансалъ вздумалъ авторствовать на французскомъ яз.? Въ „Germanistische Studien" [2]) Bartsch выдѣлилъ изъ поэмъ Вольфрама цѣлый рядъ собственныхъ именъ романскаго происхожденія и подвергъ ихъ разсмотрѣнію въ надеждѣ, что они могутъ дать понятіе о діалектѣ, на которомъ писалъ Kyôt. G. Paris замѣтилъ по этому поводу, что одного названія собаки *Gardiviaz* или *Gardeviaz*, которое Вольфрамъ переводитъ hüete der verte и которое звучало бы по провансальски *Gardavias*, недостаточно, чтобы засвидѣтельствовать южный или смѣшанный „оттѣнокъ языка" Kyôt. Другія формы, которыми Bartsch пользуется для поддержки того же заключенія, не кажутся Gaston'у Paris имѣющими для того силу [3]).

Мы не касаемся обстоятельства, что до сихъ поръ ни у кого, кромѣ Вольфрама, не найдено ни малѣйшаго упоминанія о Kyôt, который названъ у Вольфрама [4]) „der meister wol bekant", а равно и

---

[1]) Parziv. und Tit., I, XXVIII.

[2]) II, 114—159: »Die Eigennamen in Wolframs Parcival und Titurel«.

[3]) Romania № 13. Janvier 1875 г., p. 149. Подробное мнѣніе объ именахъ, встрѣчающихся у Вольфрама, высказалъ не одинъ G. Paris. Bartsch вообще старается удержать Парцивяля за Провансомъ. Въ »Grundriss zur Geschicte der provenzalischen Literatur (Elberfeld 1872)« онъ говоритъ: »Die ältesten Beziehungen auf die Sage in Südfrankreich gehen ins zwölfte Jahrhundert zurück«.

[4]) Parz. IX, 611. Вольфрамъ замѣчаетъ о немъ:

Kiôt la schantiure hiez,
den sîn Kunst des niht erliez,
er ensunge unde spraeche sô
des noch genüoge werdent frô.

Parz. VIII, 561—564.

слѣдовъ его произведенія. Упоминаніе о немъ въ „Младшемъ Титурелѣ“ ничего не значитъ, такъ какъ авторъ послѣдняго, какъ доказано Симрокомъ [1]), не имѣлъ предъ собою книги Kyôt; равнымъ образомъ, нѣтъ основаній настаивать съ San-Marte, что авторъ „Младшаго Титуреля“ Альбрехтъ пользовался обработками саги, примыкавшими къ Kyôt. По мнѣнію San-Marte, исторія предковъ Титуреля, встрѣчающаяся у Альбрехта, заимствована послѣднимъ изъ Kyôt, потому что самъ Альбрехтъ не отличался изобрѣтательностію;—доводъ слишкомъ шаткій: при всей неталантливости автора „Младшаго Титурета“, онъ могъ скропать подобную исторію, какъ расширилъ Вольфрамово повѣствованіе и въ концѣ. Составленіе генеалогій, бывшее тогда нерѣдкимъ [2]), не свидѣтельствуетъ еще о поэтическомъ дарованіи и не требовало его. Позднѣйшая придѣланность исторіи Титурелевыхъ предковъ къ первоначальной канвѣ несомнѣнна [3]). Еслибы произведеніе Kyôt было написано на провансальскомъ, а потомъ переведено на французскій яз. [4]), то слѣды его нашлись бы хоть въ одной изъ двухъ главныхъ литературъ Франціи, а между тѣмъ этого нѣтъ.

Что касается порицанія Вольфрамомъ Кретьена де Труа, то Вольфрамъ могъ осуждать французскаго поэта, пользуясь имъ въ тоже время въ качествѣ источника, какъ онъ порицалъ какого то Кретьена въ Willehalm'ѣ [5]).

Какъ бы то ни было, вымышлены ли Kyôt и его произведеніе, или же они существовали на самомъ дѣлѣ, и у Kyôt ли Вольфрамъ заимствовалъ то, чего не встрѣчаемъ у Кретьена, или же это отчасти измышлено, а отчасти заимствовано имъ изъ другихъ источниковъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что сказаніе о Гралѣ, переданное Вольфрамомъ, не имѣетъ за собою авторитета древности или хронологиче-

---

1) S. 765.

2) Родословная табель англійскихъ королей, восходящая къ Адаму, напечатана Böddeker'омъ въ LIII т. (1874) журнала »Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen« (S. 205—218).

3) О введеніяхъ въ романы см. замѣчаніе у Gerwinus'а: Gesch. d. Deutsch. Dicht., I, 262.

4) Сл. у Симрока, S. 763.

5) См. Holland'а l. c., S. 237—239. San-Marte (Ueber Wolfram's von Eschenbach Rittergedicht Wilhelm von Orange, S. 24) склоняется къ тому, что этотъ Христіанъ былъ нѣмецкій поэтъ.

скаго первенства въ сравненіи съ сказаніемъ о томъ же предметѣ, дошедшимъ до насъ чрезъ французскіе памятники. Легенда, развитая Вольфрамомъ, явилась послѣ того, какъ Граль былъ выдвинутъ, прославленъ и вошелъ въ моду благодаря сказанію, извѣстному изъ французскихъ романовъ.

Противъ древности легенды, обработанной Вольфрамомъ, и объ узкомъ кругѣ обращенія ея говоритъ уже передача ея лишь въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ произведеніяхъ.

Предположимъ сначала Куôt дѣйствительно существовавшимъ лицомъ и примемъ на вѣру то, что̀ говорится о немъ у Вольфрама.

Изъ словъ Вольфрама:

Ob von Troys meister Cristian
disem maere hat unreht getân,
daz mac wol zürnen Kyôt,
der uns diu rehten maeré enbôt [1]),

Bartsch заключаетъ, что Куôt писалъ до Кретьена, по мнѣнію же Симрока на основаніи этихъ словъ можно думать наоборотъ [2]). Такъ или иначе [3]), произведеніе Куôt, если только оно существовало когда-нибудь, могло явиться лишь во второй половинѣ XII стол. San-Marte замѣчалъ въ Вольфрамовомъ Парцивалѣ намеки на положеніе дѣлъ въ Испаніи, которое могло имѣть тамъ мѣсто съ начала XII стол. [4]). То, что представляется у Вольфрама заимствованнымъ изъ Анжуйской хроники (напр., общее происхожденіе королей Анжуйскихъ и Бриттскихъ), могло быть вымышлено въ это только время, и такой вымыселъ естественнѣе всего приписать Куôt, который, по Вольфраму, называлъ себя находчикомъ саги, что̀ должно принимать въ смыслѣ изобрѣтенія

[1]) Parz. XVI, 1201—1204.

[2]) Мнѣнія другихъ ученыхъ см. у Holland'a, l. c., S. 222. Намъ кажется, что изъ этихъ словъ нельзя вывести ничего, такъ какъ они даютъ мѣсто до извѣстной степени обоимъ толкованіямъ.

[3]) Что исторія Парцивaля была доведена у Kyôt до конца (Parz. XVI, 1205—1208), это ничего не значитъ еще.

[4]) Der Mythus vom heiligen Gral (отдѣльный оттискъ статьи, напечатанной въ III т. (drittes Heft) «Neue Mittheilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen, herausgeg. von dem Thüringisch-Sachsischen Verein für Erforschung des vaterlaendischen Alterthums»), S. 12 fg.

ея. Къ тому же приводятъ и другія черты сказанія Kyôt. Bartsch замѣтилъ совершенно справедливо, что выработка ордена рыцарей Граля въ сагѣ могла произойти не ранѣе первой половины 12 стол., и къ тому же времени относится пріуроченіе ея къ Испаніи [1]). Но измышленію Kyôt могла принадлежать только *исторія королей* Граля [2]), а не самый Граль, который, по словамъ Вольфрама, былъ полученъ Kyôt уже готовымъ и могъ быть хорошо извѣстенъ ему, какъ французу, изъ романовъ труверовъ. Это необходимо предположить. Мы думаемъ, что Kyôt указалъ невѣрно только источникъ, изъ котораго узналъ впервые о Гралѣ. Этимъ источникомъ было, по его словамъ, повѣствованіе уже извѣстнаго намъ Flegetanis'а. Изъ того, что говорится у Вольфрама объ этомъ повѣствованіи, можно лишь убѣдиться, что если оно и существовало, въ записанномъ ли видѣ, или въ устномъ преданіи, то оно едвали вышло непремѣнно отъ Flegetanis'а, котораго не могло быть на свѣтѣ, и не содержало исторіи *того* Граля, который выступаетъ въ романахъ. Прежде всего, мыслимое ли дѣло, чтобы французъ, попавшій въ Толедо [3]), нашедши непонятную для него и заброшенную арабскую рукопись, сталъ учиться арабскому яз. нарочно для того, чтобы узнать содержаніе ея. Вольфрамово объясненіе:

ez half daz im der touf was bî:
anders wâer' diz maer' noch unvernumen [4])

только усиливаетъ недовѣріе. Флегетанисъ представляется язычникомъ [5]), жившимъ до Христа [6]) и однако говорившимъ о почитаніи Граля христіанами [7]). Онъ вычиталъ все это будто бы въ звѣздахъ. На основаніи

---

[1]) Parz. und Tit., I, XXVI. Сл. у Гервинуса: Gesch. d. Deutsch. Dicht., I, 386.

[2]) Parz. IX, 662 fg.

[3]) Сношенія французовъ съ Испаніей были тогда очень часты. См. напр., въ «Poême du Cid. par Damas Hinard, Paris MDCCCLVIII», p. LXI suiv

[4]) Parz. XVI, 618—619.

[5]) Parz. IX, 623.

[6]) Ibid., 628—629.

[7]) Parz. IX, 657—658.—Въ первой изъ своихъ статей о Гралѣ и San-Marte говорилъ: «Von vornherein muss es auffallen, dass Flegetanis, der *Heide*, schon von *getouftin fruht* gesprochen haben soll». Der Mythus vom heiligen Gral, S. 6.

словъ Вольфрама о времени, въ которое жилъ Флегетанисъ, и о томъ, что онъ писалъ [1]), можно ясно представить, чѣмъ была легенда, послужившая Куôt. Должно думать, что повѣствованіе Флегетаниса было просто разсказомъ о камнѣ, упавшемъ съ неба и имѣвшемъ отношеніе къ первымъ временамъ міровой исторіи, и этотъ разсказъ не касался судебъ реликвіи и исторіи ея на землѣ, а ограничивался фабулою о томъ, какъ она была принесена на землю [2]). Давая вѣру словамъ о личности Флегетаниса, можно допустить еще, что разсказъ о мнимомъ Гралѣ былъ почерпнутъ Куôt изъ какой-нибудь книги по звѣздочетству [3]). Таковъ прямой смыслъ сообщенія о Куôt въ IX книгѣ Вольфрамова Парцифаля. Въ VIII-й же о Куôt говорится:

der dise âventiur *von Parzivâl*
héidénsch geschriben sach.
...... er en franzôys dâ von gesprach [4]).

На основаніи данныхъ IX книги, это сказаніе о Парцифалѣ, если только не разумѣть подъ нимъ вмѣстѣ съ Симрокомъ [5]) сказаніе о Гралѣ вообще, должно считать отдѣльнымъ отъ того, которое Куôt нашелъ спеціально о Гралѣ. Думая же, что Вольфрамъ разумѣлъ въ приведенныхъ строкахъ сказаніе о Персевалѣ въ буквальномъ смыслѣ, придется обратить вниманіе на увѣреніе Вольфрама въ другомъ мѣстѣ, что Куôt нашелъ данныя о судьбахъ Граля въ Анжу.—Можетъ быть, и во всемъ другомъ произведеніе Куôt было настолько заимствовано изъ арабскихъ источниковъ, насколько было арабскимъ по происхожденію сказаніе о Персевалѣ, и изъ толковъ о принадлежности Флегетанису разсказа о послѣднемъ можно видѣть, насколько были вообще достовѣрны и точны розсказни о Флегетанисѣ.—Если у ара-

---

[1]) Вольфрамъ разграничиваетъ довольно точно, что принадлежало Флегетанису, а что—Куôt:

Sus schreip dervon Flegetânî's.
Parz. IX, 661.

[2]) Parz. IX, 654 fg.

[3]) Съ этимъ согласуется толкованіе имени Flegetânis, какъ латинской транскрипціи слова Felêke-Dânêh, означающаго астролога, или астронома.

[4]) Ibid. 366—368.

[5]) Симрокъ думаетъ (S. 774), что приведенныя слова VIII пѣсни—просто неточное выраженіе.

бовъ [1]) и вообще въ Испаніи [2]) и было что-нибудь подобное Флегетанисову сказанію, то такое сказаніе не можетъ быть названо легендою

---

[1]) У нихъ не было недостатка въ легендахъ, привязывавшихся къ библейскимъ повѣствованіямъ. Новѣйшую статью объ этихъ легендахъ можно прочесть въ 3-й книжкѣ «Theologische Studien und Kritiken» 1876 г.— Кромѣ легенды о камнѣ Каабы (Der Mythus vom heilig. Gral, S. 7), укажемъ на разсказъ, встрѣченный нами въ извѣстныхъ „Сказкахъ попугая“,—довольно древнемъ произведеніи. Къ Соломону явился однажды Гавріилъ съ чашею воды изъ источника жизни и съ предложеніемъ, еслибы Соломонъ пожелалъ, остаться на землѣ съ юношескими силами до дня воскресенія. Точно также попугай, чтобы отблагодарить царствовавшему въ Иранѣ Кобаду, полетѣлъ, по данному ему совѣту, въ землю тѣней, сорвалъ самый зрѣлый плодъ съ дерева жизни и принесъ его къ Кобаду. „Пользованіе имъ упрочиваетъ юношеское существованіе на землѣ до послѣдняго дня“. Когда Кобадъ отказался принять предложенное для этой цѣли яблоко, то попугай посовѣтовалъ выростить изъ него дерево, плоды котораго хотя не увеличивали бы продолжительности жизни, но производили бы однако то дѣйствіе, что пользовавшійся ими, какъ бы ни былъ старъ, провелъ бы остальное время жизни на землѣ юношей и чувствовалъ бы себя какъ бы возрожденнымъ до конца своей жизни“. Король исполнилъ данный совѣтъ и не обманулся. Die Papageimärchen erzählt von Moriz Wickerhauser, Leipzig, Friedrich Fleischer, 1858, S. 105—111. Сл. у Фабриція: Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti, Hamburgi et Lipsiae, 1713, p. 46. (О такъ называвшихся райскихъ деревьяхъ см. у него же на стр. 83). Мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, въ восточныхъ сказаніяхъ несомнѣнные слѣды представленія, что, при посредствѣ напитка или фрукта изъ рая, можно продлить жизнь на землѣ. Сл., между проч., въ Giraldi Cambrensis opera, vol. V, Lond. 1867, p. 81. Что касается феникса, то приплетеніе его къ Гралю не указываетъ еще на восточное происхожденіе подробностей Вольфрамова повѣствованія. Упоминаніе о фениксѣ не согласуется съ помѣщеніемъ Граля въ Испаніи и не говоритъ ли скорѣе о томъ, что Вольфрамъ не имѣлъ въ виду точно обозначить мѣстность Граля?

[2]) Тамъ случались, повидимому, находки, подобныя книгѣ Флегетаниса. См., наприм., Cod pseudep. Vet. Testam., collectus, castigatus, Testimoniisque, Censuris et Animadversionibus illustratus a Iohanne Alberto Fabricio, pp. 156—157.—Въ Испаніи показывали, между проч., крестъ, приготовленный ангелами. См. о немъ у Klein'a: Gesch. des Drama's, B. VIII, (Leipzig 1871), S. 62—63. Впрочемъ, подобные кресты выставлялись и въ другихъ мѣстахъ.

о Гралѣ и считаться подавшимъ поводъ къ возникновенію ея. Весьма интересно, что Kyôt приписывалъ нехристіанское происхожденіе оригиналу своихъ разсказовъ, который былъ, по его словамъ, *heidenische schrift* [1]): это даетъ намъ новое право думать, что упомянутый оригиналъ, если только онъ былъ у Kyôt, не могъ имѣть своимъ предметомъ реликвію, относившуюся къ лицамъ христіанской исторіи, а составлялъ одно изъ сказаній, въ которыхъ думалъ видѣть источникъ легенды о Гралѣ Oppert.

Вѣрнѣе думать, что Kyôt изъ какихъ-нибудь другихъ источниковъ (хотя бы и изъ молвы) узналъ о Гралѣ [2]), который у всѣхъ писателей, кромѣ Вольфрама, имѣетъ исключительное отношеніе къ христіанству и самое названіе котораго указываетъ на выработку его изъ легенды о сосудѣ не въ арабской средѣ [3]); но Kyôt пріурочилъ почему-то къ Гралю то, что говорилось о какой-то другой диковинкѣ, или, лучше сказать, подставилъ подъ названіе Грала другой чудесный предметъ, свѣдѣніе о которомъ могъ получить какъ-нибудь отъ арабовъ. Если это послѣднее справедливо, то онъ выдумалъ Флегетаниса для того, чтобы выставить поавторитетнѣе свой источникъ. По сказанію Вольфрама, Kyôt нашелъ исторію, которую отыскивалъ, въ Анжу [4]). Это

---

[1]) Parz. IX, 613.

[2]) Очевидно, что Граль долженъ былъ быть извѣстенъ Kyôt до поисковъ, которые были сдѣланы послѣднимъ для открытія исторіи Грала, не досказанной Flegetanis'омъ, т. е. до приступленія Kyôt къ собственному произведенію о Гралѣ.

[3]) Въ послѣднее время производство слова Граль считается рѣшеннымъ, несмотря на нѣкоторыя противорѣчащія попытки. San—Marte напрасно говорилъ, что изъ *слова* Граль нельзя рѣшительно ничего заключать о началѣ саги и о первоначальномъ мистическомъ значеніи священнаго сосуда (Der Myth. von heilig. gral, S. 5). Вѣдь не всѣ перечисленныя у San—Marte словопроизводства Грала равно неосновательны, или имѣютъ одинаковую цѣну. Слово Граль несомнѣнно романскаго происхожденія, и для пониманія значенія его во французскихъ романахъ должно имѣть въ виду прежде всего употребленіе этого слова въ тогдашнемъ французскомъ языкѣ. Формы graalz и graal указываютъ на появленіе легенды въ литературѣ впервые въ сѣверной Франціи.

[4]) Parz. IX, 672.—Странно однако, что замокъ Грала не былъ помѣщенъ Kyôt прямо въ Анжу.

нужно понимать такъ, что онъ самъ пріурочилъ сагу къ Анжу, которая едвали до того пріурочивалась туда.—Исходнымъ пунктомъ при допускаемой нами замѣнѣ одного сказанія другимъ могла служить подробность о матеріалѣ, изъ котораго была сдѣлана чаша или блюдо, именно—какъ о *дригоцѣнномъ камнѣ*. Извѣстно, что генуэзцы представляли Sacro catino смарагдовымъ. О чашѣ, въ которой было вино на Тайной Вечери, говорили, что она была агатовая. И какъ чашѣ, изъ которой вкушалъ Христосъ на этой Вечери, старались дать длинную предшествовавшую исторію [1]), такъ могли изобрѣсти длинную исторію и для этого камня. Появленіе Граля у Вольфрама, послѣ пребыванія въ небесныхѣ сферахъ, прямо въ Анжу—довольно интересный фактъ, сообщающій значительную вѣроятность предположенію объ отдѣльности по происхожденію сказанія, усвоеннаго Флегетанису. За исключеніемъ этого сказанія, въ остальномъ повѣствованіе Kyôt должно было быть близко къ повѣствованію Кретьена. Поэтому изложенная имъ легенда о Гралѣ была въ сущности французскою по изобрѣтенію [2]). Не думать же, что остальныя сказанія о Гралѣ вышли изъ разсказовъ Kyôt и Flegetanis'а, который будто бы первый писалъ о Гралѣ. Если сага получила начало въ Провансѣ, и если Кретьенъ, что несомнѣнно, былъ незнакомъ съ произведеніемъ, какимъ можно представить себѣ, по Вольфраму, сочиненіе Kyôt, то откуда совпаденіе между двумя поэтами? Равнымъ образомъ, нельзя никакъ полагать, что обѣ эти редакціи, трактовавшія объ одномъ и томъ же предметѣ, хотя и различно, и выработавшіяся въ весьма близкихъ одна къ другой мѣстностяхъ, между которыми существовало постоянное сообщеніе, развились независимо [3]).—Kyôt не могъ быть передатчикомъ легенды, которая помѣщала Граль въ Испаніи и была тамъ составлена [4]). Въ

---

[1]) Говорили, что эта чаша была подарена Соломону; потомъ цари употребляли ее только въ Пасху.

[2]) По французски была она и передана, какъ видно изъ словъ Вольфрама.

[3]) Эту незав[illegible]мость допускалъ W. Müller. См. Gottingische del. Anzeigen 1843, 102. 103 St. S. 1013.

[4]) Почему Испанія явилась театромъ находки легенды, см. въ цитированномъ нач[illegible] письмѣ F. Wolf'а, помѣщенномъ въ книгѣ Голланда о Кретьенѣ де Труа. Что касается самого Толедо, то сл. что говорится о немъ въ романѣ о Maugis и Morgante Maggioro c. 25. Daniel de Morlai (ок.

отношенія къ пріуроченію Граля къ Испаніи не безынтересно, что въ этой послѣдней обращалась легенда, занесенная въ одинъ документъ XIV стол.[1]), по которой св. чаша была сохранена извѣстнымъ архидіакономъ Лаврентіемъ (она была будто бы передана ему Сикстомъ), какъ утверждали,—испанскимъ уроженцемъ. Эту чашу показывали въ Валенсіи.

Въ романѣ о Персевалѣ Кретьена де Труа о Гралѣ повторяется то, что говорится о немъ въ романѣ Мар'а. Какъ скоро Kyôt пожелалъ пріурочить королей Граля къ Анжуйскому дому, ему, очевидно, сдѣлалось необходимымъ отступить отъ англо-нормандской легенды о Гралѣ, выводившей родословную королей Граля помимо Анжуйскаго дома, и приписать Гралю иное происхожденіе, чѣмъ какое было усвоено ему въ англо-нормандскомъ сказаніи. Граль уже не могъ быть реликвіей, оставшеюся отъ Іосифа Аримаѳейскаго и помѣщавшеюся въ Англіи. Вотъ объясненія отличія сказанія Kyôt отъ схемы Кретьенова разсказа.

Къ подобнымъ же выводамъ мы придемъ и въ томъ случаѣ, когда отринемъ существованіе Kyôt; разница будетъ та, что бо̀льшую часть добытыхъ результатовъ придется отнести къ Вольфраму. Внесеніе въ разсказъ о Персевалѣ всего того, что не содержится у Кретьена, при отсутствіи другихъ французскихъ романовъ, пользованіе которыми должно приписать Вольфраму, должно будетъ причислить къ добавкамъ и измѣненіямъ, сдѣланнымъ самимъ нѣмецкимъ поэтомъ, который несомнѣнно вставилъ немало своего въ заимствованный имъ сюжетъ о Персевалѣ и въ частности о Гралѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно будетъ думать, что Граль былъ превращенъ Вольфрамомъ въ камень съ цѣлью придать ему этимъ какое-то особенное значеніе, подобно тому какъ и нѣкоторыя имена въ Вольфрамовомъ Парцивалѣ имѣютъ прямую связь съ характеристическими чертами подставленныхъ подъ эти имена личностей (таково, напр., имя Herzeloide). Не можетъ быть, чтобы постоянное названіе Граля камнемъ не было соединено съ особенными

1175 г.) говорилъ: doctrina Arabum... maxime his diebus apud Toletum celebratur... Cum itaque, ut fit in primo amicorum conventu, a domino episcopo de *mirabilibus* et disciplinis Tholetanis satis quaesitum esset." etc. Wlight, Biogr. Brit. lit, Anglo—Norman period, p. 228. Сл. Anglo—Saxon per., p. 65.

[1]) Acta Sanctorum Augusti, t. II (Venetiis MDCCLI), p. 504—506.

представленіями у Вольфрама, сообщившаго особенное внутреннее значеніе многимъ изъ подробностей заимствованной саги [1]. Мы склонны думать, что и обстановка, данная Гралю у Вольфрама, расписана въ значительной степени этимъ послѣднимъ [2]. Можетъ быть ему пособили въ этомъ случаѣ различные сказочные мотивы. Давно уже замѣчено, что у Вольфрама встрѣчаются черты, находимыя въ сказкахъ [3]. Сказки были тогда [4]. Замокъ Граля и его окрестности представляются какимъ-то волшебнымъ царствомъ. Нѣчто, напоминающее этотъ замокъ, встрѣ-

---

[1]) Объясненіе внутренняго значенія некоторыхъ изъ этихъ подробностей, предложенное Göschel'емъ (Die Sage von Parcival und vom Gral nach Wolfram von Eschenbach. Berlin, 1855), можетъ быть, не безосновательно, хотя вообще брошюра Göschel'я наполнена проповѣдничаньемъ.

[2]) У Кретьена де Труа нѣтъ такихъ подробностей, такой торжественности и такого великолѣпія.

[3]) Можно бы подыскать немало сходныхъ сказочныхъ мотивовъ. Напр., въ одной нѣмецкой сказкѣ говорится про заклятый замокъ, въ которомъ находились заколдованныя принцессы и гдѣ являлись всѣ удобства по желанію тѣхъ, которые были готовы остаться въ замкѣ для освобожденія заколдованныхъ принцессъ отъ чаръ. H. Pröhle, Märchen für die Jugend, Halle 1854, № 36.

[4]) Karl Müllenhof, Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig Holstein und Lauenburg, Kiel, 1845, S. XVI fg. — Намъ кажется, что многое изъ чудеснаго въ романахъ должно приписать вторженію сказочнаго элемента въ литературу, при чемъ былъ перерабатываемъ какъ на лицо до того бывшій сказочный матеріалъ, такъ и притекавшій путемъ различныхъ вліяній. До того времени сказочный матеріалъ не имѣлъ возможности прорваться въ *литературу*; въ вошедшихъ же въ литературу легендахъ объ Артурѣ и Мерлинѣ было немало сказочнаго, а не только чудеснаго, какъ оно имѣло мѣсто вообще почти во всѣхъ средневѣковыхъ памятникахъ, и вотъ объясненіе внезапнаго появленія *въ литературѣ* впервые чрезъ бретонскіе романы цѣлаго міра диковинокъ. Чисто сказочные мотивы нерѣдки не только у Вольфрама, но и у французскихъ поэтовъ бретонскаго цикла. Gauvain и Lancelot въ Кретьеновомъ романѣ о послѣднемъ раздѣляются при преслѣдованіи Meleagant'а, при чемъ каждая изъ двухъ дорогъ представляетъ опасности. Къ похищенію Ganievre'ы также можно найти аналогію въ сказкахъ. У Zatzikhoven'а драконъ [illegible] послѣ Ланцелотова поцѣлуя и обращается въ прекраснѣйшую женщину. И т. д.

чается и въ Ланцелотѣ Ulrich'a von Zalzikoven [1]). Царство феи, унесшей Ланцелота, находится на блаженномъ островѣ, гдѣ она владычествуетъ надъ десятью тысячами женщинъ. Островъ окруженъ непроницаемою стѣною. На немъ вѣчное майское цвѣтеніе. Злато-блистающій замокъ владычицы находится на Кристальной горѣ. Мирно весело живутъ тамъ жены до своей кончины. Обоимъ поэтамъ матеріалъ для ихъ описаній доставили, вѣроятно, миѳическія представленія. Вѣрованіе въ существованіе на землѣ мѣстности, гдѣ не бываетъ смерти, было, кажется, довольно распространенно. Мы встрѣчаемъ это повѣрье, между проч., въ извѣстныхъ Otia Imperialia Гервасія Тильберійскаго [2]). Король Граля представляетъ нѣкоторое подобіе Артуру фабулы, приведенной у того же писателя [3]). У Zatzikoven'a упоминается замокъ Schatêl-le-mort, представляющій нѣкоторую аналогію съ замкомъ волшебника у Вольфрама. Царство Граля могло быть разрисовано даже безъ помощи сказочнаго матеріала. Для характеристики тогдашнихъ воззрѣній способа возниковенія фабулы Граля не безынтересенъ слѣдующій разсказъ въ сочиненіяхъ Giraldus Cambrensis [4]): „Iacet autem extra Lhyn insula modica (Bardsey), quam monachi habitant religiosissimi, quos Coelibes vel Colideos vocant. Haec autem insula ab aeris salubritate, quam ex Hiberniae confinio sortitur, vel potius aliquo ex miraculo ex Sanctorum meritis, hoc mirandum habet, quod in ea seniores praemoriuntur; quia morbi in ea rarissimi, et raro vel nunquam hic nusquam moritus, nisi longa senectute confectus“.—Флегетанисъ также могъ быть легко выдуманъ Вольфрамомъ, какъ думаетъ Симрокъ,— для того, чтобы объяснить чудодѣйственную силу Граля, легендарной исторіи котораго, какъ она передавалась у англо-нормандскихъ труве-

---

[1]) V. 190—240.

[2]) Des Gervasius von Tilbury Imperialia. In einer Auswahl neu herausgeg. und. mit Anmerkungen begleitet von Felix Liebrecht. Hannover. Carl Rümpler. 1856. S. 3.

[3]) Ibid., sec. dec., XII, S. 12.

[4]) Itinerarii Cambriae lib. II, cap. VI: Anglica, Normannica, Hibernica, Cambrica, a veteribus scripta... ex Bibliotheca Guilielmi Camdeni, Francofurti, M. D. CIII, p. 866. Сл. Topographia Hibern., dist. II, cap. IV (giraldi Cambrensis opera ed. by Iames F. Dimoch, vol. V, Lond 1867, p. 81).

ровъ, Вольфрамъ могъ и не знать во всей ея полнотѣ [1]). Сказаніе Флегетаниса могъ измыслить самъ Вольфрамъ по нѣмецкимъ и вообще по бывшимъ тогда въ ходу повѣрьямъ и господствовавшимъ тогда представленіямъ. У Марбодія авторомъ книги о драгоцѣнныхъ камняхъ является Evax *rex Arabum*. Разсказы о камняхъ и чудесныхъ свойствахъ ихъ издревле обращались не только на Востокѣ, но и въ Европѣ [2]). По справедливому замѣчанію Гервинуса [3]), камни, поставленные въ какія-то чудесныя отношенія къ человѣческой душѣ—вещь обыкновенная въ бретонскихъ романахъ [4]). Наконецъ, въ одной нѣ-

---

[1]) Какъ замѣчаютъ ученые, Вольфрамъ не обнаруживаетъ знакомства съ нею. Онъ могъ имѣть понятіе о ней по роману Кретьена, которымъ пользовался, но тамъ легенда объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ не на первомъ планѣ. Вспомнимъ еще, что Вольфрамъ не читалъ по французски.

[2]) Въ восточныхъ сказкахъ нерѣдко говорится о чудесныхъ свойствахъ камней. См., напр., Die Märchen des Siddhi—Kûr, her. von B. Jülg, S. 112. О карбункулѣ говорили, что онъ дѣлаетъ невидимымъ своего носителя. Равнымъ образомъ, и агату и нѣкоторымъ др. камнямъ приписывали необыкновенныя свойства уже въ древности. См. Шенкеля Bibel—Lexicon, II Bd. (Lpz. 1869), S. 40. Въ романѣ Геліадора разсказывается, что Хариклея была спасена однажды отъ сожженія камнемъ, который носила на пальцѣ. И т. п. Нѣкоторыя изъ кельтскихъ повѣрій приведены въ „Geschichte der französischen Literatur im Mittelalter nebst ihren Beziehungen auf die Gegenwart von Dr. Hermann Semmig (Leipzig 1862)", S. 10. Въ нѣмецкой поэмѣ объ Ортнитѣ упоминается камень, взявши который въ ротъ, можно было объясняться на какомъ угодно яз. Когда Ортнитъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, то получилъ въ отвѣтъ, что „Богъ творитъ изъ *камня* и изъ земли все, что хочетъ".

[3]) Gesch. d. Deutsch. Dicht., I, 264.

[4]) Во французскомъ романѣ о Персевалѣ разсказывается, что Персеваль попалъ на дорогу къ замку Грааля благодаря полученному имъ драгоцѣнному камню. У Кретьена de Troies въ романѣ о Chevalier de la charrete говорится:

Mes cil, dou plus dire vos doi,
Avoit un anel au son doi,
Don la pierre tel force avoit,
Qu'anchantemanz ne le pooit
Tenir, puis qu'il l'avoit veue.

мецкой апокрифической книгѣ о паденіи ангеловъ разсказывалось приблизительно тоже, что и въ романѣ Вольфрама [1]).—Могъ Вольфрамъ и умышленно игнорировать французскія сказанія о Гралѣ, нашедши ихъ по чему-либо несоотвѣтствовавшими его замыслу, или вообще неудовлетворительными.

Итакъ, сказаніе о Гралѣ, являющееся у Вольфрама,—или умышленная передѣлка и замѣна повѣствованія англо-нормандскихъ труверовъ, или же обязано своимъ содержаніемъ малому знанію легенды, обращавшейся у этихъ послѣднихъ, и въ тоже время желанію дать какую-нибудь фабулу Гралю, названіе и чудодѣйственная сила котораго должны были быть однако, во всякомъ случаѣ, извѣстны нѣмецкому поэту [2]).

О подобномъ же кольцѣ говорится и въ прозаическомъ романѣ о Ланселотѣ. У Zatzikhoven'a упоминается камень Galazîâ, о которомъ читаемъ (Lanz. 8524 fg.):

„— (ez) was ein stein von fremder slaht
und ist Galazîâ genant.
Umb den ist ez sô gewant,
dez er ist kâlter danne ein îs.

....

— der stein Galazîâ
ist edel unde tiure.
Und laeg er inme fiure
ein jâr, ern wurde nimer warm.
swer in treit, dern wirt niht arm.
und swâ er bî den liuten ist,
da entschadet dehein zouberlist
den mannen noch den wîben“.

Этотъ камень былъ поднесенъ Ланцелоту вмѣстѣ съ иными драгоцѣнными камнями, когда Ланцелотъ вступалъ въ обладаніе Додоною. Онъ упоминается у Плинія, у Исидора Севилльскаго (Chalazias, въ исп. Libro de Alexandre—Galaçio). Galazîâ, кажется, напоминаетъ Bächtold'y, писавшему о Ланцелотѣ Zatzikhoven'a, Граль (Der Lanzelet von Zatzikhoven von Dr. Jakob Bächtold, 1870, S. 53), и въ самомъ дѣлѣ между этимъ камнемъ и Гралемъ Вольфрама есть какая-то связь.

[1]) Fabricii Cod. pseudep. Vet. Test., 36 sequ.

[2]) Если содержаніе французскихъ произведеній о Гралѣ было извѣстно Вольфраму лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, что весьма могло случиться,

На основаніи всего сказаннаго, попытки установленія генезиса легенды о Гралѣ при помощи произведенія Вольфрама кажутся намъ весьма шаткими. Та редакція легенды, какую встрѣчаемъ у нѣмецкаго поэта, не можетъ быть названа первоначальною и исконною и представляетъ аттрибутъ, приданный Гралю впослѣдствіи. Точно также не имѣетъ для насъ значенія, послѣ сказаннаго, и свидѣтельство Вольфрама о возникновеніи легенды (мы разумѣемъ слова его о Флегетанисѣ). Самъ Симрокъ говоритъ[1]), что показаніе Вольфрама отражаетъ лишь собственное представленіе его о томъ, или представленіе его источника, такъ какъ мы не знаемъ, самъ ли Вольфрамъ выдумалъ извѣстіе о Флегетанисѣ, или же откуда-нибудь заимствовалъ.

Легенда о Гралѣ, изложенная Вольфрамомъ, не можетъ быть точкою опоры при изслѣдованіи происхожденія Граля, такою вѣрною точкой, отъ которой можно было бы отправляться впередъ и назадъ, а между тѣмъ Симрокъ относится совершенно иначе къ Вольфрамову повѣствованію.

то онъ самъ могъ пріурочить Граль и родъ его королей къ Анжу, зная, что родъ этихъ королей связывался съ Артуромъ, но не имѣя въ частности представленія объ исторіи этихъ королей, какая передавалась въ раманахъ. Мы принимаемъ процессъ подстановки обратно противоположный допускаемому **San-Marte**, который думаетъ, что французскія сказанія были привязаны къ Гралю позже.—*Легенда* о Гралѣ до помѣщенія его въ Анжу, какою она является у Вольфрама (мы не говоримъ объ идеѣ, воплощенной въ Граль нѣмецкимъ поэтомъ), даже довольно нескладна. Граль Вольфрама—камень, принесенный съ неба ангелами, которые, оставшись нейтральными въ возстаніи Люцифера противъ Троицы, *должны были* служить Гралю. Потомъ начали служить послѣднему избираемые нарочно для того люди. Въ концѣ Вольфрамова повѣствованія это служеніе ангеловъ Гралю опровергается устами того самаго, который прежде сообщилъ о немъ, и сумма легенды въ сущности остается весьма скудною. Въ Титурелѣ (1-й отрывокъ, **Sigune und Schionatulander, str. 6**) Граль вовсе не связывается съ паденіемъ ангеловъ, и Титурель просто говоритъ:

Dô ich den grâl enphienc von der botschefte
die mir der engel hêre enbôt mit sîner hôhen krafte,
dâ vant ich geschriben al mî'nen orden.

Это напоминаетъ нѣсколько прологъ къ большому французскому роману о св. Гралѣ.

[1]) S. 775.

По его мнѣнію, у Вольфрама замѣтно видоизмѣненіе и смягченіе первоначальной саги, и самое сказаніе Флегетаниса о Гралѣ могло быть измышлено лишь тогда, когда Граль былъ не болѣе какъ блюдо, а кровавая голова была выброшена, можетъ быть вслѣдствіе впечатлѣнія, наводившаго ужасъ. Вотъ для того-то, чтобы, послѣ исчезновенія головы, объяснить какъ-нибудь своимъ читателямъ чудесную силу Граля, самъ Вольфрамъ могъ вставить сказаніе о Флегетанисѣ. Впрочемъ, онъ могъ, по мнѣнію Симрока[1]), и найти гдѣ нибудь это сказаніе.

Такимъ образомъ, по предположенію Симрока, сага о Гралѣ могла быть измѣнена и смягчена Вольфрамомъ, или кѣмъ-нибудь до него.

Допустить потерю такого важнаго аттрибута, какъ голова, и полное забвеніе связи Граля съ Іоанномъ Предтечею [2]) мы находимъ невозможнымъ, въ особенности когда. по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, къ которому склоняется и Симрокъ, чествованіе этой головы было въ ходу у тампліеровъ еще въ XIV стол., и изображеніе ея встрѣчалось на ихъ печатяхъ. У Симрока приведено также извѣстіе, что голова Іоанна Предтечи была приносима въ 1027 г. во дворецъ Византійскаго императора [3]). Въ виду этихъ фактовъ излишне предполалать и надобность въ смягченіи саги ради ея впечатлѣнія, особенно когда въ томъ, уничтоженіе чего предполагается, заключалась вся суть чудодѣйственной силы Граля. Если Вольфрамъ смягчилъ сагу, то по какимъ-нибудь другимъ основаніямъ.

Но мы позволимъ себѣ спросить, откуда Симрокъ узналъ, что легенда о Гралѣ существовала до Вольфрама въ томъ видѣ, смягченіе котораго Симрокъ предполагаетъ у него, и что Вольфрамовъ Граль (камень, но допустимъ даже, что подъ нимъ разумѣлось блюдо) образованъ изъ блюда съ головою Іоанна Крестителя? Изъ того, что на

---

[1]) S. 796.

[2]) Приводимое у Симрока въ доказательство этой связи не имѣетъ значенія.

[3]) Симрокъ задается при этомъ вопросомъ: Glaubte man etwa der Anblick des heiligen Hauptes werde den Kaiser nicht sterben lassen? Von dem Grale wird uns gemeldet, dass Niemand desselben Tages sterben konnte, da er ihn sah, und die nächste Woche nicht». Головѣ могли приписывать въ этомъ случаѣ ту силу, какую обыкновенно усвояли реликвіямъ.

востокѣ было *особенное* (обыкновенное было повсюду[1]) почитаніе главы Іоанна Крестителя,—при посредствѣ еретиковъ, оно было занесено на западъ [2]),—что тутъ были различныя повѣрья на счетъ этой главы [3]), изъ того, наконецъ, что есть слѣды особеннаго чествованія какой-то

---

[1]) Во Франціи мы находимъ съ довольно давняго времени главы І. Крестителя, которыя вообще были почитаемы повсюду, но поклоненіе этимъ главамъ не представляло чего-нибудь необыкновеннаго, а равно извѣстій о реликвіи блюда, на которое была положена глава І. Предтечи, насколько намъ извѣстно, не встрѣчается въ древнѣйшее время. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ упомянутая глава представляется сохранявшеюся въ сосудѣ (Menologium Graecorum jussu Basilii Imperatoris graece olim editum etc Studio et opera Annibalis tit. S. Clementis presbyteri card. Albani. Pars II. (Urbini MDCCCXXVII), p. 209). Въ Гаскони показывали еще во время революціи кровь, собранную при усѣкновеніи главы І. Предтечи, но мы не знаемъ, съ какого времени она вела начало. Туже кровь и теперь еще показываютъ, кажется, въ Венеціи и Неаполѣ. Прахъ І. Предтечи указывали въ различныхъ мѣстахъ запада, а также и части останковъ Крестителя. Вообще реликвіи І. Предтечи встрѣчаются на западѣ съ очень давняго времени. См. у Григорія Турскаго de glor. Martyr. cap. 14 sequ. О какомъ-то писаніи, разсказывавшемъ объ обрѣтеніи главы І. Предтечи, упоминается уже въ декретѣ Геласія (Μηνολογιον των ευαγγελιων εορταστικον sive Kalendarium ecclesiae Constantinopolitanae c|ↄ. annorum vetustate insigne primitus in lucem editum cura Steph. Antonii Morcelli. Vol. II. Romae M. DCC. LXXXVIII. P. 65). Лонгобарды считали І. Предтечу своимъ патрономъ. О почитаніи его вообще есть цѣлая книга: Paulli M. Paciaudii De cultu S. Iohannis Baptistae Antiquitates Christianae.

[2]) Могло это случиться и безъ еретиковъ.

[3]) О виновникахъ убіенія Крестителя Беда говоритъ (Monumenta historica Britannica, or Materials for the history of Britain, from the carliest period. Volume I. Prepared and illustrated with notes by the late Henry Petrie; assisted by the Rev. Iohn Sharpe MDCCCXLVIII. Chronicon sive de sex aetatibus saeculi, p. 84—85): „Herodes tetrarcha et ipse Gaii amicitiam petens, cogente Herodiade Romam venit, sed accusatus ab Agrippa etiam tetrarchiam perdidit, fugiensque in Hispaniam cum Herodiade, moerore periit". Giraldus Cambrensis (Topographia Hibernica, dist. II, cap. VII Gir Cambr. op., ed. by James F. Dimock, vol. V, p. 87) сообщалъ: „Est fons in Pictavia, apud sanctum Iohannem Dangele, ubi caput Baptistae reconditum habetur, qui in hieme nullis, in aestate vero (contra communem fontium naturam) uberrimis solet manare fluentis". И т. п.

головы [1]), изъ всего этого нельзя еще выводить то, что̀ утверждаемое Симрокомъ: нужно обстоятельно доказать, что первоначально Граль былъ именно блюдомъ съ головою Іоанна Крестителя, а это послѣднее нисколько не вытекаетъ изъ того, что Граль представляли въ нѣкоторыхъ случаяхъ блюдомъ. Блюдо блюду рознь, да и нигдѣ не говорится о Гралѣ, какъ о блюдѣ съ головою. Лишь въ одномъ изъ mabinogi Граль замѣненъ совершенно безсознательно такимъ блюдомъ; но значитъ ли это, что Граль былъ отождествляемъ кѣмъ-нибудь съ блюдомъ съ головою? Съ самаго начала могли разумѣть то блюдо, которое было употреблено Спасителемъ на Тайной Вечери, такъ какъ Граль во всѣхъ памятникахъ является въ связи съ евхаристіею [2]), и если Воль-

---

[1]) Мы не знаемъ объ особенномъ чествованіи головъ I. Крестителя, бывшихъ на западѣ, но Симрокъ думаетъ (S. 793 и 776), что подъ головою, которую чтили тампліеры, должно разумѣть главу I. Крестителя.

[2]) У Вольфрама, что̀ весьма замѣчательно, Граль получаетъ всю силу какъ бы отъ евхаристіи—въ великую пятницу. Эта черта затѣняетъ до извѣстной степени то значеніе Граля, которое приписывается послѣднему въ другомъ мѣстѣ Вольфрамова произведенія въ силу происхожденія Граля. Пустынникъ Trevrizent говорилъ Парцивалю о Гралѣ (Parz, IX, 1109—1125):

Dar ûf kumt hiute ein bótschâft
dar an doch lît sîn hoechste kraft
ez ist hiute der karfrîtac,
daz man für wâr dâ warten
ein tûb von himel swinget:
ûf den stein diu bringet
eine kleine wîz oblât.
ûf dem steine sie die lât:
diu tûbe ist durchliuhtec blanc,
ze himel tuot sie widerwanc.
iemer alle kárfrîtâge
bringt si ûf den stein, als ich iu sage,
dâ von den stein enpfachet
swaz guot ûf erden drachet
von trinken und von spîse,
als den wúnsch von párdî'se:
ich mein' swaz d'erde mac geberen.

фрамовъ Граль былъ образованъ непремѣнно изъ блюда, то онъ могъ выйдти и изъ *блюда* Тайной Вечери, а не только изъ блюда съ головою Іоанна Крестителя. Первое могло занимать вѣрующихъ съ давней поры, какъ и послѣднее. — Въ вопросѣ о генезисѣ сказанія о Гралѣ Симрокъ напрасно оставилъ безъ должнаго вниманія легенду, связанную съ Гралемъ во французскихъ романахъ. Подобно San-Marte, онъ приписываетъ ей позднѣйшее происхожденіе, какъ и вымыслу о Флегетанисѣ: и сказаніе о Флегетанисѣ, и то, что̀ передавалось о Гралѣ у французскихъ романистовъ, придуманы, по мнѣнію Симрока, для объясненія чудодѣйственной силы Граля послѣ того, какъ былъ потерянъ имъ столь важный аттрибутъ, какъ голова. Повидимому Симрокъ готовъ думать, что французское сказаніе о Гралѣ составилось даже позже легенды о Флегетанисѣ, которая была предшествовавшею ступенью. Кретьенъ де Труа, по мнѣнію Симрока, могъ и не знать французской легенды [1]). Мы уже показали всю трудность, какая имѣетъ мѣсто, если допустить принимаемое Симрокомъ превращеніе легенды, переданной Вольфрамомъ. Граль, какъ блюдо съ головою, или же какъ камень, не могъ *безъ страннаго скачка* перейти и въ чашу Тайной Вечери. Какъ скоро легенды о послѣдней были въ обращеніи задолго до романовъ, то почему не допустить, что Граль образовался изъ нея сразу? Французская легенда могла быть старше нѣмецкой. Сюжеты, которые были обрабатываемы въ бретонскихъ романахъ, не были въ застоѣ и постоянно подвергались то тѣмъ, то другимъ измѣненіямъ: эти измѣненія были тѣмъ больше, чѣмъ далѣе были виновники ихъ отъ первоначальнаго сказанія. Легенда о Гралѣ могла имѣть общую участь сюжетовъ бретонскаго цикла.

Нѣкоторую аналогію къ нисхожденію голубя на Граль въ великую пятницу встрѣчаемъ въ разсказѣ одного французскаго лапидарія: „Moult de fois les pierres précieuses ont esté corrompues en leurs vertues; toutes—fois comme le personne est reparée par baptesme et pénitence et peut reuenir à l'estat de la première création, en cette manière, par la sanctification, les pierres précieuses sont réparées en la forme de leurs vertus en la manière de la sanctification et consécration, si comme on trouve au dit liure; et pourtant, quant vous voyez que vos pierres ont perdu leurs vertus, vous les devez mettre en un drap de lin bien net et puis les mettre sur l'autel jusques à tant que trois messes soient consacrées dessus". Le Roux de Lincy, Le livre des légendes, Paris 1836, p. 339.

Симрокъ не представилъ ясныхъ фактовъ особеннаго чествованія и значительнаго обращенія въ легендарной сферѣ блюда съ головою I. Крестителя *до Вольфрама* и происхожденія оттуда Граля. Къ существованію всего этого до Вольфрама онъ заключаетъ, главнымъ образомъ, изъ позднѣйшихъ фактовъ, да и изъ этихъ фактовъ одинъ вовсе не имѣетъ значенія, по крайней мѣрѣ, слишкомъ сомнителенъ, а другой нуждается еще въ разъясненіи: это—mabinogi о Передурѣ и одно изъ обвиненій, которыя взводили на тампліеровъ; фактъ же, относящійся къ болѣе раннему времени, составляетъ весьма слабое доказательство.

Симрокъ думаетъ, что, для возстановленія первообраза легенды о Гралѣ, нужно къ (мнимому) блюду Вольфрама прибавить голову, которая встрѣчается на немъ въ mabinogi. По мнѣнію Симрока, въ mabinogi уцѣлѣла въ этомъ случаѣ „подлинная и древняя черта"[1]). Насколько основательно разсуждаетъ Симрокъ, понятно изъ прежде сказаннаго о блюдѣ съ головою въ mabinogi о Передурѣ. Но еслибы даже дѣло шло о Гралѣ въ mabinogi [2]), то все-таки указываемая въ немъ черта не имѣла бы значенія. Она могла играть роль только въ виду прежняго взгляда на mabinogion, какъ на источники рыцарскихъ романовъ. Въ настоящее время думаютъ, что было наоборотъ, и такъ какъ mabinogi, гдѣ говорится о блюдѣ съ головою, также сложился изъ романовъ, въ которыхъ нѣтъ ничего подобнаго [3]), то и этому блюду нужно

---

[1]) S. 787.

[2]) Съ точки зрѣнія кельтофиловъ должно предположить, что блюдо съ головою не тождественно съ Гралемъ и было *замѣнено* послѣднимъ при включеніи фабулы о Персевалѣ въ циклъ исторій Граля и Круглаго Стола.

[3]) Нѣтъ основаній догадываться, что въ древнихъ пересказахъ упоминалась на блюдѣ и голова. Мы сомнѣваемся даже, чтобы и само по себѣ блюдо встрѣтилось съ названіемъ Граля въ какомъ-нибудь романѣ. Поясненіе слова Граль, предложенное Гелинандомъ, имѣвшимъ, вѣроятно, въ виду генуэзскій сосудъ, не рѣшаетъ дѣла, такъ какъ Charpentier показалъ, въ дополненіяхъ къ латинскому словарю Дю-Канжа, что подъ gradalis съ его видоизмѣненіями разумѣли не только блюдо, но и широкую, круглую и неглубокую *чашу*. [Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo Dufresne Domino Du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis S. Benedicti D. P. Carpenterii, Adelungii, aliorum, suisque digessit G. A. L. Henschel. T. III (Parisiis 1843); см. замѣчанія при словахъ gradale, gradalus, grasala]. Такую форму и имѣетъ Граль въ древнѣйшихъ романахъ. См. ниже.

приписать позднѣйшее происхожденіе. Самъ Симрокъ считаетъ сказку о Передурѣ передѣлкою произведенія сѣверно-французскаго трувера [1]), а между тѣмъ все-таки думаетъ, что блюдо съ окровавленною головою — „подлинная и древняя черта, говорящая въ пользу тождественности рыцарей Граля (Templeisen) и храмовниковъ (Tempelritter)". Но научно ли относить къ древнѣйшему складу саги черту, встрѣчающуюся въ одномъ изъ позднѣйшихъ пересказовъ ея, сложившемся по источникамъ, которые не знаютъ этой черты? Въ извѣстныхъ доселѣ романахъ ея нѣтъ, и едвали основательно думать, что она могла бы найтись въ какомъ-нибудь изъ утерянныхъ. Mabinogi о Передурѣ обнаруживаетъ значительное искаженіе и забвеніе подробностей, имѣвшихъ мѣсто въ его источникѣ, хотя, съ другой стороны, въ немъ удержаны нѣкоторыя мелочныя черты оригинала [2]); очевидно, что оно составилось и выработалось не въ письменныхъ только пересказахъ и приняло мѣстный оттѣнокъ, и несправедливо усматривать вмѣстѣ съ Симрокомъ у автора его желаніе „закрыть иноземное происхожденіе разсказа" [3]). Симрокъ говоритъ, что почитаніе обезглавленнаго Крестителя откликается въ древнѣйшей формѣ саги Граля [4]). Ужъ не mabinogi ли представляетъ эту древнѣйшую форму ея? По крайней мѣрѣ, мы не нашли у Симрока ничего другаго, что можно было бы назвать съ его точки зрѣнія „älteste Gestalt der Gralsage" (древнѣйшій складъ саги Граля). У de Boron'а и у Мар'а, считаемыхъ древнѣйшими авторами романовъ о Гралѣ, нѣтъ ничего, что̀ говорило бы о связи послѣдняго съ Іоанномъ Предтечею.

Второй намекъ объ этой связи и выработкѣ Граля изъ культа Іоанновой главы Симрокъ видитъ въ обвиненіи, взведенномъ на тампліеровъ, въ поклоненіи демону въ образѣ головы, которое Симрокъ принимаетъ — не такъ какъ нашъ, русскій ученый, г. Веселовскій [5]), — въ буквальномъ смыслѣ. Еслибы встрѣчались постороннія свидѣтель-

---

[1]) S. 789.

[2]) Напр., о копьѣ говорится и у Кретьена де Труа:

s'en ist une goute de sanc.

[3]) S. 789.

[4]) S. 777.

[5]) Мы думаемъ, что объясненіе г. Веселовскаго удачнѣе.

ства о Гралѣ, какъ о блюдѣ съ головою, тогда могло бы быть еще какое-нибудь право на отнесеніе упомянутаго обвиненія къ чествованію Граля, какъ блюда съ головою. Но о Гралѣ нигдѣ не говорится *прямо* въ такомъ смыслѣ. Поэтому, еслибы и доказано было чествованіе храмовниками голови [1]; то этимъ не было бы еще установлено, что то былъ Граль, или что этотъ послѣдній имѣлъ какую-нибудь связь съ упомянутою головою. Указываютъ на одинаковыя свойства Граля и храмовнической головы, но эта почва очень шатка. Между предметами и порожденіями фантазіи можетъ быть точка соприкосновенія помимо генетической родственности ихъ. Отдѣльно взятыя черты, даже цѣлая

---

[1]) Къ извѣстіямъ о вѣрованіяхъ и доктринахъ тампліеровъ должно относиться съ крайнею осторожностью. См., напр., въ ст. Ревилля (»Les Albigeois.—Origines, developpement et disparition du catharisme dans la France méridionale d'après de nouvelles recherches«), помѣщенной въ »Revue des Deux Mondes«; 1 Mai 1874 г., p. 44.—Можетъ быть, храмовники совсѣмъ не почитали головы, о которой толкуютъ. Кажется, что подобное обвиненіе принадлежало къ обычнымъ народнымъ пріемамъ по отношенію къ преслѣдуемымъ. Такъ, въ первыя времена христіанства язычники укоряли христіанъ въ поклоненіи ослиной головѣ.—О Baphom'ѣ (ин. Bafom'ѣ) въ »Les aventures de Mosenher G. de la Barra« упоминается въ связи съ Sarrazis: P. Meyer, Recueil d'anciens textes, 1-re partie (Paris 1874), p. 127—130. См. также »Guillaume de la Barre. Par Paul Meyer. Paris 1868«. Намъ кажется совершенно справедливымъ разумѣть подъ Бафометомъ Магомета (сл. у Grässe, l. c., S. 183—184. Henschel, Glossar., t. I, Paris. 1840, p. 579). Maury (Essai sur les légendes pieuses du moyen âge, Paris 1843, p. 110) говоритъ: »Au moyen âge une ignorance de la nature de l'islamisme transformait des musulmans en adorateurs de la statue du prophète, idée d'autant plus étrange qu'elle est en opposition complète avec l'esprit iconoclaste de l'islamisme *). Les Chroniques de Saint-Denis, lib. 3, c. 2, parlent d'une certaine statue de Mahomet nommée Salamcadis, qui était adorée par les Sarrazins, et qu'habitait une légion de diables«. Сл. у L. Gautier: La chanson de Roland, cinquième édition, Tours M DCCC LXXV, p. 4. Слово Mahommet съ теченіемъ времени начало означать »toute espèce d'idole« (Henschel, Glossar., t. VII, Paris. 1850, p. 220; сл. t. IV, Par. 1845, p. 187). Самого Магомета породнили съ демономъ, какъ вообще представляли чертями божества иновѣрцевъ. Укажемъ, для примѣра, на слова Вильгельма Тирскаго въ 1-й же главѣ его »Historia belli sacri«: »Tradunt ueteres historiae, et idipsum etiam habent Orienta-

---

*) Катары также отрицали чествованіе реликвій.

группа ихъ, могутъ имѣть множество аналогій, но слѣдуетъ ли на основаніи послѣднихъ гадать сейчасъ о происхожденіи легенды? И въ настоящемъ случаѣ, причиною сходства качествъ чаши Граля и храмовнической головы могла быть одинаковость тенденціи при разрисовкѣ той и другой.

Симрокъ не отказывается усматривать вмѣстѣ со многими другими учеными какое-то соотношеніе между сказаніями о Гралѣ и доктринами тампліеровъ [1]). Онъ ссылается, между проч., на указываемое учеными сходство названія служителей Граля съ названіемъ членовъ упомянутаго ордена и на нѣкоторое подобіе обычаевъ первыхъ по Вольфраму обычаямъ тампліеровъ.

По нашему мнѣнію, все это даетъ лишь право думать, что нѣкоторые романисты имѣли въ виду тампліеровъ при внесеніи тѣхъ или другихъ подробностей въ свои произведенія и при изображеніи рыцарей Граля, и нѣтъ основаній заключать, что все сказаніе и его идея заимствованы у храмовниковъ, которые, впрочемъ, могли быть знакомы съ этой легендой и даже обработать ее по своему. Тампліеры являются не во всѣхъ романахъ о Гралѣ, и въ первыхъ изъ этихъ романовъ идея рыцарскаго ордена Граля не выступаетъ ясно.

Граль у Вольфрама—блюдо (sic); въ mabinogi о Передурѣ *вмѣсто Граля* является голова на блюдѣ; при этомъ вспоминается голова І. Крестителя, которую чтили тампліеры; *слѣдовательно*, Граль былъ первоначально блюдомъ съ головою І. Крестителя.

---

lium traditiones, quod tempore quo Heraclius Augustus Romanum administrabat imperium, *Mahumeth primogeniti Sathanae*—ita inualuerat doctrina pestilens« etc. Historia belli sacri verissima etc. Basileae apud Nicolaum Brylingerum, Anno M. D. LXIII, p. 4. Въ литературныхъ памятникахъ встрѣчаются еще слѣд. формы Магометова имени: Mahume, mahom, Mahon, machom, Bagomede. Въ отношеніи къ Baphomet не безынтересно, что у насъ Магометъ назывался встарь Бохмитъ, а Волжскіе болгары—Бохъмичи (Лѣтоп. по Ип. сп., стр. 57).— О чествованіи храмовниками *блюда*, какъ мы сказали, нѣтъ извѣстій. Hammer-Purgstall считалъ одно блюдо, на которомъ есть надпись: »Have ait garal XII« и которое употреблялось при крещеніи, храмовническимъ, но, какъ доказано уже, это-произвольное предположеніе.

[1]) Это соотношеніе предполагали и въ тридцатыхъ годахъ настоящаго стол. Уже Von der Hagen говорилъ, что подъ рыцарями Граля должно разумѣть тампліеровъ.

Таковъ вкратцѣ у Симрока ходъ изложенныхъ нами пока доказательствъ основнаго его положенія.

Въ пользу предположенія, что Граль, на болѣе древней ступени развитія легенды о немъ, былъ блюдомъ съ головою I. Предтечи, говоритъ, далѣе, по мнѣнію Симрока, то обстоятельство, что генуэзцы посвятили капеллѣ I. Крестителя доставшуюся имъ при взятіи Кесаріи драгоцѣнную чашу, которую уже Гелинандъ пріурочивалъ къ Гралю[1]). Мы полагаемъ, что это посвященіе случилось безъ приведенія въ соотношеніе чаши съ I. Предтечею; по крайней мѣрѣ, ничто не заставляетъ думать наоборотъ. О генуэзскомъ сосудѣ, сколько намъ извѣстно, никогда не было легенды, которая связывала бы его хоть какъ-нибудь съ I. Крестителемъ, да и sacro catino, какъ сказано уже, начали отождествлять съ Гралемъ лишь въ XIII стол. Чашу, которую признавали драгоцѣннѣйшею реликвіею, естественно было помѣстить въ храмѣ I. Крестителя, который считался покровителемъ Генуи и котораго мощи почивали тамъ съ 1098 г.[2]). Нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что были сохраняемы подъ однимъ кровомъ двѣ важнѣйшія городскія святыни, почти одновременно прибывшія въ Геную. Могутъ сказать, что помѣщеніе знаменитой чаши въ капеллѣ I. Крестителя получаетъ значеніе *въ ряду* другихъ фактовъ, говорящихъ о связи Граля съ Іоанномъ Предтечею, но мы видѣли уже, что̀ это за факты.

Въ доказательство соприкосновенія Граля съ почитаніемъ Предтечи, Симрокъ обращаетъ вниманіе еще на то, что въ романѣ о Гралѣ важныя событія совершаются дважды въ Іоанновъ день, а не въ Пятидесятницу, когда обыкновенно происходили собранія и пиры ви-

---

[1]) S. 776 и 793.

[2]) Fra Gaetano, Il catino di smeraldo orientale gemma consacrata da N. S. Gesu Cristo nell' ultima cena degli Azimi, e custodita con religiosa pieta dalla Serma Repubca di Genova.... In Genova, MDCCXXVI, p. 2.—Мы встрѣтили аналогичный фактъ, относящійся къ болѣе раннему времени. Королева Теоделинда помѣстила полученную ею отъ папы корону съ гвоздемъ,—однимъ изъ тѣхъ, которыми былъ прикрѣпленъ ко кресту Спаситель, въ устроенной его церкви въ Monza. Въ этой церкви есть барельефъ, изображающій, какъ королева подноситъ реликвію Іоанну Крестителю. Слѣдуя методу Симрока, должно бы думать, что реликвія имѣла отношеніе къ Іоанну Крестителю.

тязей Круглаго Стола. Но романъ Кретьена де Труа объ Эрекѣ начинается такъ:

Un jor de pasques, al tans novel,
A Karadigan, son castel,
Ot li rois Artus cort tenue.

Въ прозаическомъ Персевалѣ, изданномъ Potvin'омъ, говорится по поводу назначенія Артуромъ собранія на Іоанновъ день: „Et por ce, la veust—il retenir à cel jor que la Pantecouste estoit trop prochienne, ne n'i péussent pas tuit estre cil qui adonc i seront" [1]). Англійская аллитеративная поэма „Sir Gawayne and The Green Knight" [2]) начинается описаніемъ празднованія Рождества Христова Артуромъ и рыцарями Круглаго Стола. Изъ этого видно, что, хотя Пятидесятница наичаще является въ романахъ временемъ собраній Круглаго Стола, избираются для того иногда и другіе дни, какъ не въ одну Пятидесятницу происходили торжественныя придворныя собранія во Франціи и въ Англіи, бывавшія на самомъ дѣлѣ [3]).

Въ разборѣ мнѣній важна прежде всего критика основъ ихъ; падутъ эти послѣднія—потеряетъ значеніе и все построенное на нихъ и примкнувшее къ нимъ; уцѣлѣютъ онѣ—тогда удержатся и выводы изъ нихъ и примѣненія ихъ. Поэтому, разобравши основную часть Симроковой гипотезы относительно Граля и остановившись подробно на доказательствахъ Симрока потому, что они приняты и приводятся у довольно авторитетныхъ ученыхъ, мы, для избѣжанія чрезмѣрной пространности нашего труда, не станемъ касаться дальнѣйшаго раскрытія Симрокомъ его гипотезы. Мы оставимъ въ сторонѣ предложенное Симрокомъ „Объясненіе миѳа о Гралѣ" [4]), а по поводу указанныхъ имъ „Отголосковъ нѣмецкихъ миѳовъ" [5]) замѣтимъ, что эти сближенія

---

[1]) Perceval le Gallois ou le Conte du Graal publié par Ch. Potvin. I Vol., 1 partie (MDCCCLXVII), p. 24.

[2]) Second edition (Early English Text Society), 1869.

[3]) Объ этихъ собраніяхъ см. у Дю—Канжа: Glossar. med. et inf. lat., t. VII (изд. Henschel'я), Dissertations sur l'histoire de saint Louys, diss. IV. Тутъ указано время, когда Пятидесятница начала быть днемъ торжественныхъ собраній. См. еще въ Англо-Саксонской хроникѣ: Monum. hist. Brit., p. 394—395.

[4]) S. 777—779. [5]) S. 779—780.

имѣютъ значеніе только по отношенію къ повѣствованію Вольфрама, а не по отношенію къ сказанію, послужившему источникомъ для Парциваля. Нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ допустить предположеніе, къ которому склоняется Симрокъ, что „сага о Гралѣ возникла изъ соединенія нѣмецкихъ и христіанскихъ элементовъ" [1]).

Что касается мѣстности зарожденія легенды, то Симрокъ колеблется между Провансомъ въ томъ широкомъ значеніи, какое имѣло тогда это слово, и югомъ и сѣверомъ Франціи [2]), но готовъ, повидимому отдать предпочтеніе Провансу.

Разсужденія Симрока объ этомъ не заслуживаютъ разбора, потому что онъ основывается, главнымъ образомъ, на Вольфрамѣ и отправляется постоянно отъ Парциваля, который насколько имѣетъ значенія въ этомъ случаѣ, мы уже показали. Притомъ Симрокъ не высказывается рѣшительно.

Фактами, накопленными у Симрока, воспользовался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ знатоковъ старонѣмецкой и старофранцузской литературъ, Bartsch. Въ его мнѣніи относительно Граля весьма мало новаго, да и это новое вытекло, большею частію, изъ довольно шаткаго приложенія къ матеріалу, найденному у Симрока, данныхъ, встрѣченныхъ Bartsch'емъ въ сочиненіяхъ другихъ ученыхъ.

Bartsch считаетъ Kyôt дѣйствительно существовавшимъ лицомъ и говоритъ, что, во всякомъ случаѣ, разсказъ Вольфрама о Флегетанисѣ и нахожденіи книги Граля въ Толедо устанавливаетъ путь, который сага о Гралѣ получила чрезъ Испанію. Bartsch относится съ такимъ довѣріемъ къ сказанію о Флегстанисѣ, который, по его словамъ, „едвали вымышленъ" [3]), что рѣшился утверждать „восточно-іудейское начало" саги, „которая проникла на западъ, вѣроятно, чрезъ посредство испанскихъ арабовъ". Можно спросить у почтеннаго ученаго, о какой сагѣ онъ ведетъ рѣчь? Излагая кратко содержаніе легенды, онъ включаетъ въ нее Іосифа Аримаѳейскаго и собраніе крови Спасителя: неужели все это явилось съ востока чрезъ арабовъ? Мы показали уже, чѣмъ могло быть произведеніе Kyôt, а также усвояемый ему источникъ. Отъ сказанія, которое выдается за найденное въ Толедо, еще далеко до

---

1) S. 789.

2) S. 789--792.

3) Wolfram's von Eschenbach Parzival und Titurel, I, XXIV.

легенды о Гралѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Мы думаемъ также, что съ точки зрѣнія Bartsch'a далеко не безразличны принятіе или непринятіе показанія Kyôt объ его источникѣ.

Что говорится у Bartsch'a о распространеніи сказанія о Гралѣ на западѣ Европы и о примѣси въ это сказаніе кельто—бриттскихъ стихій, представляется совершенно лишеннымъ основанія и показываетъ только незнаніе фактической стороны дѣла. Bartsch допускаетъ, что сага о Гралѣ распространилась и пустила крѣпкіе корни въ Бретани ранѣе первой половины XII стол. Тамъ она смѣшалась съ мѣстными преданіями. Связь ея во всѣхъ обработкахъ съ Артуровскою сагою указываетъ, по мнѣнію Bartsch'a, уже сама по себѣ на кельтскую основу.

Bartsch обращаетъ вниманіе на аналогію братства Граля съ братствами духовно-рыцарскихъ орденовъ и въ особенности съ храмовниками, указываетъ на то, что послѣдніе имѣли большія владѣнія въ мѣстностяхъ, гдѣ романисты помѣщали замокъ Граля, и усматриваетъ, подобно Симроку, слѣды Граля у тампліеровъ, при чемъ основывается на упомянутомъ нами обвиненіи. Bartsch также обращаетъ вниманіе на эпизодъ mabinogi о блюдѣ, но видитъ въ представленіи Граля блюдомъ съ головою не первичную редакцію легенды, какъ Симрокъ, а „другую передачу саги“ [1]). Такая традиція опять приводитъ, по его мнѣнію, къ тампліерамъ, которые чтили въ особенности Іоанна: на литургіи они читали начальныя слова Іоаннова Евангелія.

Отступленія Bartsch'a отъ предположеній Симрока обставлены плохо, и вообще все замѣчаніе Bartsch'a о Гралѣ крайне несостоятельно. Bartsch слилъ воедино сказаніе о Гралѣ французскихъ труверовъ съ тѣмъ, второе изложилъ Симрокъ; Bartsch имѣлъ въ виду, вѣроятно, „Младшій Титурель“, столь мало значущій въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Наряду съ упомянутыми нами учеными, происхожденіе легенды о Гралѣ устанавливаютъ на основаніи Вольфрамова повѣствованія и другіе нѣмецкіе ученые.

Нѣкоторые изъ нихъ, оставляя въ сторонѣ показаніе Вольфрама объ его источникѣ, выискиваютъ начала легенды о Гралѣ при помощи тѣхъ или иныхъ подробностей Вольфрамова описанія Граля и его обстановки. Фантазія, можетъ быть, и безъ вѣдома этихъ ученыхъ,

---

[1]) S. XXVI.

играетъ слишкомъ значительную роль въ ихъ теоріяхъ и приводитъ иногда къ крупнымъ несообразностямъ.

Какъ создаются эти теоріи и насколько онѣ прочны, можно видѣть изъ разбора мнѣнія Gust. Oppert'a; этотъ разборъ ярко покажетъ также степень запутанности нашего вопроса. Надѣемся, что намъ не поставятъ въ вину критику странностей, которыя мы выведемъ сейчасъ передъ читателемъ [1]).

Оппертъ является сторонникомъ и продолжателемъ тѣхъ отринутыхъ теперь мнѣній, которыя выводили Граль изъ разсказовъ о восточныхъ диковинкахъ.

Отправляясь отъ *Вольфрамова* Граля, Оппертъ строитъ теорію о Гралѣ вообще.

Онъ такъ резюмируетъ сущность своихъ розысканій [2]): „Изображеніе чудодѣйственнаго камня, получившаго названіе *Граля*, соотвѣтствуетъ описаніямъ цѣлительнаго камня *коралла*, представляющаго въ переносномъ смыслѣ *кровь Христову*, названіе *замка Граля (Gral-palast)* напоминаетъ староиспанскій *Corrál* [3]); оба слова: Corál и Corrál имѣютъ неоспоримое сходство съ словомъ Gral, *рыцарство* храмовниковъ *Salvaterra* есть, какъ можно замѣтить изъ историческихъ данныхъ, прославленное и храброе *рыцарство Salvatierra*, названное такъ по крѣпкому замку Salvatierra, расположенному въ тепер. Mancha въ Sierra Morena; Тудельскій архіепископъ называетъ этотъ замокъ *Castrum Salutis*, а историкъ Luis de Marmol—*Castil de Dios; Munsalvaesch* нѣмецкаго поэта напоминаетъ своимъ именемъ замокъ *Monsalud*, гдѣ былъ конвентъ ордена до переселенія его въ Salvatierra и гдѣ былъ погребенъ четвертый его гроссмейстеръ... Замѣчательно также, что славящіеся источники извѣстнаго своими минеральными водами Campo de Calatrava называются *Hervederos de Fuen-Santa,* что напоминаетъ *Fontan la Salvatsche*".

---

[1]) Fel. Liebrecht, разбирая книгу Опперта, коснулся его гипотезы о Гралѣ лишь въ нѣсколькихъ словахъ. См. Götting. gel. Anz. 1864, St. 52.

[2]) Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Zweite verbess. Auflage. Berlin, 1870. S. 218—219.

[3]) Такъ назывался обыкновенно орденской домъ, находившійся въ мѣстности, принадлежавшей ордену; слово corral могло относиться и къ монастырю, и къ замку. Ib., 218.

Обратимся къ повѣркѣ положеній, выставленныхъ Оппертомъ.

Кораллу, дѣйствительно, приписывалось *до извѣстной степени нѣсколько* качествъ, которыя усвоялись и Гралю, но сходство между тѣмъ и другимъ въ этомъ отношеніи не простирается такъ далеко и не таково, чтобы могло дать право на отождествленіе или выводъ одного изъ другаго.

У приведенныхъ Оппертомъ писателей кораллъ представляется камнемъ или растеніемъ, уничтожающимъ боль желудка, останавливающимъ теченіе крови, эпилепсію, пособляющимъ при нарывахъ и внутреннихъ болѣзняхъ, укрѣпляющимъ глаза, исправляющимъ зубы, укрѣпляющимъ десна; о немъ сообщается также, что онъ отвращаетъ молнію, грозы, градъ, содѣйствуетъ плодородію; онъ охраняетъ отъ всякаго вреднаго дѣйствія демоновъ, имѣетъ силу относительно призраковъ, отгоняетъ демонскія тѣни и представляющіяся во снѣ бредни, доставляетъ легкій входъ и благополучный исходъ.

Даже собирая все это во-едино, можно видѣть, какъ невѣренъ выводъ Опперта, будто, по повѣрьямъ, „ношеніе ковалловъ доставляетъ счастіе и здоровье“ [1]). Кораллу приписывалось не общее такое вліяніе, а способность оказывать содѣйствіе лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Не должно забывать при этомъ, что сведенныя нами повѣрья о кораллѣ не встрѣчаются всѣ вмѣстѣ у писателей, которые излагаютъ то тѣ, то другія изъ этихъ повѣрій. Кораллъ нисколько не выдѣлялся въ этомъ случаѣ изъ ряда другихъ камней, которые были надѣлены въ лапидаріяхъ тѣми же или подобными свойствами. Указанныя нами повѣрья соединены въ одну картину впервые въ знаменитой энциклопедіи Винцентія Бовезскаго. Можно было бы прослѣдить, какъ постепенно слагались представленія о кораллѣ и на чемъ основывалась вѣра въ его свойства, но мы не желаемъ удаляться въ сторону отъ прямаго пути нашего изслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, что, по суммѣ благотворныхъ свойствъ, какъ бы значительны они ни были, кораллу далеко до Граля. Кораллъ является у писателей постоянно въ качествѣ талисмана, и въ этомъ отношеніи у него не мало соперниковъ [2]).

---

[1]) S. 200.

[2]) Такъ, въ одномъ лапидаріѣ читаемъ: «*Ceraunius* lapis est cristallo similis, infectus ceruleo, de Germania. alter de Hispania, rutilans ut flamma. hii cadunt de locis tonitrui, et valent ad dulces somnos et ad prelia et causas vin-

Для произведенія кораллом того или другаго благотворнаго дѣйствія въ пользу какого-нибудь лица необходимо, чтобы онъ находился при этомъ лицѣ. У одного писателя прямо говорится, что о чудесныхъ свойствахъ коралла толкуютъ маги („magi affirment"). Послѣ этого невозможно отыскивать въ лапидаріяхъ зерно такъ разросшейся впослѣдствіи легенды о Гралѣ.

Кромѣ повѣрій о благодѣтельныхъ для человѣка качествахъ коралла, Опперть указываетъ и другія черты въ сказаніяхъ о кораллѣ, сближающія, по его мнѣнію, послѣдній съ Гралемъ.

„Какъ Граль избираетъ въ свои хранительницы только чистыхъ дѣвушекъ (sic), такъ и коралловый камень полезенъ только хорошимъ женщинамъ" [1]). Опперть выдвигаетъ два обстоятельства, которыми кораллъ приводится будто бы въ связь съ христіанствомъ. По одному повѣрью, онъ страшенъ демонамъ *потому*, что вѣтви его часто распростираются крестообразно. Онъ былъ удерживаемъ въ качествѣ поясняющаго примѣра грѣшнаго человѣчества и былъ разсматриваемъ какъ символъ крови Христовой [2]).

Что касается уподобленія грѣшника кораллу, то оно относилось къ „doctrina moralis" и вообще не вошло въ составъ народнаго вѣрованія. Это одно изъ тѣхъ многочисленныхъ нравственно-поучительныхъ уподобленій, которыя были въ ходу у богослововъ до послѣдняго времени [3]). Тоже можно сказать и о разсматриваніи коралла, какъ

---

cendas. et loca omnia in quibus est a fulmine et tempestate conservantur». Zeitschr. f. deutsches Alterthum, Neue Folge, sechsten B. drittes Hest (Berlin, 1875), ст. Rose: Aristoteles De lapidibus und Arnoldus Saxo», S. 432.— О другомъ камнѣ говорится: «*Crisoprassus* lapis est. color ut porri succus. renidens est aureis guttis. hunc transmittit India. virtus eius est: nam visum clarificat et avariciam pellit et dat perseveranciam in bonis omnibus». Ib., 433.

[1]) Der Presbyt. Johannes, S. 201.

[2]) Ibid.

[3]) Символика имѣла огромное значеніе въ христіанствѣ съ древнѣйшихъ временъ. По словамъ Th. Wright'a (Essays on subject connected with the literature, popular superstitions and history of England in the Middle Ages. Vol. II, London MDCCCXLVI, p. 61), въ XII стол. „открывали въ каждой вещи символическую идею моральныхъ обязанностей человѣка или глубокихъ тайнъ религіи. Морализировали или символировали такимъ способомъ свой-

символа крови Христовой. Вотъ подлинныя слова приводимой Оппертомъ выдержки: „...Si Corallii virtus consideretur, hoc domi forisque gestatum tempestates et fulmina arcet, fluxum sanguinis cohibet, et adversus daemoniaca phantasmata valere dicitur. Coralium in hac morali doctrina *memoriam sanguinis* Christi *repraesentare potest*, quae in mente humana ubique gestata adversus vitiorum tempestates, et fulmina aeternae damnationis praemuniens medicamentum euadit: Quinimo diabotica testamenta dissipat, et fluxum sanguinei luxus coercet“. Изъ этихъ словъ можно видѣть, какого рода было уподобленіе коралла крови Христовой (говорилось только, что кораллъ можетъ напоминать ее) и на чемъ оно основалось (оно шло въ параллель съ представленіемъ о вышеприведенныхъ чисто физическихъ свойствахъ коралла). *О чудесномъ происхожденіи* коралла, отъ крови ли, или какимъ-нибудь инымъ способомъ, *христіанскіе писатели* не сообщаютъ ничего; мы не нашли также положительнаго и распространеннаго вѣрованія о какомъ-нибудь отношеніи коралла къ крови Христовой. Это весьма важно. Уподобленіе же коралла крови вообще могло явиться благодаря внѣшнему виду коралла (это можно усмотрѣть во многихъ памятникахъ), безъ реминисценцій язычества, въ которомъ также сложилась легенда о кораллѣ на основаніи вида послѣдняго. Замѣтимъ еще, что и кровокрасный ахатъ напоминалъ нѣкоторымъ смерть Іисуса.

Оппертъ обращаетъ далѣе вниманіе на то, что Гралю приписывалось укрѣпленіе сердца, откуда выводили и его наименованіе (coralere) въ смыслѣ питателя сердца; потому-то Вольфрамъ могъ назвать Граль раздавателемъ пищи храмовникамъ, такъ какъ онъ питаетъ души. Опять довольно смѣлый выводъ: кораллу приписывали чисто физическое воздѣйствіе на сердце, какъ у арабовъ послѣднее и теперь еще усвояется рубину. Другія изъ свойствъ, которыми надѣляли кораллъ

ства животнаго творенія, качества растеній, законъ планетныхъ движеній, части строенія и различные члены человѣческаго тѣла, разсказы и народныя исторіи и даже повѣствованія объ историческихъ событіяхъ“. Благочестивыя размышленія по поводу предметовъ внѣшняго міра и примѣненіе ихъ въ той или другой сторонѣ христіанства нерѣдки и даже, можно сказать, весьма обычны у средневѣковыхъ книжниковъ. См., напр., «Liber fisiologus», напечатанный Morris'омъ въ «An Old Englich Miscellany». (London MDCCCLXXII, Early English Text Society, p. 201—209).

приведенныя у Опперта повѣрья, даются арабами и теперь различнымъ камнямъ [1]); безъ сомнѣнія, такъ было и встарь, и тогда тѣ же свойства или подобныя тѣмъ, которыя считались принадлежностію коралла, приписывались и другимъ камнямъ, и мы не видимъ, почему, при созданіи грандіозной легенды о Гралѣ, должны были остановиться именно на кораллѣ.

Оппертъ готовъ предположить, что, вмѣсто извѣстныхъ словъ „Lapsit exillis" у Вольфрама могло быть „Lapis corallis". Мы замѣтимъ на это, что подобное чтеніе слишкомъ удаляется отъ рукописей, въ которыхъ, какъ варіанты къ exillis, встрѣчаются erillis, exilis, exillix, exilix [2]), да и невозможно потому еще, что кораллъ является у Вольфрама въ ряду множества драгоцѣнныхъ камней, украшавшихъ ложе Anfortas'а [3]).

Таковы черты, сближающія, по мнѣнію Опперта, Граль съ коралломъ. Послѣ разбора положеній Опперта оказывается, что у коралла и Граля немного общаго, да и это общее не вполнѣ совпадаетъ [4]), и нельзя сказать вмѣстѣ съ Оппертомъ, что „самыя выдающіяся свойства Граля приписываются и кораллу" [5]).

Оппертъ думаетъ, что, съ отождествленіемъ Граля съ коралломъ, могутъ быть объяснены нѣкоторыя подробности Вольфрамова сказанія о Гралѣ. Нѣмецкій поэтъ говоритъ, что, при посредствѣ Граля, сожигается фениксъ. Оппертъ полагаетъ, что въ этомъ случаѣ можно разумѣть кораллъ потому, что о фениксѣ говорили, что онъ сожигается въ Геліополисѣ въ гнѣздѣ изъ благоуханныхъ травъ, кораллъ же считался въ средніе вѣка травой, запахъ которой не непріятенъ и которая растетъ въ Красномъ морѣ. „Естественная особенность коралловъ, говоритъ Оппертъ далѣе, и мѣстоположеніе Геліополиса увеличили еще вѣроятность того, что саги о Гралѣ развились изъ повѣствованій о

---

[1]) Le Roux de Lincy, Le livre des légendes, 124—125.

[2]) Не слѣдуетъ ли читать »lapis exilii«?

[3]) Parz. XVI, 124.

[4]) См. выше о свойствахъ коралла и Граля по отношенію къ добродѣтельнымъ женщинамъ; кораллъ, думали, укрѣплялъ сердце, а Граль питалъ вообще.

[5]) Der Presbyt. Iohannes, S. 203.

кораллѣ“. Но Опперть не доказалъ существованія повѣрья о сгараніи феникса именно въ кораллѣ. Упоминанія объ очень рано вошедшемъ въ христіанскую письменость[1]) фениксѣ встрѣчаются нерѣдко въ средневѣковыхъ памятникахъ. Сожженіе его при помощи Граля, можетъ быть, должно объяснять тѣмъ, что о камнѣ, который былъ подставленъ подъ Граль, передавалось тоже, что объ ахатѣ[2]). Можно объяснять это и иначе. Уже въ латинской поэмѣ „de Phoenice“ трупъ испускавшаго духъ феникса, раскаляясь собственною теплотою, воспламенялся съ помощію эѳирнаго свѣта. У Кретьена же де Труа читаемъ, что, когда вошла съ Гралемъ „une damoisièle“

Atout le graal qu'ele tint,
Une si grans clartés i vint
Que si pierdirent les candoiles
Lor clarté, com font les estoiles
Quant li solaus liève ou la lune[3]).

---

[1]) См. Ebert'a Geschichte der christlich — lateinischen Literatur (Leipzig 1874), S. 94 fgde.

[2]) У одного писателя встрѣчается слѣдующее: »Agathen ex Alberto gemma est susci, et nigri coloris, quem ex nimia combustione sortitur, nam ut idem asserit, niger color in lapidibus frequentissime causatur ex terrestri combusto; Agathaeus ergo fuit Calix Domini, ut significaret, quem abscondit, Pretiosissimum Sanguinem ex Christi corpore amoris flamma combusto in Ecclesiae vasa decurrere«. Объ алмазѣ въ одномъ древнемъ памятникѣ сообщалось: »*Adamans* lapis ferro durior, de quo Physiologus ita dicit, si tamen credendum est. Est lapis quae dicitur Adamans; iste in monte quedam in Oriente invenitur, ita tamen ut noctibus queratur, non per diem, quoniam in nocte lucet« etc. Sinner, Catalogus Codicum Mss. Bibliothecae Bernensis, t. I, p. 391 (цитата заимствована нами).

[3]) Perceval le Gallois ou le Conte du Graal publié par Ch. Potvin. Deuxième partie, tome I (MDCCCLXVII), p. 148. Сл. соотвѣтствующія строки у Вольфрама фонъ Эшенбахъ. По поводу сопоставленія феникса и Граля не мѣшаетъ вспомнить, что въ одной рукописи Британскаго музея о раѣ говорится: »Therein dwelleth a beautiful bird called Phoenix; he is large und grand, as the Mighty One formed him; he is the lord over birds«. Baring—Gould, Curious Myths, first series, p. 256.

Опперть заподозриваеть предложенныя доселѣ производства слова Граль [1]). Мы же думаемъ, что graal скорѣе могло образоваться изъ gradale, чѣмъ изъ coral. Изъ того, что „всѣ почти средневѣковыя этимологическія толкованія невѣрны", не слѣдуетъ, что неосновательно и предложенное Гелинандомъ. Слово graal и теперь есть въ народномъ языкѣ, какъ было во времена Гелинанда [2]), и употребляется приблизительно въ томъ же значеніи. Опперть отвергаеть Гелинандово объясненіе на томъ основаніи, что Вольфрамъ нигдѣ не приводитъ Граль въ связь съ Іосифомъ Аримаѳейскимъ. Нѣмецкій ученый толкуеть объ искаженіи саги и обвиняеть въ немъ даже Кретьена де Труа. Но, напротивъ, Граль объясняется наиудовлетворительнѣе, какъ романское или—точнѣе—французское слово. Формы, въ которыхъ выражался переходъ gradalis [3]), gradalus, gradale, уменьшит. gradaletus, въ graal [4]),

---

[1]) S. 197.

[2]) Гелинандъ говоритъ о gradalis: »dicitur et *vulgari* nomine *graal*«. Частая прибавка въ занимающихъ насъ романахъ къ этому слову эпитета *seint*, *sainct*, *seint*, *san*, *seynt* также говоритъ о томъ, что graal, само по себѣ, не было собственное имя. Выраженіе saint graal въ романахъ=»seint vaissel«. Оно представляетъ новую улику противъ Симрока: блюдо Иродіады такъ не называли бы.

[3]) Ясный слѣдъ образованія graal изъ этого слова можно видѣть въ формахъ graalz (gra-al-z) и grazaus.

[4]) Gradalis же и gradale, говорятъ, образовались изъ crater. Crater и cratus встрѣчаются, дѣйствительно, въ глоссаріяхъ, въ которыхъ есть и cratera; не мы не нашли въ этихъ глоссаріяхъ ни cratella, о которой говоритъ P. Paris (Les rom. de la Table Ronde, I, 379) и Skeat (Ioseph of Arimathie, XXXVII), ни cratalis и cratale, что̀ въ особенности важно. Ученые указываютъ примѣры, по аналогіи которыхъ можно заключать о возможности образованія формы craterra (ин. creterra), которую мы нашли у Forcellini (Totius latinitatis lexicon, t. I, Patavii MDCCCV). Мы не признаемъ возможнымъ согласиться съ такимъ производствомъ gradalis, помимо упомянутаго затрудненія, еще потому, что значеніе этого слова не совпадаетъ точно съ значеніемъ crater. Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на одно выраженіе Гелинанда, которое мы печатаемъ курсивомъ: »Gradalis autem vel gradale gallice dicitur scutella lata et aliquantulum profunda, in qua *preciose dapes* diuitibus solent apponi *gradatim, unus morsellus post alium* in diuersis ordinibus«. Толкованію Гелинанда вполнѣ соотвѣтствуетъ выдержка изъ Assises de Iérusalem

могутъ быть возстановлены [1]). Формы graaul, graaus, graail, graax, greail, gréal, gréaus, прованс. grazaus, ит. gradale, gradaletto [2]), не благопріятствуютъ производству, выставленному Оппертомъ. Мы не знаемъ варіантовъ выговора слова graal, которые свидѣтельствовали бы въ пользу Оппертовой гипотезы. Могутъ привести исп. garral, но, наряду съ этою формой, встрѣчаемъ въ исп. gresal, grial greal [3])— формы слишкомъ далекія отъ испанскаго coral.

Наконецъ, не должно забывать, что въ произведеніи о камняхъ, написанномъ незадолго до появленія бретонскихъ романовъ и получившемъ большое распространеніе, кораллъ является простымъ талисманомъ.

Оппертъ говоритъ: „Хотя саги о кораллѣ, фениксѣ [4]) и др. указываютъ, какъ на свою родину, на востокъ, но Вольфрамъ выбралъ несомнѣнно сценою царства Граля Испанію“ [5]). Мы замѣтимъ по поводу этого, что, если Граль вышелъ изъ легендъ о восточныхъ дивахъ и однако пріуроченъ къ западу, то, очевидно, Вольфрамъ находился подъ вліяніемъ легендъ, помѣщавшихъ Граль на западѣ, которыя существовали уже во второй половинѣ XII-го стол.

приведенная у Roquefort'a (Glossaire de la langue romane, t. I (A Paris, MDCCCVIII, p. 703). Выраженіе Гелинанда *gradatim*, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, стоитъ въ связи съ значеніемъ слова gradalis. У Forcellini (t. II, p. 388) мы встрѣтили: »Gradalis, e, adj. a gradibus. *gradalis pugna* dicitur a *Diom.* in qua pede collato miles gradatim sensim procedit, urgetque hostem«. Намъ кажется, что не слѣдуетъ, въ вопросѣ о происхожденіи слова graal, оставлять безъ вниманія употребленіе слова gradalis, отмѣченное нами по Forcellini.

[1]) Это: gracellus, grassala, grassale, grassellus, grassella, grasilhia, grasalus, grasala, grasale, grazala (сходно съ прованс. grasal, grazal, grazaus), grayale (сл. у Roquefort'a, Gloss. I, 708, слово grajal), grasaletus, graletus. Производство graal отъ gradale=graduale (P. Paris, Les rom. de la T. R., I, Addenda) мало вѣроятно. Слово graal является въ формахъ, которыя могли бы имѣть отношеніе къ graduel, сравнительно рѣдко.

[2]) *Polidori*, La tavola ritonda, parte seconda, Bologna 1865, p. 92.

[3]) *Fr. Michel*, Le rom. du Saint-Graal, p. X. *Diez*, Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen, 2-ter Theil, Bonn 1870, S. 327.

[4]) О фениксѣ см. сказанное нами выше.

[5]) S. 203.

Въ теоріи Опперта мы не имѣемъ ничего сказать лишь противъ поставленія въ связь рыцарей Граля съ испанскими рыцарями [1]). Можетъ быть, вслѣдствіе заимствованія въ романъ нѣкоторыхъ подробностей изъ исторіи послѣднихъ, придумано и сказаніе о нахожденіи легенды Граля въ Испаніи.

Теорія о Гралѣ, которую выставилъ Paulus Cassel [2]), относится къ тому же разряду, къ которому мы причислили гипотезу Опперта, и едвали можетъ имѣть цѣну въ наукѣ. Поэтому мы коснемся ея лишь въ немногихъ словахъ, не вдаваясь въ обстоятельное опроверженіе ея, котораго она не заслуживаетъ.

Кассель избралъ пунктомъ отправленія Вольфрамову передачу саги Граля, и именно—картину, нарисованную въ V-й книгѣ Парциваля, гдѣ изображается обстановка, въ которой Граль предсталъ Парцивалю, когда тотъ прибылъ въ первый разъ въ замокъ Граля.

Очевидно, что, еслибы даже Касселевы объясненія этой части Вольфрамова разсказа были совершенно правильны, все-таки разоблаченіе аллегоризма Вольфрамова повѣствованія не рѣшило бы еще вопроса о происхожденіи легенды Граля вообще. Но Кассель освѣщаетъ невѣрно и сущность Вольфрамова сказанія, уясняя неправильно аллегорію его, раскрытую удовлетворительнѣе у другихъ нѣмецкихъ ученыхъ [3]).

По мнѣнію Касселя, глазамъ Парциваля представилась въ указанное нами время божественная литургія въ символическомъ изображеніи, и Вольфрамъ описалъ не романтическое, а величайшее христіанское событіе; подъ носительницею Граля (Oure pense de Joie) должно разумѣть Пресв. Дѣву, а подъ Гралемъ разумѣлся тотъ камень, о которомъ говорится въ Св. Писаніи, какъ о главѣ угла, основномъ камнѣ, и тотъ самый, который упоминается и у нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей и у Сивиллы, именно--Христосъ.

---

[1]) Впрочемъ, нѣкоторыя изъ названій, которыя находили до сихъ поръ въ Испаніи, можетъ быть, отыщутся въ другихъ мѣстахъ. Мы нашли указаніе на ст. L. Grangier въ Anzeiger für Schweizer. Alterthumskunde (№ 4. Oct. 1874) подъ заглавіемъ: »Tumulus de Montsalvens«.

[2]) Der Grâl und sein Name. Von Paulus Cassel. Berlin 1865.

[3]) Впрочемъ, между ними нѣтъ согласія относительно этого, и предлагаемыя ими толкованія довольно разнообразны.

Если вѣрить Касселевымъ объясненіямъ, то почти всѣ мелочи Вольфрамова разсказа имѣютъ символическое значеніе и выказываютъ въ авторѣ отличное знаніе всей библіи, по рецепту которой, если можно такъ выразиться, они составлены, а также—обычаевъ, обрядовъ и ученія церкви, только—не западной, а восточной, отъ которой будто бы старофранцузская церковь отошла не особенно далеко.

Для проведенія своихъ сближеній, Кассель нерѣдко прибѣгаетъ къ очевиднымъ натяжкамъ и произвольнымъ гаданіямъ. Достаточно двухъ примѣровъ. У Вольфрама говорится, что носительница Граля вошла въ залу въ сопровожденіи шести дѣвушекъ, несшихъ лампы. Для полученія числа семи, Кассель готовъ и самый Граль съ его носительницею причислить къ свѣтильникамъ, хотя нѣтъ никакого основанія для этого, кромѣ обстоятельства, что у носительницы Граля

ir antlitze gap den schîn,
sie wânden alle ez wolde tagen [1]).

У Вольфрама сообщается, что за оруженосцемъ, пронесшимъ копье, въ залу Граля вступили двѣ дѣвушки, изъ которыхъ каждая несла по подсвѣчнику:

ietweder ûfer hende
truoc von golde ein kerzestal [2]).

Кессель же говоритъ: „хотя такъ и не сказано, но должно предположить, что это были двусвѣчникъ и трисвѣчникъ“. Вслѣдъ затѣмъ Кассель упоминаетъ объ употребленіи такихъ подсвѣчниковъ при богослуженіи въ византійской церкви и указываетъ дальнѣйшія аналогіи.

То, чтò въ Вольфрамовомъ повѣствованіи противорѣчитъ гипотезѣ Касселя, послѣдній оставляетъ въ сторонѣ. Такъ, онъ опустилъ безъ объясненія первую сцену (пронесеніе копья), какую Парциваль увидѣлъ въ залѣ, въ которую былъ внесенъ Граль, очевидно—потому, что прямое объясненіе смысла этой сцены, данное самимъ Вольфрамомъ и не согласующееся съ гипотезой Касселя, не позволяло извратить смыслъ этого перваго явленія по произволу.

---

[1]) Parz. V, 346—347. Точто также оказываются искаженіемъ дѣла толки Касселя о двадцати четырехъ дѣвахъ, которыхъ самъ Вольфрамъ насчитываетъ двадцать пять (Parz. XVI, 660).

[2]) Parz. V, 258—259.

Безспорно, литургическая обрядность и торжественность церковныхъ службъ должна была отозваться до извѣстной степени въ описанiи Вольфрама [1]), такъ какъ онъ изображаетъ въ чествованiи Граля въ извѣстной мѣрѣ христiанское богослуженiе, церемонiалъ котораго былъ, повидимому, постоянно одинаковъ [2]). Но слѣдуетъ ли отсюда, что въ этихъ литургическихъ чертахъ должно искать смысла всей картины? Въ большомъ французскомъ романѣ о Гралѣ описывается божественная литургiя не символически, а прямо [3]), и между тѣмъ тамъ нѣтъ ничего, что̀ наводило бы на заключенiя, къ которымъ пришелъ Кассель.

Открытiе центра, около котораго должно группироваться изслѣдованiе, и выборъ надлежащаго исходнаго пункта—дѣло первой важности при всякомъ научномъ изысканiи. Кассель погрѣшилъ, ставши на ложную дорогу въ томъ и другомъ. Для выясненiя того, что̀ должно разумѣть подъ Гралемъ, онъ выхватилъ *одинъ эпизодъ* Парциваля и попытался объяснить его, оставивъ безъ вниманiя общую идею произведенiя и все содержанiе его.

Желая доказать, что подъ Urrepanse de Schoye должно разумѣть Пресв. Дѣву, Кассель истолковалъ неправильно извѣстный французскiй кликъ Mantjoic [4]).

Кассель предложилъ свои соображенiя и относительно слова graal.

Не зная, что въ пользу наиболѣе распространеннаго теперь этимологическаго вывода его говоритъ преимущественная древность неизвѣстныхъ Касселю французскихъ сказанiй о Гралѣ предъ остальными, нѣмецкiй ученый подвергаетъ сначала разбору толкованiе слова, какъ блюда, съ точки зрѣнiя созданной имъ самимъ теорiи относительно Вольфрамова Граля: считая эту теорiю какъ бы окончательно рѣшившею вопросъ, Кассель разсматриваетъ, подходитъ ли принятiе Граля, какъ блюда, къ его гипотезѣ, или нѣтъ, и отвѣчаетъ на это отрицательно.

Кассель говоритъ, что gradale употреблялось въ смыслѣ блюда рѣдко и почти не имѣло мѣста въ церковномъ обиходѣ. Первое пред-

---

[1]) Зеленому Achmardi Вольфрама соотвѣтствуетъ въ романахъ Map'a зеленая ткань, которою былъ обвитъ Граль (P. Paris, Les rom. de la T. R., I, 180): совпаденiе довольно интересное.

[2]) Parz. XVI, 653 fgde.

[3]) P. Paris, des rom. de la T. R, I, 180. suiv.

[4]) См. объ этомъ словѣ Дю-Канжа т. VII, dis.

положеніе ничѣмъ не доказано у Кесселя, которому совѣтуемъ, для убѣжденія въ противномъ, просмотрѣть замѣчанія о gradale и gradalis въ III-мъ т. Геншелева изданія литинскаго словаря Дю-Канжа [1]). Что же касается церковныхъ сосудовъ, то для обозначенія ихъ въ церкви были издавна другіе термины [2]). Притомъ не должно забывать, что въ XII стол. могли, повидимому, называть graal'емъ и церковную чашу [3]).

Кассель производитъ слово graal отъ gradilis (panis gradilis). Но слово gradilis употреблялось для обозначенія хлѣба нераздѣльно съ словомъ panis и въ позднѣйшее время не было въ обращеніи, какъ нельзя найти примѣровъ употребленія слова graal въ смыслѣ хлѣба: такое значеніе придалъ этому слову лишь Кассель на основаніи своеобразнаго пониманія Вольфрамова Граля. Кромѣ того, слово, которое образовалось бы изъ gradilis, звучало бы иначе.

Къ теоріямъ Опперта и Касселя должно причислить, по сходству метода вывода, гипотезу, пытающуюся вывести легенду о Гралѣ изъ болѣе древняго миѳа, слѣды котораго, по мнѣнію автора этой гипотезы, Bächtold'а, ученика Конрада Гофманна, можно открыть въ Ланцелотѣ Ulrich'a von Zatzikhoven.

Bächtold думаетъ, что въ этомъ романѣ сохранился въ чистомъ видѣ старый миѳъ, изъ котораго развилась идея о св. Гралѣ. Bächtold разумѣетъ первобытную индо-германскую племенную сагу о мѣстѣ на землѣ, куда не достигаютъ удары житейскихъ волнъ и гдѣ господствуютъ райскія радости. Граль является какъ бы воспоминаніемъ, реликвіей этого утраченнаго Эдема. Въ нѣмецкомъ Ланцелотѣ можно прослѣдить съ точностію, по мнѣнію Bächtold'а, такой переходъ саги [4]).

---

[1]) Сл. у Brinckmeier'a: Glossarium diplomaticum, 1 B., Gotha 1856, S. 929.

[2]) Есть впрочемъ, возможность думать, что gradale употреблялось и въ церковномъ обиходѣ. См. у Дю-Канжа при словѣ gradalis (t. III, p. 545). Поставленный тамъ вопросъ, не слѣдуетъ ли разумѣть подъ словомъ gradales въ приведенномъ тамъ отрывкѣ—gradualia, кажется, можно рѣшить отрицательно на основаніи того, что рядомъ стоитъ слово anapos.

[3]) Hucher, le saint Graal, I, 227: »...grant sacrement que l'an feit sor lou Graal c'est-à-dire sor lou caalice...«

[4]) Bächtold, Der Lanzelet von Zatzikhoven, 52—53.

Миѳъ о блаженномъ мѣстѣ на землѣ встрѣчается въ разнообразныхъ формахъ до упомянутаго Ланцелота, и мы не видимъ, почему самый древній и неискаженный пересказъ этой легенды должно признавать у Ulrich'a von Zatzikhoven.

Во 2-хъ, мы не согласны съ выводомъ саги Граля изъ легенды о земномъ раѣ. Отдѣляя постепенныя наслоенія въ легендахъ и существенное отъ прибавокъ, которыя могли быть внесены позже, нельзя придавать особенное значеніе чертамъ, на которыя указываютъ у Вольфрама, какъ на свидѣтельствующія о происхожденіи легенды о Гралѣ изъ сказаній о земномъ раѣ.

Если граль Вольфрама вышелъ сколько-нибудь изъ легендъ о раѣ [2]), то эти послѣднія должно считать имѣвшими отношеніе къ библейскимъ повѣствованіямъ, отголосокъ которыхъ встрѣчается, повидимому, у Вольфрама, между тѣмъ какъ преданія, о которыхъ говоритъ Bächtold, не имѣли видимой связи съ библейскими сказаніями.

Рай отличается у Вольфрама отъ царства Граля [1]), да и не считался въ тѣ времена потеряннымъ: кромѣ миѳологическихъ розсказней, о немъ были положительныя географическія указанія [2]).

---

¹) Вольфрамъ говоритъ о Гралѣ (Parz. V, 353 fg.):

daz was ein dinc, daz hiez der Grâl,
erden wunsches überwal.

Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ (Parz. V, 441):

wan der grâ'l was der saelden fruht,
der werelde süeze ein sölh genuht,
er wac vil nâch geliche
als man sâget von himelrîche.

Сл. приведенные выше ст. 1121—1125 кн. IX Парцеваля.

²) Такъ, разсказывавшіе о мѣрахъ, какія принимались для заживленія раны Anfortas'a, говорили (Parz. IX, 1459—1464):

wir gewunnen Gêôn
ze helfe unde Tisôn,
Eufrâ'tes unde Tigris,
die vier wâzzer *ûzem pardîs*
sô nâhn hin zuo, ir süezer smac
dennoch niht sîn verrochen mac.

³) Baring-Gould, Courious myths of the middle ages, first series, p. 250. Въ одномъ глоссаріумѣ (XIV или XV стол.), въ отдѣлѣ «de terris in generali» помѣщенъ «paradisus». Archiv für das Stud. d. neuer. Spr. n. Liter, XLVII Bd. (1871), S. 405.

Свидѣтельствами, главнымъ образомъ, Вольфрамовой поэмы пользовались для рѣшенія вопроса о происхожденіи легенды Граля не только въ Германіи, но и во Франціи, хотя въ послѣдней не такъ часто.

Первое мѣсто въ ряду французскихъ ученыхъ, работавшихъ въ такомъ направленіи надъ нашимъ вопросомъ, занимаетъ Форіэль, который былъ очень радъ найти въ нѣмецкомъ произведеніи подтвержденіе любимаго своего тезиса о томъ, что провансалы были путеводцами европейскаго запада въ дѣлѣ поэзіи и начинателями, и не только—въ рыцарской лирикѣ, но и въ эпикѣ, въ которой французы (разумѣются сѣверные) были только подражателями.

Въ 1832 г. Форіэль напечаталъ съ нѣкоторыми пропусками курсъ лекцій, защищавшихъ это положеніе, и собранные въ одну книгу оттиски его статей [1]) скоро обратили на себя вниманіе ученыхъ. Теорія Форіэля о первенствѣ провансальскаго романа, которую одинъ нѣмецъ назвалъ Pharao-Traum, вошла и въ „Histoire de la poésie provençale“ [2]), изданную послѣ смерти Форіэля.

По мнѣнію Форіэля, романы о Гралѣ составляютъ отдѣльную вѣтвь въ циклѣ Круглаго Стола: въ нихъ выразилось стремленіе церкви къ созданію особеннаго—религіознаго—рыцарства.

О цѣли или тенденціи вымысла Форіэль заключалъ на основаніи произведеній Вольфрама. Граль казался Форіэлю матеріальнымъ символомъ христіанской вѣры, а рыцарство, приставленное къ его храненію,—религіознымъ, совершенно противоположнымъ свѣтскому; по мнѣнію Форіэля, въ немъ замѣтенъ намекъ на тампліеровъ, которыхъ церковь признавала въ XII стол. едиными истинными рыцарями; „цѣль, религіозный характеръ, названіе, все въ рыцарствѣ Граля имѣетъ, по словамъ Форіэля, отношеніе къ храмовникамъ“. Предметъ бретонскихъ романовъ—восхваленіе рыцарства, противоположнаго свѣтскому.

Фабула о Гралѣ была изобрѣтена романистами континента и занесена въ Великобританію вмѣстѣ съ другими сагами. Основу и мо-

---

[1]) Заглавіе этой книги: »De l'origine de l'épopée chevaleresque du moyen age, par M. Fauriel. Extrait de la Revue des Deux Mondes. Paris. MDCCCXXXII«.

[2]) T. II et III, Paris 1847.—Изложеніе сущности послѣдняго сочиненія можно прочесть на русскомъ яз. въ ст. В. И. Модестова: „Провансальская поэзія“, помѣщенныхъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1858 (№№ 10 и 11).

тивъ ея могли найдти въ какой-нибудь монашеской легендѣ, или въ какомъ-нибудь народномъ преданіи, привязывавшемся къ сказанію о прибытіи въ Марсель Лазаря и Магдалины.

Романы о Гралѣ получили начало, по мнѣнію Форіэля, въ Провансѣ, и Форіэль думаетъ, что, для доказательства этого, достаточно выяснить провансальское происхожденіе основы трехъ древнѣйшихъ романовъ французской вѣтви сказаній о Гралѣ, а именно—Персеваля Кретьена де Труа и Парцифаля и Титуреля Вольфрама фонъ Эшенбахъ.

Форіэль попытался однако доказать такое происхожденіе лишь относительно произведеній Вольфрама, что и не представляло особеннаго затрудненія при поверхностномъ вникании въ предметъ.

Форіэль обратилъ вниманіе на театръ дѣйствія въ Парцивалѣ и Титурелѣ (этимъ театромъ онъ считаетъ Испанію),—на рыцарство Граля, на вѣроятность прославленія храмовниковъ провансальскими поэтами, на неправильность этимологическаго производства и пониманія слова Граль у французскихъ поэтовъ и, наконецъ, на свидѣтельство Вольфрама. Форіэль говоритъ также, что онъ нашелъ у трубадуровъ нѣсколько упоминаній, относящихся къ той самой (sic) редакціи сказанія о Персевалѣ, которая встрѣчается у Вольфрама.

Таковы предположенія Форіэля относительно происхожденія Граля и романовъ о немъ. Нѣкоторыя изъ заключеній Форіэля сохранили силу въ глазахъ ученыхъ, повидимому, и до настоящаго времени, и потому—то мы сочли нужнымъ упомянуть о нихъ.

Большая часть положеній Форіэля могутъ считаться отжившими свой вѣкъ.

Несостоятельность его теоріи проистекла, между прочимъ, изъ невѣрности основныхъ его тезисовъ и недостаточнаго знанія фактовъ. Форіэль не различалъ строго двухъ совершенно несходныхъ пересказовъ легенды Граля, именно — Вольфрамова и пересказа англо-нормандскихъ и сѣверно-французскихъ труверовъ, хотя полагалъ, что французское, или галльское, какъ онъ выражался, сказаніе о Гралѣ древнѣе сказанія англо-нормандскихъ труверовъ. Форіэль не былъ обстоятельно знакомъ съ исторіей бретонскаго цикла внѣ Прованса, что естественно. Наконецъ, должно имѣть въ виду мнѣніе Форіэля, что въ сказаніяхъ Вольфрама заключаются „характерическія особенности, при помощи которыхъ возможно постепенно добраться до настоящаго

начала этой странной фабулы, или, по крайней мѣрѣ, до первой извѣстной ея редакціи".

Отвѣтъ съ нашей стороны на нѣкоторые изъ доводовъ Форіэля читатель можетъ найти въ сказанномъ доселѣ при разборѣ мнѣній другихъ ученыхъ. Мы коснемся здѣсь кратко лишь тѣхъ доказательствъ въ пользу провансальскаго начала Граля, которыхъ мы не разобрали еще, оставивъ изъ нихъ безъ критики только ссылку Форіэля на упоминанія о Персевалѣ у провансальскихъ поэтовъ, неосновательность которой уже выяснена.

Форіэлево опредѣленіе характера рыцарства Граля, чисто религіознаго направленія котораго нельзя отринуть, довольно вѣрно. Въ древнѣйшихъ романахъ о Гралѣ прославляется въ сущности тотъ же идеалъ, что и въ болѣе позднихъ: цѣломудріе и дѣвство выдвигаются и въ первыхъ [1]), равно какъ въ нихъ пробивается вообще суровый монашескій взглядъ [2]). Но очевидно, что все это могло быть выставляемо и одобряемо повсюду, какъ скоро вошло въ общее сознаніе, и для писателей романовъ не необходимо было копировать въ этомъ случаѣ тампліеровъ. Одно изъ самыхъ яркихъ выраженій притязательности тогдашняго религіознаго направленія по отношенію къ рыцарству можно видѣть въ прозаическомъ Персевалѣ, написанномъ въ концѣ XII-го стол. для представленія чрезъ епископа Камбре Жану de Nesle, который былъ châtelain *de Bruges*, и проникнутомъ крайнею нетерпимостью по отношенію къ иновѣрцамъ. Цѣль этого романа—наставленіе рыцарства въ религіозномъ духѣ—ясно намѣчена въ началѣ произведенія [3]).

Отмѣченное Форіэлемъ неправильное толкованіе нѣкоторыми изъ

---

[1]) Potvin, Perceval le Gallois, sixième vol. (Paris, Mons, MDCCCLXXII), Introduction, p. XXIV.

[2]) Напр., въ большомъ романѣ о св. Гралѣ читаемъ: „Глаза составляютъ зрѣніе тѣла, и одно сердце составляетъ взоръ души". P. Paris, Les rom. de la T. R., I, 210.

[3]) «Josephus le mist en remanbrance par l'anoncion de la voiz d'un ange, por ce que la vérité fust seue par son escript de bons chevaliers et de bons preudesommes, conmant il voudront soufrir poigne et traveillier de la loi Ihesucrist avancer, que il vost renouveler par sa mort et par son crucefiemant». Potvin, Percev. le Gallois, 1 vol., p. 1.

французскихъ романистовъ слова graal не доказываетъ непониманія французами этого слова и первоначальнаго отсутствія его во французскомъ говорѣ. О тогдашнихъ романистахъ, да и ученыхъ, нельзя судить съ точки зрѣнія современнаго филолога: они могли легко ошибаться въ производствѣ самыхъ обыденныхъ словъ, и если подобныя ошибки и нелѣпыя филологическія производства встрѣчаются въ новое время, то что сказать о средневѣковыхъ писателяхъ? Могла также наводить на то или другое объясненіе просто игра словъ.

Что легенда о Гралѣ *возникла* не въ средѣ провансальскихъ еретиковъ, объ этомъ мы скажемъ далѣе. Здѣсь мы обратимъ вниманіе на фактъ, не позволяющій усвоить созданіе ея и ортодоксаламъ Прованса.

Будь авторъ легенды Провансалъ, онъ далъ бы ей иную постановку и пріурочилъ бы ее къ св. мужамъ и женамъ, бывшимъ, по преданію, первопроповѣдниками христіанства на югѣ Франціи. Вѣдь была же легенда о томъ, что Марія Магдалина принесла съ собою чашу со слезою Спасителя, пролитою надъ Лазаремъ. Въ XI стол. воспоминанія о проповѣднической дѣятельности Лазаря, Маріи и Марѳы въ Провансѣ были въ полной силѣ [1]), мощи Магдалины были почитаемы въ Провансѣ съ первыхъ вѣковъ христіанства [2]), и о ней извѣстна даже довольно древняя прованс. поэма [3]). Къ Маріи Магдалинѣ было столь же удобно отнести св. чашу, какъ и къ Іосифу Аримаѳейскому. По сказанію каноническихъ Евангелій, она не только присутствовала при погребеніи Спасителя, но и въ то время, когда было прободено ребро Его, изъ котораго полились кровь и вода, а эта-то кровь, по словамъ нѣкоторыхъ романистовъ, и была собрана въ чашу Граля [4]). Правда, по одному варіанту преданія, о которомъ мы гово-

[1]) Dictionnaire des origines du christianisme, par L.—F. Johan, 1856, p. 489.

[2]) Ibid., 1201.

[3]) Впрочемъ, Bartsch (Grundriss z. Gesch. d. prov. Lit., S. 8) сомнѣвается чтобы житіе Магдалины было сочинено ранѣе XII стол.

[4]) P. Paris, Les romans etc., I, 179.—По другимъ сказаніямъ, въ чашу была собрана кровь, текшая вообще изъ ранъ Спасителя. (Hucher, Le Saint—Graal, I, 219). — Мы встрѣтили указаніе, что въ Провансѣ хранили нѣсколько камешковъ, обагренныхъ кровью I. Христа и собранныхъ у креста Магдалиною.

римъ, вмѣстѣ съ Лазаремъ, Маріею Магдалиною и Мареою въ Провансъ прибылъ и Іосифъ Аримаѳейскій [1]), но вообще Іосифъ Аримаѳейскій не пользовался особеннымъ почитаніемъ въ Провансѣ, да и въ романѣ о Гралѣ нигдѣ не намекается на то, чтобы Іосифъ останавливался съ Гралемъ во Франціи.

Къ мнѣнію Форіэля о Гралѣ довольно близко мнѣніе Bergmann'a [2]).

По словамъ Бергманна, честь изобрѣтенія фабулы Граля по справедливости восходитъ къ Guyot le Provençal, въ существованіи котораго названный ученый рѣшительно не сомнѣвается, хотя замѣчаетъ, что все, что извѣстно объ этомъ поэтѣ и его произведеніи, опирается единственно на нѣсколькихъ данныхъ, сообщенныхъ нѣмецкимъ подражателемъ его, Вольфрамомъ фонъ Эшенбахъ, да и эти довольно неясныя данныя, большею частію, вымышлены или ошибочны. Guyot, по мнѣнію Бергманна,—первый изъ авторовъ романовъ о Гралѣ, и, принимая два главныхъ источника, изъ которыхъ вышли всѣ остальныя произведенія о Гралѣ, этотъ ученый рѣшаетъ вопросъ о сравнительной древности редакціи Guyot и редакціи англо-французскихъ труверовъ въ пользу первой. Кретьенъ де Труа былъ, по мнѣнію Бергманна, непосредственнымъ подражателемъ Guyot, а Walter Mapes былъ обязанъ послѣднему мыслію написать романъ о Гралѣ. Эти замѣчанія Бергманна о Кретьенѣ де Труа и Мар'ѣ, равно какъ и крайне слабыя доказательства того, что Кретьенъ де Труа пользовался трудомъ Guyot, обнаруживаютъ незнакомство Бергманна съ произведеніями этихъ поэтовъ. О de Boron'ѣ Бергманнъ, повидимому, не знаетъ.

Поставивъ тезисъ относительно Guyot, Bergmann пускается тотчасъ же въ творчество.

Онъ утверждаетъ самымъ положительнымъ тономъ, что Guyot родился около половины XII-го стол. въ Анжу, пользовался извѣстно-

---

[1]) Acta Sanctorum Martii, t. II, (Venetiis MDCCXXXV), p. 509.

[2]) Congrès scientifique de France. Dixième session tenue à Strasbourg en Septembre et Octobre 1842, t. II, Strasbourg, Paris, 1843, p. 438—460: «Sur l'origine et la signification des Romans du Saint—Graal, par M. Bergmann». На англійскомъ яз. подъ заглавіемъ: «The San Grëal; an inquiry into theorigin and signification of the Romans of the San Grëal».

стію во время отъ 1160 до 1180 г. и не принадлежалъ ни къ знати, ни къ клиру. Бергманнъ высказываетъ потомъ догадку объ образованіи, полученномъ Guyot.

Творчество Guyot должно принимать, по Бергманну, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ, по мнѣнію названнаго ученаго, исторія или фабула Граля не существовала ни въ арабскихъ книгахъ, ни въ испанскихъ, ни въ латинскихъ хроникахъ Франціи или Бретани, а обязана своимъ происхожденіемъ Guyot, который изобрѣлъ ее и составилъ при помощи поэтическихъ элементовъ, большая часть которыхъ была традиціонна, это правда, но которые онъ сложилъ новымъ способомъ, привязывая ихъ къ философской идеѣ, бывшей одновременно и его достояніемъ, и выраженіемъ и естественнымъ результатомъ тенденцій и духа его времени.

Идея Guyot, идея о рыцарствѣ и духовномъ королевствѣ,—хранителяхъ временнаго и духовнаго блага человѣчества, зародилась, по мнѣнію Бергманна, въ головѣ поэта во время пребыванія его въ Провансѣ, гдѣ онъ почерпнулъ свои религіозныя и философскія тенденціи. Бергманнъ думаетъ, что Guyot имѣлъ въ виду въ своемъ романѣ тампліеровъ и находился подъ вліяніемъ ихъ и Альбигойцевъ. Вліяніе Прованса замѣчается у Guyot въ противорѣчіи тогдашней ортодоксіи, состоящемъ въ отсутствіи ненависти къ монашеству и составленіе храмовниками Граля общества внѣ церкви. Намъ кажется, что и тотъ и другой признакъ не могутъ считаться рѣшающими дѣло въ пользу Прованса: проявленіе вѣротерпимости замѣчается не у тампліеровъ только; равнымъ образомъ, хранители и служители Граля составляютъ особенныя общины и у de Boron'a и Map'a, не испытавшихъ на себѣ, какъ увидимъ, вліяній тампліеровъ и вообще еретиковъ и бывшихъ оригинальными писателями о Гралѣ. Кромѣ того, Бергманнъ относится постоянно такъ къ Вольфраму, какъ будто бы все встрѣчающееся у послѣдняго было и у Guyot [1]). Еще неизвѣстно, насколько отмѣченное Бергманномъ противорѣчіе ортодоксіи принадлежало французскому поэту. Впрочемъ, повторяемъ, мы не отрицаемъ возможности существованія провансальскихъ обработокъ

---

[1]) Бергманнъ говоритъ о Вольфрамѣ: „ce poëte allemand... s'est entièrement rapproché du poëte angevin, et c'est pourquois nous avons pu juger, d'après son poëme, du caractère et de la composition du roman original de Guyot“. P. 449; cf. 451—452.

сказанія о Гралѣ, въ которыхъ хранителями Граля являлись бы тампліеры.

По словамъ Бергманна, Guyot выразилъ благовременное и духовное, охраненіе котораго долженствовало быть ввѣреннымъ священствующему рыцарству въ символѣ священнаго сосуда. Въ символизмѣ востока и среднихъ вѣковъ элементъ чистый и прозрачный, вода, а также и сосудъ, содержащій ее, были образами чистоты и истины и, слѣдоват., символами мудрости и блага. Guyot избралъ сосудъ символомъ подъ вліяніемъ миѳа о Джемшидовой чашѣ, или же подъ впечатлѣніемъ сказанія какой-нибудь бретонской книги о сосудѣ Керидвены. Въ такихъ предположеніяхъ опять видно недостаточное знакомство Бергманна съ памятниками, о которыхъ онъ говоритъ. Произведеніе Guyot оказывается у Бергманна совершенно тенденціознымъ, и легенда о Гралѣ—сразу аллегоріей и вполнѣ искусственнымъ явленіемъ.

Какъ можно видѣть изъ нашего изложенія, трактатъ Бергманна о Гралѣ наполненъ бездоказательными положеніями; вѣрны болѣе или менѣе только нѣсколько второстепенныхъ замѣчаній.

Изъ французскихъ ученыхъ, послѣ Бергманна, котораго, впрочемъ, правильнѣе назвать не французомъ, а полу-французомъ, пользовался повѣствованіемъ Вольфрама для вывода легенды Граля еще *S. A. Heinrich*, отдающій предпочтеніе нѣмецкому пересказу легенды[1]).

Отчасти къ провансальской, если можно такъ выразиться, теоріи о Гралѣ и отчасти къ мнѣнію Симрока примкнулъ русскій ученый, проф. *А. Н. Веселовскій*.

Онъ коснулся основныхъ сказаній бретонскихъ романовъ, въ томъ числѣ и легенды о Гралѣ, не въ спеціальномъ изслѣдованіи, а въ весьма интересной диссертаціи о Соломоновскомъ циклѣ сказаній [2]), отраженіе котораго онъ видитъ и въ романахъ Круглаго Стола. Въ качествѣ дополненія и провѣрки части положеній своей книги, г. Веселовскій напечаталъ еще статью подъ заглавіемъ: „Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы“ [3]).

---

[1]) Le Perceval de Wolfram d'Eschenbach et la legende du St. Graal. Paris 1855.

[2]) Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Спб. 1872.

[3]) Журналъ Минист. Нар. Просв. 1873 г., № 2.

Г. Веселовскій, повторивъ во многомъ сказанное другими учеными [1]), мнѣнія которыхъ подходили къ общей идеѣ его книги, безспорно двинулъ впередъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принятыя соображенія и далъ нѣкоторымъ пунктамъ вопроса новую постановку. Его гипотезы могутъ быть разсматриваемы, какъ вѣское выраженіе и послѣднее слово одного изъ крайнихъ направленій въ рѣшеніи нашего вопроса. Это обстоятельство, а также значеніе книги г. Веселовскаго въ русской литературѣ побудили насъ дать мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи обстоятельному разбору предположеній почтеннаго ученаго [2]). Самъ г. Веселовскій какъ бы приглашаетъ къ повѣркѣ и дальнѣйшей разработкѣ собранныхъ имъ данныхъ. Вотъ его слова: „многое, о чемъ въ моей книгѣ говорится аподиктически, можно бы оставить пока съ знакомъ вопроса, подъ страхомъ сомнѣнія" [3]).

Изъ сказаній бретонскихъ романовъ то, которое занимается судьбами св. Граля, привлекло послѣ Мерлиновской легенды наиболѣе вниманіе г. Веселовскаго.

Особенный характеръ этой легенды, ярко выступающій въ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ ея, былъ замѣченъ уже давно [4]), и нѣкоторые ученые не упускали его изъ виду, несмотря на теоріи, извращавшія дѣло.

Г. Веселовскій справедливо говоритъ, что „религіозный колоритъ легенды о Гралѣ едва-ли позволяетъ выводить ее прямо съ востока, или изъ какого-нибудь круга миѳическихъ, нехристіанскихъ представленій, забывая при этомъ спеціальный характеръ памятника" [5]).

---

[1]) Религіозный характеръ сказаній о Гралѣ былъ замѣченъ давно, равно какъ были уже догадки объ еретическомъ ихъ происхожденіи и обращеніи въ средѣ храмовниковъ. Относительно типа Артура г. Веселовскій, какъ самъ указываетъ, принялъ выводъ Гольцманна; восточное происхожденіе типа Мерлина также уже было предположено. Г. Веселовскому принадлежитъ выясненіе родства Мерлина съ Асмодеемъ—Морольфомъ.

[2]) Рецензія на книгу г. Веселовскаго, написанная въ «Отчетѣ о шестнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова» (Спб., 1874 г.), будучи посвящена, главн. образомъ, критикѣ общихъ положеній и метода г. Веселовскаго, не представила подробнаго и обстоятельнаго разбора выводовъ, къ которымъ пришелъ г. Веселовскій по отношенію къ бретонскому циклу.

[3]) Слов. сказ. о Солом. и Кит. и зап. лег. о Мор. и Мерлинѣ, IX -X

[4]) Dunlop-Liebrecht, S. 69.

[5]) „Слав. сказ. о Сол. и Кит." и пр., стр. 198.

Мы не можемъ согласиться съ г. Веселовскимъ только въ болѣе точномъ опредѣленіи среды, создавшей эту легенду, которую уже до г. Веселовскаго нѣкоторые разсматривали какъ „библію оппозиціи", какъ „эпопею еретическаго идеала" и участіе въ созданіи которой приписывали различнымъ еретическимъ сектамъ. Г. Веселовскій попытался вновь выдвинуть предположеніе объ еретическихъ тенденціяхъ начальной легенды Граля.

Разборъ гипотезы г. Веселовскаго относительно Граля будетъ небезполезенъ потому, что дастъ возможность болѣе или менѣе полно коснуться вопроса вообще о слѣдахъ тенденцій южнофранцузскихъ сектъ, которые указываются нѣкоторыми учеными въ романахъ о Гралѣ.

По мнѣнію г. Веселовскаго, сказаніе о Гралѣ основано на такихъ же источникахъ, на какихъ и легенда о Мерлинѣ.

Г. Веселовскій сближаетъ оба эти повѣствованія. „Обратимъ вниманіе, говоритъ онъ, на слѣдующее обстоятельство: романы о св. Гралѣ и Мерлинѣ являются ранѣе прочихъ (sic) и именно въ этой послѣдовательности; Robert de Born считаетъ Мерлина одною изъ вѣтвей цикла о Гралѣ". Г. Веселовскій цитируетъ страницы книгъ P. Paris и Moland'а „изъ которыхъ видно, что краткое изложеніе романа о Гралѣ часто служитъ введеніемъ въ романъ о Мерлинѣ". „Когда въ романѣ, носящемъ его имя, говоритъ далѣе г. Веселовскій, Мерлинъ побуждаетъ пустынника Блазія записать на хартіи свои похожденія, онъ разсказываетъ ему въ началѣ о любви І. Христа къ І. Аримаѳейскому, о потомкахъ послѣдняго и о тѣхъ изъ нихъ, которые сподобились стать хранителями св. Граля; уже затѣмъ онъ переходитъ къ совѣту демоновъ, на которомъ рѣшено произвести на свѣтъ его — Мерлина. Такое сопоставленіе позволяетъ заключить, что источникъ сказанія о послѣднемъ могъ быть однороденъ съ источникомъ романа о св. Гралѣ, т. е. такой же апокрифъ. И въ самомъ дѣлѣ: если сказаніе о св. чашѣ основано на мотивахъ первой части Никодимова евангелія, то легенда о Мерлинѣ представляется намъ какъ бы распространеніемъ его второй половины" [1]). — Мы думаемъ, что факты, на которые обратилъ

---

[1]) Слав. сказ. о Сол. и Кит. и проч., 203, 202; 203—204. Paulin'у Paris казалось, что начало Мерлина напоминаетъ первыя главы книги Іова (Les manuscrits françois de la bibliothèque du roi, I, Paris 1836 г., p. 173).

вниманіе г. Веселовскій и которые отмѣчены также у Hucher[1]), не даютъ права на выводы, къ которымъ пришелъ нашъ ученый. Легенда о Мерлинѣ не была связана сразу съ сказаніемъ о Гралѣ. Мы будемъ имѣть случай сказать также, что начало романа о Мерлинѣ, проникнутое весьма распространенными тогда дуалистическими воззрѣніями, было приставлено къ фабулѣ позже. P. Paris совершенно убѣдительно доказалъ на тѣхъ же самыхъ страницахъ, на одну изъ которыхъ ссылался г. Веселовскій[2]), что разсказъ, приписываемый Блазію, означенъ именемъ этого лица, вымышленнаго самимъ de Boron'омъ, — для того, чтобы на этомъ мнимый источникъ безпрепятственно можно было свалить отвѣтственность за все, что вздумалось изобрѣсть самому поэту. Такимъ образомъ, повѣствованіе, дающее г. Веселовскому поводъ сближать сказаніе о Гралѣ и легенду о Мерлинѣ, оказывается явившимся впервые у de Boron'a, котораго никто, конечно, не назоветъ творцомъ Мерлинской легенды и которому, какъ писавшему и о Гралѣ, и о Мерлинѣ, весьма естественно было тѣмъ или инымъ способомъ связать эти свои произведенія. Въ томъ самомъ разсказѣ, который цитируетъ г. Веселовскій, сохранились слѣды позднѣйшаго слитія обѣихъ легендъ: „Tu joindras, говоритъ Мерлинъ Блазію, l'histoire de Joseph d'Arimathie à la mienne, et de ceux deux récits tu formeras un seul livre.....“[3]). Единствомъ автора *Малаго Граля* и *Мерлина* и стремленіемъ его представить однимъ цѣлымъ свои произведенія объясняется указанное г. Веселовскимъ отношеніе послѣднихъ къ Никодимову евангелію. Исторію Іосифа Аримаѳейскаго и Мерлиновскую сблизили, стремясь привести къ единству содержаніе бретонскаго цикла, и сопоставленіе трехъ столовъ, о которыхъ говорится въ бретонскихъ романахъ и, между проч., въ разсказѣ Мерлина, записанномъ Блазіемъ, должно приписать этой систематизаціи[4]). При тогдашнемъ обычаѣ начинать все ab ovo, нашли неумѣстнымъ отсту-

---

[1]) Le Saint—Graal, I, 134—135.

[2]) Les rom. de la Table Ronde, II, 32—38.

[3]) P. Paris, des rom. etc., II, 35. Въ манускриптахъ есть строки весьма интересныя по отношенію къ этой спивкѣ. См. у P. Paris, Les man. franç., I, 122. Сл. Hucher, l. c., I, 135.

[4]) Ср. о ней Форіэля Hist. de la poésie provenç. II, 244.

пать отъ данной систематизаціи, выводившей исторіи Круглаго Стола въ стройномъ порядкѣ и долженствовавшей подойти ко вкусу, и вотъ объясненіе того явленія, что „краткое изложеніе романа о Гралѣ", который называется въ одномъ манускриптѣ „le fondement de toute la Table ronde", „чисто служитъ введеніемъ въ романъ о Мерлинѣ". Г. Веселовскій выставляетъ на видъ то обстоятельство, что „Robert de Boron считаетъ Мерлина одною изъ вѣтвей цикла о Гралѣ" и „непосредственно за Іосифомъ, предоставляя себѣ обратиться впослѣдствіи къ другимъ вѣтвямъ сказанія о чашѣ, переходитъ къ его *пятой* вѣтви и пишетъ въ стихахъ романъ о Мерлинѣ". Послѣ сказаннаго это не имѣетъ значенія: самому de Boron'у угодно было назвать сказаніе о Мерлинѣ пятою частію сказанія о Гралѣ. Въ введеніи Монсскаго манускрипта Кретьенова Персеваля насчитывается семь вѣтвей сказанія о Гралѣ [1]). Вообще разстановка branches и сочетаніе ихъ были произвольны и не установлены.—Есть рукописи, въ которыхъ романъ о Мерлинѣ является въ отдѣльности [2]), и кто знаетъ, какъ часто онъ былъ соединяемъ съ романомъ о Гралѣ въ недошедшихъ до насъ манускриптахъ XII стол.?

О Мерлиновской легендѣ г. Веселовскій продолжаетъ: „Все, что разсказывается потомъ (вслѣдъ за прологомъ) о юности Мерлина, повторяетъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ отдѣльныя черты земной жизни Спасителя: тоже сверхъестественное зачатіе, тоже обвиненіе, что онъ прижитъ въ грѣхѣ, какому подвергается и Христосъ въ Никодимовомъ евангеліи (с. II); его также ищутъ, чтобы убить, какъ Иродъ искалъ Спасителя; онъ творитъ чудеса и предсказываетъ будущее". Мы позволимъ себѣ замѣтить на это, что аналогіи съ подробностями біографическихъ сказаній о Спасителѣ безчисленны въ средневѣковыхъ легендахъ, и повтореніе нѣкоторыхъ изъ такихъ подробностей въ сказаніяхъ о Мерлинѣ не уполномочиваетъ на особенныя заключенія.

Мы коснемся положеній г. Веселовскаго относительно повѣствованія о Мерлинѣ въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего разсужденія, а теперь обратимся къ гипотезѣ г. Веселовскаго о Гралѣ.

---

¹) Percev. le Gall., deux. vol., p. 13 suiv.

²) P. Paris, Les manuscr. franç., II (Paris 1838), p. 343.

³) A. Maury, Essai sur les légendes pieuses du moyen age, p. 6.

Г. Веселовскій думаетъ, что авторы романовъ о Гралѣ пользовались, какъ источникомъ, апокрифическою легендою, которая могла быть записана, или нѣтъ.

Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія, это весьма вѣроятно, и, кажется, можно сказать, что, поставивъ такой тезисъ, нашъ ученый подошелъ къ истинѣ ближе другихъ изслѣдователей [1]). Къ сожалѣнію, кажется, нѣтъ возможности согласиться съ г. Веселовскимъ относительно подробностей, которыми онъ обставилъ свое предположеніе.

Г. Веселовскій, какъ и нѣкоторые др. ученые, утверждаетъ, что апокрифическое сказаніе, надъ которымъ работали авторы романовъ о Гралѣ, представляло видоизмѣненіе и распространеніе легенды объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, изложенной въ Никодимовомъ евангеліи. Образованіе этого сказанія совершилось, по словамъ г. Веселовскаго, „уже въ XII столѣтіи, если не ранѣе“ [2]).

Ниже мы стараемся доказать, что пунктъ отправленія легенды о Гралѣ должно искать не въ Никодимовомъ евангеліи: разсказъ послѣдняго объ Іосифѣ вошелъ въ сказаніе о Гралѣ, но это случилось не въ началѣ развитія легенды, отъ которой отправились романы, а въ срединѣ или даже въ концѣ. Равнымъ образомъ, едвали вѣрно указано г. Веселовскимъ и обстоятельство, вызвавшее переработку и дополненіе новыми подробностями данныхъ Никодимова ев. (находка въ 1101 г. sacro catino). При разборѣ мнѣнія San-Marte, мы уже имѣли случай сказать, что легенда о Гралѣ не пріурочивалась въ XII стол. къ генуэзскому сосуду. Сверхъ того, полагая, что она развилась послѣ нахожденія послѣдняго, нельзя будетъ удовлетворительно объяснить содержаніе ея.

Устанавливая тезисъ объ апокрифическомъ источникѣ легенды о Гралѣ, г. Веселовскій старается обратить вниманіе на бросающіяся

---

[1]) Предшественниками г. Веселовскаго являются въ этомъ случаѣ *Гервинусъ*, склонявшійся къ тому, что сага объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ и о священной чашѣ евхаристіи была въ обращеніи до появленія романовъ (Gesch. d. Dicht. 1, 386), и *Didron*, полагавшій, что Грааль впервые „явился въ апокрифическихъ книгахъ, которыя всѣ азіатскаго или греческаго происхожденія“.

[2]) Стр. 190—191.

въ глаза особенности ея. По словамъ г. Веселовскаго, эта легенда „представляла нѣкоторыя своеобразныя черты, которыя и теперь можно возстановить изъ позднѣйшаго пересказа“.

Посмотримъ же, какія особенныя черты находитъ въ разсматриваемомъ сказаніи г. Веселовскій.

„Необходимо предположить, замѣчаетъ онъ, что въ средѣ, гдѣ сложился нашъ апокрифическій разсказъ, евангеліе отъ Іоанна пользовалось особеннымъ уваженіемъ и евхаристія понималась не такъ, какъ учила господствующая церковь“. По мнѣнію г. Веселовскаго, повторяющаго сказанное Paulin'омъ Paris, „составителямъ ея было знакомо одно лишь евангеліе отъ Іоанна“, въ которомъ „ничего не говорится о тайной вечери, а только объ омовеніи ногъ“. Подтвержденіе признанія со стороны авторовъ легенды о Гралѣ одного названнаго евангелія г. Веселовскій видитъ въ томъ, что въ источникѣ, откуда черпалъ Robert de Borron, у котораго св. чашей названъ будто бы „тотъ сосудъ, въ которомъ Спаситель омылъ руки по совершеніи трапезы“, св. Граль не представляется сосудомъ, послужившимъ при установленіи евхаристіи; не представлялся онъ такимъ сосудомъ и въ источникахъ Вольфрама фонъ Эшенбахъ и Wartburgkrieg'a, ни, наконецъ, въ валлійской mabinogi.

Изъ названныхъ писателей, послѣ сказаннаго о mabinogi и о Гралѣ Вольфрама, особеннаго вниманія заслуживаетъ Robert de Borron, принадлежащій къ самымъ раннимъ авторамъ романовъ Круглаго Стола.

Въ пересказѣ въ стихахъ de Borron'овой поэмы объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, который Paulin Paris положилъ въ основу своего изложенія, знаменитый сосудъ названъ

.... un veissel mout gent
Où Criz feisoit son *sacrement*. [1])

P. Paris нашелъ нужнымъ счесть слово sacrement ошибкою со стороны переписчика [2]), хотя странно настаивать на этомъ въ виду согласія

[1]) *Fr. Michel*, Le rom. du Saint-Graal, p. 17, vv. 395—396.

[2]) Въ примѣчаніи къ выписаннымъ стихамъ P. Paris говоритъ: „было бы естественно понимать подъ этимъ словомъ *Sacrement* установленіе евхаристіи. Но кажется, что авторъ обозначаетъ здѣсь скорѣе сосудъ, въ кото-

прозаическаго текста съ стихотворнымъ [1]). P. Paris основалъ свое заключеніе, вѣроятно, на выраженіи „mout grant" [2]), а также на томъ, что въ этомъ сосудѣ омылъ потомъ руки Пилатъ, сказавшій, что *для той же цѣли* сосудъ былъ употребленъ и Іисусомъ. Этого послѣдняго факта мы не нашли въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ de Borron'ова произведенія: онъ созданъ самимъ Paulin'омъ Paris на томъ основаніи, что о принесеніи сосуда тайной вечери къ Пилату разсказывается непосредственно вслѣдъ за упоминаніемъ объ омовеніи рукъ Пилатомъ[3]). Очевидно, что сосудъ, о которомъ говорится у de Borron'a, былъ не тотъ, въ которомъ совершилось омовеніе на Вечери, и P. Paris напрасно заключаетъ о знаніи составителями легенды о Гралѣ одного лишь евангелія отъ Іоанна [4]). Точно также остается произвольною догадкой и мнѣніе P. Paris о томъ, что вм. *sacrement* должно читать *lavement*. Г. же Веселовскій принялъ за несомнѣнный фактъ то, что P. Paris только предполагалъ. Но еслибы даже нашъ ученый былъ

ромъ Іисусъ Христосъ омылъ свои руки, вознося молитву послѣ Вечери. Тогда въ этомъ выраженіи была бы ошибка со стороны переписчика, поставившаго *sacrement* вм. *lavement*. Извѣстно, что одинъ Іоаннъ сказалъ намъ объ *умовеніи* ногъ и что онъ не сообщилъ ничего объ евхаристіи. Можетъ быть именно вслѣдствіе того, что изобрѣтшіе легенду о Гралѣ знали исключительно евангеліе Іоанна, они возымѣли идею евхаристическаго сосуда, дававшаго иное объясненіе дѣйствительнаго присутствія въ священнодѣйствіи мессы". *P. Paris*, Les rom. de la T. R., 5, 127, прим. 2.

[1]) Въ Бернскомъ манускр. Персеваля также говорится о Гралѣ:

Et sacrement fist en Jeshu
Le jor del jusdi absolu.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ стихотворнаго текста Граль названъ „precieus et *grant*" (p. 36, v. 852). Слова *grant* нѣтъ въ обоихъ случаяхъ въ прозаическомъ текстѣ.

[3]) Слова: „Li Juis le veissel tenoit" (v. 433) не значатъ, что еврей держалъ сосудъ предъ Пилатомъ: онъ »держалъ« его у себя. Вообще P. Paris не совсѣмъ точно передаетъ подлинные тексты.

[4]) Французскій ученый указываетъ на омовеніе, о которомъ говорится у Іоанна. Но омовеніе рукъ совершалось при литургіи съ древнѣйшихъ временъ (»Собраніе древнихъ литургій, восточныхъ и западныхъ, въ переводѣ на русскій языкъ, составленное редакціею »Христіанскаго Чтенія«, Спб. 1874, стр. 113).

правъ въ этомъ случаѣ, то все-таки для той цѣли, какую онъ имѣлъ въ виду, ему нужно было доказать еще, что представленіе Граля, усвояемое имъ de Borron'y, было древнѣйшимъ, и въ то время, когда писалъ названный поэтъ, не было другихъ, отличныхъ отъ этого понятій о св. чашѣ, а если и были, то не заслуживаютъ вниманія. Между тѣмъ у г. Веселовскаго не доказано, что Граль не должно считать тѣмъ сосудомъ, о которомъ говорилось до de Borron'a, какъ о сосудѣ, въ которомъ былъ предложенъ пасхальный агнецъ на Тайной вечери, или въ которомъ была установлена евхаристія. Напротивъ, самъ г. Веселовскій приводитъ повѣрье XII-го стол. о такомъ сосудѣ, составившее, по неосновательному его мнѣнію, одно изъ звеньевъ въ образованіи сказанія о Гралѣ: „По взятіи Цесареи крестоносцами 1101 г. нашли сосудъ изъ цѣльнаго смарагда (генуэзское sacro catino); повѣрье отождествило его съ чашей тайной вечери. Подъ впечатлѣніемъ этой вѣсти, сохраненной Вильгельмомъ Тирскимъ, продолжаетъ г. Веселовскій, могли разсказывать, что Іосифъ не былъ чудеснымъ образомъ выведенъ изъ темницы, а наоборотъ оставался въ ней долгіе годы, поддерживаемый чудеснымъ даромъ явившагося въ ней Спасителя: той самой чашей, которая послужила ему въ послѣдней трапезѣ, въ которую Іосифъ собралъ капли крови, вокругъ которой будутъ совершаться въ позднѣйшихъ романахъ безконечныя чудеса“[1]). Мы не видимъ, почему подъ вліяніемъ указываемой г. Веселовскимъ вѣсти, могли разсказывать то, о чемъ онъ говоритъ, а не случилось наоборотъ.

У de Borron'a для обозначенія Граля постоянно употребляется слово „vaissel“ (veissel, vaissiaux). По сказанію Мар'а, при началѣ перваго священнодѣйствія, Іосифъ увидѣлъ маленькій алтарь, покрытый бѣлою тканью и по ней краснымъ сукномъ. На немъ лежали три гвоздя и желѣзко копья. Посрединѣ находился золотой сосудъ въ формѣ капар. [2]). Этотъ сосудъ тождественъ или, по крайней мѣрѣ, замѣнилъ собою „l'écuelle de Ioseph, recueillant le sang“: онъ оказывается рядомъ съ тѣми самыми реликвіями, между которыми передъ тѣмъ помѣщена эта „*ecuelle*“ (escuele).

Таковъ Граль въ древнѣйшихъ романахъ о немъ. Онъ является *блюдомъ* только у Гелинанда, но этотъ писатель готовъ назвать его и

---

[1]) Стр. 190.

[2]) Объ этомъ словѣ см. у *P. Paris*, Les rom. etc., II, 401.

нѣсколько иначе (catinus [1]), да и не говоритъ объ омовеніи; по его словамъ, Граль—тотъ сосудъ, изъ котораго Спаситель *вкушалъ* на Тайной Вечери („in quo Dominus *coenavit* cum discipulis suis“). Ясно, что и державшимся господствовавшей догмы Граль могъ казаться блюдомъ. Еслибы нашлась даже редакція, которая выдавала бы Граль за блюдо, то и она не могла бы считаться возникшей въ еретической средѣ, такъ какъ не одна послѣдняя чтила евангеліе Іоанна. Очевидно, что и у ортодоксаловъ могли существовать различныя представленія о цѣли, для которой былъ употребленъ на Тайной вечери сосудъ, воспріявшій кровь Христову, въ особенности когда этотъ сосудъ могъ быть воображаемъ широкою чашею [2]) (углубленнымъ блюдомъ), какою онъ и является въ рукописяхъ [3]). О назначеніи такой чаши должны были

---

[1]) Въ одномъ латино-франц. глоссаріѣ XIII или XIV стол. слову catinus соотвѣтствуетъ escuelle. Sitzungsberichte der königl. bayer Akademie der Wissenschaften zu München, Jahrg. 1868 B. I, S. 128. Опредѣляя Граль, Гелинандъ поставилъ слово catinus предъ paropsis.

[2]) Мы не находимъ основаній думать вмѣстѣ съ P. Paris, что этотъ сосудъ долженъ былъ быть закрытой чашей—»calice fermé«. (P. Paris, Les rom. etc, I, 378, et 380). Этимъ и видомъ Граля въ манускриптахъ устраняется предположеніе франц. ученаго, что чашу не могли сначала называть graal—словомъ, означавшимъ будто бы только блюдо (ib., 379—380). По мнѣнію P. Paris (ib., 106), не знавшій по латыни de Borron назвалъ Граль именемъ богослужебной книги. Подтвержденіе этого P. Paris видитъ въ слѣдующемъ мѣстѣ прозаической редакціи: »Et ce non de graal abeli à Joseph; et ensi venoient á tierce, et disoient qu'il alloient au service du graal. Et des lors en ça fu donnée à ceste histoire le nom de graal«. P. P. цитируетъ при этомъ Ms. Didot, но въ этомъ манускриптѣ нѣтъ послѣдней фразы (Hucher, de Saint—Graal, I, 318), а есть она въ Ms. Cangé (ib. 256). Очевидно, что эта фраза—позднѣйшая вставка.

[3]) *Moland*, Origines litt. de la France, p. 27: »Les manuscrits du treizième siècle donnent à ce mot (graal) pour equivalent exact celui d'écuelle, qui n'avait pas alors le sens humble qui s'y attacha par la suite«. Ср. въ ст. Мартонна: »Observations sur l'origine de la légende du saint graal«, помѣщенной въ »Mémoires de la société royale des antiquaires de France«, t. XVIII (Paris, 1846). На одномъ изъ снимковъ, помѣщенныхъ во II-мъ т. »Moyenage et Renaissance« (Paris 1849, Romans, fol. XII) св. Граль является, дѣйствительно, широкою чашею, имѣвшею крышку. На этомъ основаніи мы позволяемъ себѣ считать неточнымъ и умышленно извращающимъ дѣло замѣчаніе P. Paris: »il faut

различно гадать уже благодаря такой формѣ ея, не исключавшей различныхъ толкованій [1]).

Что сказаніе de Borron'a о послѣднихъ дняхъ земной жизни Іисуса Христа написано не по одному евангелію Іоанна, это можно видѣть изъ сличенія этого сказанія съ повѣствованіемъ 4-хъ евангелистовъ. У Іоанна (гл. XIII) не говорится о томъ, гдѣ была уготована Вечеря. О возліяніи мура на Іисуса передано de Borron'омъ и по первымъ двумъ евангелистамъ, у которыхъ, какъ и у de Borron'a, тотчасъ же разсказывается о предательствѣ (Матѳ. XXVI, 6—15; Марк. XIV, 3—11). По этимъ евангелистамъ описано обнаруженіе Спасителемъ Іудина замысла и взятіе Іисуса. Вообще нельзя не замѣтить, что сказаніе de Borron'a объ Іисусѣ Христѣ не было составлено преимущественно по одному какому-нибудь изъ евангелій. Кромѣ того, оно заключаетъ въ себѣ въ сравненіи съ ними, немало передѣлокъ [2]), выдумокъ и прибавокъ [3]). Очевидно, что оно писалось безъ постоянныхъ

---

bien remarquer que la forme attribuée dans tous les manuscrits au vase où le sang du Sauveur avait été recueilli répondait à celle d'un calice«.

[1]) Это различіе толкованій имѣло мѣсто на самомъ дѣлѣ. На него указалъ уже *Roquefort* (Glossaire, I, 703).—Подъ »sacrement« поэмы (»sacrefice« прозаическаго текста) должно разумѣть, вѣроятно, преломленіе хлѣба. Гелинандъ же могъ разумѣть какъ вкушеніе пасхальнаго агнца, такъ и то, о которомъ говоритъ de Voragine въ разсказѣ о генуэзскомъ сосудѣ: Est enim illud vas factum ad instar catini, unde vulgariter dicitur, quod fuit ille catinus, in quo Christus cum suis discipulis in coena comedit, de quo Christus dixit: qui intingit mecum manum in catino, hic me tradet«.

[2]) Сл. de Borron'ово описаніе омовенія ногъ съ повѣствованіемъ Іоанна (XIII, 4—18). У de Borron'a (*Hucher*, de Saint-Graal, I, 214—215) вопрошателемъ о значеніи омовенія является Іоаннъ, а по евангелію Іоанна (XIII, 12) Самъ Іисусъ Христосъ пожелалъ разъяснить смыслъ омовенія. Что Вечеря была совершена въ домѣ Симона, это противорѣчитъ прямымъ словамъ трехъ евангелистовъ, какъ и сообщеніе de Borron'a, по которому Спаситель былъ взятъ въ томъ же домѣ (между тѣмъ какъ это случилось въ Геѳсиманіи).

[3]) Къ прибавкамъ относятся объясненіе предательства со стороны Іуды, бесѣду его съ врагами Іисуса и слова Іуды о сходствѣ Іисуса съ Іаковомъ. Слова Іуды объ Іисусѣ, переданныя у Марка (XIV, 44): „ведите осторожно“ истолкованы тѣмъ, что І. Христосъ былъ силенъ.

справокъ съ ев. писаніемъ [1]). Прозаическій текстъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ положительно на допускаемую имъ амплификацію канонических писаній [2]).

Не сходится de Borron'ово сказаніе и съ кодексомъ Іоаннова евангелія, который нѣкоторые считаютъ принадлежавшимъ тампліерамъ [3]). Такъ, въ этомъ кодексѣ нѣтъ предсказанія Спасителя о предательствѣ Іуды [4]), что̀ встрѣчаемъ у de Borron'а; равнымъ образомъ, выброшены слова подлиннаго евангельскаго текста: „τότε εἰςῆλθεν εἰς ἐκεῖνον ὁ Σατανᾶς“ [5]), удержанныя (въ переводѣ конечно) de Borron'омъ, и т. п.

Вслѣдъ за P. Paris г. Веселовскій утверждаетъ, что въ средѣ, гдѣ сложился нашъ апокрифическій разсказъ, евхаристія понималась не такъ, какъ учила господствующая церковь“ [6]), и упоминаетъ, что „отрицанію богомилами таинства пресуществленія отвѣчалъ у храмовниковъ запретъ произносить при совершеніи евхаристіи слова: hoc est enim corpus meum“ [7]). Мы замѣтимъ на это, что, по разсказу большаго романа о св. Гралѣ, совершая священнодѣйствіе, Іосифъ произноситъ эти самыя слова, и хлѣбъ и вино претворяются въ плоть и кровь Христовы. Если de Borron не упомянулъ объ установленіи евхаристіи, то это произошло вслѣдствіе того, что онъ не распространялся о подробностяхъ совершившагося во время Тайной вечери [8]). Но и у него

---

[1]) Напр., днемъ Тайной вечери названа среда. Такія ошибки не могутъ быть приписаны безграмотности *переписчика*.

[2]) »Ensinc remest Joseph en la prison, ne de ceste prison ne parolent pas li aposte, ne cil qui establirent les escriptures, que il n'en sorent rien, fors tant que nostres sires vost que ses cors li fust donez, c'aucune amor avoit il en lui«. *Hucher*, Le S.-'Graal, I, 228.

[3]) Объ этомъ кодексѣ см. у *Thilo*, Codex apocryphus Novi Testamenti, tom. primus, Lipsiae MDCCCXXXII, p. 819—881.

[4]) Ibid., 850.

[5]) Ibid. 852; въ Liber S. Joannis apocryphus эти слова уцѣлѣли (Thilo, 885).

[6]) „Слав. сказ. о Сол. и кит.“ и пр., стр. 192.

[7]) Ibid., 194.

[8]) *Hucher*, Le S.—Graal, I, 213—214: »Lou mescredi à soir, fu nostres sires chiés Symon lou liépreux, et parla à ses déciples, et lor mostra essamples que je ne puis ne ne doi toz retraire«. Въ стихотворномъ текстѣ говорится объ установленіи евхаристіи (Le rom. du Saint—Graal, publ. par Fr. Michel, p. 38, v, 893 suiv).

есть указанія на евхаристію, какъ понимала ее господствовавшая церковь [1]).

Г. Веселовскій продолжаетъ: „чудное дѣйствіе Граля на вѣрующихъ и избранныхъ, которыхъ онъ наполняетъ неизреченной сладостью, благоуханіемъ какихъ-то невидимыхъ яствъ, также не имѣетъ ничего общаго съ строго христіанской догмой о таинствѣ причащенія, и скорѣе относится къ разряду иновѣрныхъ представленій“ [2]). Конечно, такіе вымыслы не содержатся въ *строго христіанской* догмѣ, но, тѣмъ не менѣе, они были въ духѣ того времени и не изъ иновѣрной только среды могли выдти, а и отъ лицъ, проникнутыхъ христіанскимъ мистицизмомъ, который очевиденъ въ первыхъ романахъ о Гралѣ. Если особенныя качества приписывались крови мучениковъ, если встарину нѣкоторые дѣлали знаменіе креста кровью евхаристіи на челѣ и глазахъ [3]), если передавали различныя чудеса объ этой евхаристіи, то что̀ должны были думать о крови божественной? Укажемъ на мысли древнѣйшихъ христіанскихъ писателей объ евхаристіи. Вотъ, для примѣра, слова Иринея Ліонскаго: „когда чаша растворенная и приготовленный хлѣбъ принимаютъ Слово Божіе и дѣлаются евхаристіею тѣла и крови Христа, *отъ которыхъ укрѣпляется и поддерживается существо нашей плоти;* то какъ еретики говорятъ, что плоть не причастна дара Божія, т. е. жизни вѣчной,—плоть, которая питается тѣломъ и кровью Господа и есть членъ Его?... Эта *плоть питается отъ чаши Его*, которая *есть кровь Его* и ростетъ отъ хлѣба, который есть *тѣло Его*“... Тотъ жеИриней говоритъ, что „приношеніе евхаристіи есть не плотское, но духовное“ [4])... Въ вѣкъ появленія бретонскихъ романовъ слова нерѣдко принимались въ буквальномъ смыслѣ, и сказанное въ Св. Писаніи, а также у богослововъ объ евхаристіи [5]), могло доставить матеріалъ при созданіи саги о чашѣ съ кровію Христа.

---

[1]) *Hucher*, Le S.—Graal, I, 226.

[2]) „Сказ. о Сол. и кит.“ и пр., стр. 191. Подобное встрѣчаемъ у P. Paris (Les rom de la T. R. I, 197).

[3]) Dictionn. des orig du christ., col. 262 et. 1249. Уже св. Кириллъ Іерусалимскій говорилъ: „.... когда влага еще чувствуется на устахъ твоихъ, коснись ея руками и освяти ею глаза, чело и прочія чувства. „*Собр древн. лит.*“, стр. 134.

[4]) "*Собр. древн. лит.*", 47 и 49.

[5]) Напр., Іоан. VI, 56, 58.

На эту чашу переносили до извѣстной степени то, что говорилось о чашѣ евхаристіи. По разсказу Мар'а, отъ евхаристіи Іосифъ испытывалъ тѣже ощущенія, какія замѣчаются въ вѣрующихъ при служеніи Гралю. Какъ только онъ воспринималъ тѣло Христово, онъ почувствовалъ себя исполненнымъ всѣхъ сладостей и несказанныхъ пріятностей [1]). Кто скажетъ, что это представленіе евхаристіи носитъ въ себѣ слѣды иновѣрнаго вліянія? Не мѣшаетъ вспомнить здѣсь объ агапахъ, составлявшихъ въ древности одно цѣлое съ евхаристіею. Въ Британіи, какъ въ Галліи и Германіи, онѣ держались очень долго. Какъ, по словамъ божественнаго гласа, тотъ не можетъ быть достойнымъ божественной милости (являющейся въ евхаристіи), кто не чистъ въ дѣлахъ и помышленіяхъ и не имѣетъ крѣпкой вѣры [2]), такъ и къ Гралю допускались лишь чистые сердцемъ и крѣпкіе вѣрою. Насыщеніе Граалемъ, котораго достаточно было для прокормленія въ теченіе 40 дней заключенныхъ христіанъ [3]) и съ которымъ Іосифъ Аримаѳейскій прожилъ безъ посторонней пищи 42 года, а Персеваль (по роману Кретьена) 5 лѣтъ, это насыщеніе не напоминаетъ ли чудесно умножавшійся хлѣбъ, которымъ питались нѣкоторые святые и который не что иное, какъ евхаристія [4])? Питаніе отъ Граля, какъ замѣчаетъ Göschel [5]), составляетъ какъ бы продолженіе питанія немпотими хлѣбами евангельскихъ пяти и четырехъ тысячъ народа. Чудеса Граля носятъ обыкновенный въ то время характеръ и не разнятся сильно отъ другихъ чудесъ, о которыхъ были въ ходу разсказы въ средніе вѣка. Они могли быть порожденіемъ фантазіи глубоко-благочестиваго католика, конкретно изображавшаго воздѣйствіе евхаристіи на человѣка. Иногда прямо говорится, что питавшимся только *кажется*, будто они насыщаются. Въ этомъ очевидно прославленіе пищи, вся сущность которой заключается въ духовномъ ея значеніи.—Все сказанное подтверждается взглядомъ самихъ романистовъ на чудеса Граля. У de Borron'а разсказывается,

---

[1]) The History of The Holy Grail, englisht by Herry Lonelich. Re-edited by *F. J. Furnivall* (Early Engl. Text Soc., Extra Series XX) P. I, London MDCCCLXXIV, p. 94.

[2]) Ibid., 92.

[3]) *P. Paris*, Les rom. de la T. R., I, 275.

[4]) *Maury* Essai sur les légendes, 69.

[5]) Die Sage von Parcival und vom Gral nach Wolfr. v. Eschenb., S. 33.

что, когда начали усаживаться у стола, на который былъ поставленъ Граль, нѣкоторымъ не нашлось мѣста. Бывшіе за столомъ почувствовали „услажденіе и сердечное удовлетвореніе (исполненіе)“. Одинъ изъ нихъ, Петръ, спросилъ у оставшихся внѣ стола, не испытываютъ ли и они *grâce* [1]), какую замѣчали въ себѣ пребывавшіе у стола, и когда оказалось, что она недоступна имъ, то онъ объяснилъ это грѣховностію ихъ. О „granz grâce, qui einsinc raamplist le cors d'ome“, Петръ сказалъ, что („ele vient de celui qui sauva Joseph en la prison XLII anz“ [2]). „Она исходитъ отъ того, который сохранилъ Іосифа въ темницѣ въ теченіе сорока двухъ лѣтъ“. Удаленные отъ Граля просятъ сказать имъ, какъ они должны говорить объ оставшихся съ Гралемъ, и имъ отвѣтили: („Nos somes remex en la grâce dou père et dou fil et dou saint esperit“ [3]) „мы остались съ благодатію Отца и Сына и Святаго Духа“. Іосифъ говорилъ объ этой благодати: („nostre sires la done à cels lui siet et qui sanz péchié sont, icil la doivent avoir“ [4]) „Господь даетъ ее тѣмъ, кому ему угодно, и свободные отъ грѣха— тѣ должны имѣть ее“. Въ одномъ мѣстѣ „благодать нашего Господа“ отождествляется прямо съ „Святымъ Духомъ“ [5]). Такимъ образомъ, особенныя ощущенія пребывавшихъ съ Гралемъ поставляются въ связь съ grâce, начало которой чисто христіанское.—Точно также не видно и у Вольфрама слѣдовъ какого-нибудь ученія объ евхаристіи, несогласнаго съ ученіемъ господствовавшей церкви.

Оба признака, которые г. Веселовскій выдѣлилъ въ легендѣ о Гралѣ, какъ могущіе намекать до извѣстной степени на создавшую ее среду, оказываются не имѣющими значенія въ этомъ отношеніи; они не указываютъ ни на иновѣрную, ни на еретическую среду, и г. Веселовскій напрасно, придавая имъ авторитетъ несомнѣнности, идетъ

---

[1]) У de Borron'a постоянно говорится объ этой grâce.

[2]) *Hucher*, Le Saint—Graal, I, 255. *Fr. Michel*, Le rom. du S.—Graal, p. 110.

[3]) *Hucher*, Le S.—Graal, I, 256. *Fr. Michel*, Le rom. du S.—Graal, p. 111.

[4]) *Hucher*, Le S.—Gr., 258. *Fr. Michel*, p. 115.

[5]) *Hucher*, Le S.—Gr., 268.—Соотвѣтственно этому, призываніе Св. Духа на предлагаемые на литургіи дары совершалось съ древнѣйшихъ временъ. Въ молитвѣ, въ которой совершалось это призываніе, просили объ исполненіи Св. Духомъ всѣхъ священнослужителей („Собр. древн. лит.“, стр. 125—127).

далѣе въ своемъ замѣчаніи. „Тотъ и другой признакъ, говоритъ онъ, представляются соединенными въ еретическомъ ученіи катаровъ, между которыми обращалось много апокрифовъ, въ числѣ другихъ, можетъ быть, и Никодимо евангеліе“ [1]), передающее исторію Іосифа Аримаѳей-скаго послѣ крестной смерти Спасителя, вошедшую съ видоизмѣненіями въ романъ Грaля. Мы замѣтимъ на это, что особенный взглядъ на евангелія былъ, повидимому, и въ древне-британской церкви [2]), равно какъ въ Британіи пользовалось большою извѣстностію и Никодимово евангеліе. Но если подъ Гралемъ разумѣлся первоначально и въ большинствѣ случаевъ сосудъ, въ которомъ было совершено священнодѣйствіе на Тайной Вечери, то начало легенды о немъ нечего искать непремѣнно тамъ, гдѣ существовалъ особенный взглядъ на это таинство, и гдѣ признавалось лишь евангеліе, не упоминающее объ его установленіи. Что же касается заимствованія романомъ о Гралѣ изъ Никодимова евангелія, то нужно сказать, что это евангеліе вращалось и у ортодоксаловъ и, послѣ сказанія о Рождествѣ Богоматери, было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ и популярнѣйшихъ апокрифическихъ памятниковъ: оно пользовалось уваженіемъ почти наравнѣ съ каноническими евангеліями. Въ одно время это евангеліе, какъ видно изъ греческаго его текста по Венеціанскому манускрипту, который имѣлъ подъ руками Thilo, читалось даже въ греческихъ церквахъ, какъ памятникъ, заслуживающій уваженіе [3]). Оно повліяло на обрядности нѣкоторыхъ церковныхъ службъ (напр., пасхальныхъ [4]) и вошло затѣмъ въ мистеріи [5]). Послѣ этого и начало Мерлиновской легенды нисколько еще не указываетъ на еретичество ея авторовъ или пересказчиковъ. Вошедшіе въ Никодимово еванг. Акты Пилата, сообщающіе объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ подробности, не встрѣчающіяся въ канонической письменности, возникли ранѣе половины II стол., и ими пользовалось до-

---

[1]) Слав. сказ. о Солом. и Кит. и зап. лег. о Мор. и Мерл., стр. 192.

[2]) P. Paris, Les romans de la T. R., I, 97.

[3]) Dictionn. des apocryphes, publiée par M. l'abbé Migne (Paris 1856), t. I, 1092.

[4]) Ib., XXX.

[5]) Ib., XXXII. Одна изъ древнѣйшихъ англійскихъ мистерій, принадлежащая къ Chester Plays, въ своемъ заглавіи носитъ открытое обозначеніе того, что она составлена secundum evangelium Nicodemi.

вольно значительное количество древнѣйшихъ христіанскихъ писателей [1]).

Защитники выработки романовъ о Гралѣ въ еретической средѣ могутъ указать на начало de Borron'ова произведенія, которому подыщется аналогія у богомиловъ [2]), но все, что читается въ началѣ de Borron'овой поэмы, встрѣчается и въ писаніяхъ ортодоксаловъ, и сказаніе de Borron'а объ искупленіи вполнѣ согласно съ догмой господствовавшей церкви. Могутъ обратить вниманіе еще на упоминаніе двоякаго крещенія [3]) но подъ вторымъ крещеніемъ у романиста разумѣется таинство покаянія [4]), и мы не видимъ у de Borron'а неуваженія собственно къ крещенію [5]).

Болѣе мы не открыли въ сказаніяхъ о Гралѣ ничего, что могло бы напоминать сколько-нибудь еретическія ученія.

Кромѣ отсутствія признаковъ такихъ ученій, въ пользу возникновенія первыхъ романовъ о Гралѣ въ правовѣровавшей средѣ говоритъ все содержаніе ихъ.

Мы укажемъ важнѣйшія черты.—Въ произведеніи de Borron'а отмѣтимъ ученіе о св. Троицѣ [6]), разсказъ о діаволѣ [7]), признаніе авторитета ап. Петра [8]), между тѣмъ какъ у богомиловъ и тампліеровъ верховнымъ между апостолами считался Іоаннъ, внушеніе повиновенія „святой церкви“ [9]) и ея „menistres“, на грѣхи которыхъ вѣрующимъ

---

[1]) О Никодимовомъ ев. въ западной литературѣ см. въ соч. Wülcker'а (Das Evang. Nic. in d. abendl. Litt.«).

[2]) См. »Правосл. Обозр.« 1875, № 8, ст. г. Кипріановича: »Жизнь и ученіе богомиловъ по Паноплiи Евфимія Зигабена и другимъ источникамъ«, стр. 538.

[3]) О различеніи богомилами крещенія водою отъ крещенія духомъ см. въ цит. ст. Кипріановича, стр. 549.

[4]) *Hucher*, Le S.—Graal, I, 211.—*Fr. Michel*, Le rom. du S.—Graal, p. 9, v. 184 suiv.

[5]) *Hucher*, Le S.—Graal, I, 249.

[6]) *Hucher*, l. c., 210, 225.—*Fr. Michel*, p. 5, vv. 91—100; p. 37—38, v. 871 suiv.

[7]) *Hucher*, 211.—*Fr. Michel*, p. 8, v. 173 suiv.

[8]) *Hucher*, 211.—*Fr. Michel*, p. 9, v. 184 suiv.

[9]) *Hucher*, 263.

не слѣдуетъ обращать вниманіе [1]). Вообще въ поэмѣ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ повсюду проглядываетъ полное уваженіе къ церкви и ея установленіямъ. О сыновьяхъ Брона говорится, что они женились „selonc la loi Jhésu-Crist et au commendement de sainte église“ [2]).— Въ романѣ Мар'а неизвѣстный, явившійся къ Мордрэну, сказалъ, между прочимъ, по поводу одного заблужденія, что говорящіе такъ— болѣе еретики, нежели popelicans [3]).

Г. Веселовскій старается найти подкрѣпленіе своимъ предположеніямъ о возникновеніи легенды о Гралѣ въ средѣ катаровъ въ пресловутомъ свидѣтельствѣ Вольфрама о Kyôt, котораго, какъ уроженца Анжу или жителя той области, можно пріурочить, по мнѣнію г. Веселовскаго, „къ мѣстностямъ, гдѣ изстари преобладалъ катарскій элементъ“.

Даже не обращая вниманія на коренную разницу между сказаніемъ о Гралѣ Вольфрама и сказаніемъ англо-французскихъ труверовъ и на отношеніе перваго къ послѣднему [4]), все-таки для того, чтобы дать ходъ гипотезѣ нашего ученаго, придется обращаться къ довольно безпочвеннымъ предположеніямъ, напр.,—о катарствѣ Гіо.

Возникновеніе занимающей насъ легенды „на романскомъ югѣ, между сѣверной Испаніей и Луарой“, становится, по мнѣнію г. Веселовскаго, еще яснѣе и опредѣленнѣе, если взять во вниманіе торжественную обстановку Граля въ романахъ. Г. Веселовскій не отвергаетъ довольно правдоподобнаго соображенія, по которому „авторы романовъ о Гралѣ внесли въ нихъ многое изъ храмовнической символики, на сколько она была имъ знакома“, но, по его мнѣнію, „есть еще другая возможность объясненія“, на которую онъ и указываетъ. Вслѣдъ за др. учеными, „имѣя въ виду снова указать на отношенія, которыя

---

[1]) *Hucher*, 215. *Fr. Michel*, p. 15—16. Въ евангеліи (Іоан. XIII, 13) объясненіе умовенія ногъ строже по отношенію къ іерархіи, чѣмъ у de Borron'a.

[2]) *Hucher*, 264.—*Michel*, p. 124.

[3]) О popelicans см. у P. Paris, II, 402—403.

[4]) Связь ихъ несомнѣнна, какъ ни замаскировано заимствованіе въ Вольфрамовой передачѣ. Къ сказанному прежде добавимъ, что и по словамъ франц. труверовъ, Граль сохраняетъ молодость и даетъ долголѣтіе, какъ видно на примѣрѣ Іосифа и Брона.

теперь слишкомъ часто забываютъ", г. Веселовскій находитъ у храмовниковъ слѣды самой легенды о Гралѣ. Упомянувши о демонѣ тампліеровъ, г. Веселовскій говоритъ: „Устраните отсюда фактъ поклоненія, во всякомъ случаѣ сомнительный, и вы *встрѣтитесь съ богомильскимъ ученіемъ о демонѣ,* какъ властителѣ міра и подателѣ земныхъ благъ, скорѣе всего *вспомните чудесные дары* Граля, который въ позднѣйшемъ саллійскомъ mabinogi является блюдомъ съ лежащей на немъ *головою*". Безспорно, встрѣчаясь съ богомильскимъ ученіемъ, едвали въ тоже время можно найти тутъ что-нибудь имѣющее отношеніе къ Гралю. Не видно принимаемаго г. Веселовскимъ такого довольно точнаго совпаденія благодѣяній, оказываемыхъ демономъ, съ чудесными дарами Граля [1]), которое заслуживало бы вниманія и которое было бы убѣдительно (а это совпаденіе необходимо для доказательства положенія г. Веселовскаго, при отсутствіи аналогій въ остальномъ). Въ представленіи Граля блюдомъ съ головою г. Веселовскій видитъ „позднѣйшее искаженіе мотива, совершившееся подъ вліяніемъ народнаго суевѣрія, которому давала пищу тайна, окружавшая ересь храмовниковъ. Оно то смѣшало образы и дало смѣшенію демоническій колоритъ" [2]). *Вмѣсто апокрифической чаши* (? г. Веселовскій говорилъ прежде о блюдѣ, народный страхъ увидѣлъ *окровавленную голову*, замѣчаетъ далѣе г. Веселовскій [3]). Прежде всего г. Веселовскій напрасно беретъ во вниманіе mabinogi. Встрѣчающееся въ этой сказкѣ представленіе Граля относится, по словамъ г. Веселовскаго, къ позднѣйшей ступени въ развитіи его легенды, въ хронологическомъ отношеніи идущей за тою, которая замѣчается въ романахъ. Оно возникло лишь вслѣдствіе искаженія и своеобразной передѣлки одного изъ эпизодовъ легенды и не могло быть принято въ литературные памятники, которымъ тогда пришлось бы довольно круто измѣнять сложившійся образъ Граля. По этимъ соображеніямъ, подробность mabinogi о Гралѣ (правильно ли ее относятъ къ нему, мы уже видѣли) должна была возникнуть на валлійской почвѣ. Но въ такомъ случаѣ она не могла быть отраженіемъ на-

---

[1]) Мы предлагаемъ съ своей стороны сблизить дары Граля съ тѣмъ, что говорится въ древнихъ литургическихъ молитвахъ. „Собр. древн. лит.", 135—136.

[2]) „Слав. сказ. о Сол. и Кит." и пр., 195.

[3]) Ib., 199.

роднаго страха французовъ, которые сами его не передавали валлисцамъ и которые, еслибы и воображали такимъ пугаломъ неузнанную ими чашу Граля, то не стали бы вносить это пугало въ сказанія о чашѣ. Обвиненіе въ поклоненіи сатанѣ, который вездѣ тогда мерещился, можетъ быть, и не должно принимать въ буквальномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, оно едвали могло основаться на служеніи Гралю, какъ ни склонна молва впадать въ нелѣпые толки. Считая вмѣстѣ съ г. Веселовскимъ демоническую голову созданіемъ народной фантазіи, къ признанію чего давно уже склонялись ученые [1]), мы расходимся съ почтеннымъ ученымъ въ томъ, что отрицаемъ реальный субстратъ этой головы въ чествованіи Граля (чаши), потому что нѣтъ данныхъ для принятія этого субстрата.

На основаніи изложеннаго осмѣливаемся думать, что едвали могутъ считаться обставленными научно всѣ дальнѣйшія соображенія г. Веселовскаго, который готовъ допустить, что упомянутая легенда перешла къ тампліерамъ отъ дуалистическихъ сектъ. Г. Веселовскій откровенно сознается, что „свидѣтельства о ереси тампліеровъ относятся къ очень поздней порѣ, когда легенда о Гралѣ давно уже успѣла сложиться въ романѣ, такъ что трудно становится утверждать, опираясь на хронологію, зависимость послѣдняго явленія отъ предъидущаго“. Но, во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, христіанскій міръ воспринялъ легенду о Гралѣ въ видѣ апокрифа, развившагося подъ извѣстными иновѣрными вліяніями, сущность которыхъ мы и теперь еще можемъ опредѣлить“ [2]).

Легенда о Гралѣ первоначально, дѣйствительно, была апокрифомъ[3]), если подъ этимъ словомъ разумѣть всякій разсказъ, измѣняющій, рас-

---

[1]) О томъ, что разбираемое нами обвиненіе принадлежало къ числу общераспространенныхъ, см. между проч., въ *Guillaume Soldan*'a »Mémoire sur les templiers et sur le culte special qui leur a été imputé«, помѣщ. въ цитиров. выше книгѣ »*Congrès scientifique* de France«. Идолы фигурировали нерѣдно въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ. Присутствіе въ нихъ демоновъ было, кажется, тоже ходяче.

[2]) „Слав. сказ. о Солом. и Кит.“, 198—199.

[3]) Въ одной изъ новѣйшихъ своихъ работъ г. Веселовскій повторяетъ, что идея Граля коренится въ апокрифическихъ представленіяхъ.

пространяющій и дополняющій сказанія канонической письменности[1]). Только мы полагаемъ, что, на основаніи сказаннаго, еще нельзя считать доказаннымъ возникновеніе этого апокрифа въ еретической или иновѣрной средѣ. Если у еретиковъ была легенда о чашѣ, слѣды которой стараются открыть, то они получили ее готовою отъ правовѣровавшихъ и только передѣлали на свой ладъ, сообразно съ собственнымъ ученіемъ.

Другой нашъ знатокъ общей литературы, проф. *Буслаевъ*, склонялся было принять для легенды о Гралѣ источникъ, подобный тому, какой допускаетъ проф. Веселовскій[2]); но, разбирая книгу г. Веселовскаго, въ противовѣсъ доводамъ послѣдняго объ еретическомъ началѣ легенды, г. Буслаевъ привелъ извѣстныя слова Іакова de Voragine, въ которыхъ этотъ ультра—католическій писатель благосклонно относится къ поэтическому сказанію о Гралѣ (съ которымъ, повидимому, не былъ хорошо знакомъ). Слабость аргумента г. Буслаева очевидна: зародившись у еретиковъ, легенда о Гралѣ могла однако быть принята ортодоксалами, какъ имѣли ходъ у православныхъ и др. еретическіе апокрифы, на которые указалъ самъ же г. Буслаевъ [3]).

Г. Буслаевъ, также относя не разъ упомянутую нами подробность въ mabinogi о Передурѣ къ западнымъ варіантамъ сказанія о Санґралѣ, сближаетъ ее съ нѣкоторыми фактами восточно-христіанской иконографіи, при чемъ замѣчаетъ о г. Веселовскомъ, что „еслибъ этотъ ученый провѣрилъ свои выводы фактами древне-христіанской иконографіи, то, можетъ быть, на другихъ бы основаніяхъ построилъ свою теорію о Санґралѣ“ [4]).

Г. Буслаевъ говоритъ: „доселѣ извѣстенъ у русскихъ иконописцевъ типъ *крылатаго* Іоанна Предтечи, нѣкогда распространенный подъ вліяніемъ Византіи и на Западѣ. Въ рукѣ онъ держитъ чашу, въ ко-

---

[1]) Подъ опредѣленіе апокрифа, выставленное г. Веселовскимъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., № 2, стр. 148), невозможно подвести легенду о Гралѣ.

[2]) Въ ст.: „Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи“ (Р. Вѣстникъ 1874 г., апрѣль, стр. 646).

[3]) Отчетъ о шестнадц. прис. наградъ гр. Уварова, стр. 46.

[4]) Р. Вѣстникъ 1874 г., № 4, стр. 647. „Отчетъ...“, 62—63. Мы свели въ одно слова г. Буслаева изъ обѣихъ его статей.

торой лежитъ или *его усѣкнутая голова,* или же *младенецъ Христосъ.* т. е. Agnus Dei, не только св. Дары, первоначально именно общеніе *крове Христовы,* но и тотъ агнецъ, *вземлющій* грѣха міра, который по древне-христіанскимъ изображеніямъ, изливаетъ свою кровь въ чашу, и котораго своимъ перстомъ указуетъ Іоаннъ Предтеча; этотъ послѣдній символъ, какъ извѣстно, былъ подвергнутъ запрещенію на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ, предписавшемъ вмѣсто агнца изображать самого Іисуса Христа, по человѣческому подобію, и такимъ образомъ вмѣсто агнца изображается у насъ младенецъ Христосъ. Такъ просто и наглядно объясняются противорѣчивые варіанты западныхъ сказаній о Санградѣ, которыя наше иконописное преданіе сохранило въ простѣйшемъ ихъ видѣ. Сверхъ того, восточная иконографія знаетъ еще и такую чашу, которая будто бы послужила *плотью* для души самого Іисуса Христа" [1]).

Г. Буслаевъ придаетъ, повидимому, большое значеніе фактамъ, указаннымъ въ только что приведенныхъ строкахъ.

Авторитетъ нашего почтеннаго ученаго заставляетъ насъ остановиться нѣсколько на этихъ фактахъ, чтобы разсмотрѣть, дѣйствительно ли они столь важны въ вопросѣ о Гралѣ.

Еслибы подтвердилось мнѣніе Симрока, то въ замѣчаніяхъ г. Буслаева оно нашло бы новое подспорье: г. Буслаевъ выдвинулъ на видъ, что Іоаннъ Предтеча, съ чествованіемъ котораго Симрокъ связываетъ легенду о Гралѣ, изображался съ чашею, въ которой находилась или голова Предтечи, или же младенецъ Христосъ, подобно тому какъ и въ большомъ романѣ о св. Гралѣ, когда Іосифъ совершалъ литургію и произнесъ слова Спасителя, установившія евхаристію, хлѣбъ превратился въ тѣло и вино въ кровь. Іосифъ ясно увидѣлъ, что держалъ дитя, и казалось, что кровь, бывшая въ чашѣ, истекала изъ тѣла дитяти [2]). Еслибы Симрокъ былъ правъ, тогда объяснились бы варіанты

---

[1]) Ibid.

[2]) *Furnivall,* The History of The Holy Grail, I, 90. Вслѣдъ за переданнымъ нами романъ о Гралѣ сообщаетъ, что Іосифъ былъ смущенъ, просилъ Господа не подвергать его необходимости a »desmenbrer si biele figure«, но Господь велѣлъ ему творить повелѣнное. Тогда Іосифъ взялъ тѣло, отдѣлилъ голову отъ туловища—такъ легко, какъ будто бы тѣло дитяти было совершенно мягко, какъ мясо, оставленное долго на огнѣ; но онъ повино-

въ представленіи Граля и оказалось бы, что блюдо съ головой или чаша—варіанты, вышедшіе изъ одного источника. Но мы видѣли, какъ шатко обосновано мнѣніе Симрока, и г. Буслаевъ, примыкающій къ нему, едвали основательно думаетъ, что указываемыя имъ изображенія имѣютъ отношеніе къ легендѣ о Гралѣ.

Выяснимъ смыслъ этихъ изображеній. Какъ въ романѣ о Гралѣ, такъ и на памятникахъ, какіе имѣетъ въ виду г. Буслаевъ, младенецъ Христосъ, являющійся въ чашѣ, означаетъ дѣйствительное принесеніе Себя въ жертву Сыномъ Божіимъ—на крестѣ и въ чашѣ евхаристіи. Сынъ Божій предстаетъ въ видѣ младенца, можетъ быть, въ силу того, что вообще въ библейской письменности было обычно представленіе Отдавшаго себя въ жертву—въ видѣ дитяти. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны нѣкоторыя выраженія пророка Исаіи. Въ XLII гл. читаемъ по тексту LXX: „Ιακωβ ὁ παῖς μου, ἀντιλήψομαι αὐτοῦ“ etc. [1]). Въ гл. LII, которую, вмѣстѣ съ LIII, относятъ новозавѣтные писатели единогласно къ Мессіи, говорится по тексту LXX: „Ἰδοὺ συνήσει ὁ παῖς μου...“ [2]). Въ LIII главѣ тоже выраженіе: „Ἀνηγγείλαμεν εναντίον αὐτοῦ ὡς παιδίον....“ [3]). Отсюда-то чаша съ младенцемъ Христомъ, по словамъ Буслаева,—„и есть изображеніе Агнца“. Этого сюжета не чуждался и Западъ. Христосъ представлялся являвшимся въ гостіи на картинахъ мессы Григорія В. [4]). Съ чашей, изъ которой выходитъ Христосъ, тамъ

валея приказанію съ ужасомъ, съ воздыханіями и—проливая слезы.... Господь сказалъ Іосифу: чего ты ждешь теперь? получай то, что предъ тобою, это твое спасеніе". Іосифъ палъ на колѣна, ударялъ себя въ грудь и молилъ о прощеніи грѣховъ Поднявшись, »quant il eut rendu grasces a son creatour, si ouuri la bouche et vaut metre dedens. Et il regarde, si uoit ke che restoit uns cors tous entiers«.—Есть свидѣтельство о существованіи во Франціи съ XI стол. лег. о реликвіи частей тѣла младенца Іисуса, принесенныхъ ангеломъ. *Gaston Paris*, Histoire poétique de Charlemagne, Paris 1865 г. p. 57.

[1]) Въ еврейскомъ текстѣ по переводу архим. Макарія: »Рабъ Мой«.

[2]) Въ еврейскомъ текстѣ, по переводу »Трудовъ К. Дух. Акад. и арх. Макарія, опять«: »рабъ мой«.

[3]) Въ еврейскомъ, по переводу Тр. К. Д. А.: »какъ отпрыскъ«, а по переводу Макарія: »какъ *молодой* ростокъ«—метафора, находящаяся въ прямомъ отношеніи къ παιδίον LXX.

[4]) *I. E. Wessely*, Iconographie Gottes und der Heiligen, Leipzig, T. O. Weigel, 1874, S. 210.

изображались св. Іоаннъ Facundo и св. Гугонъ, еп. Линкольнскій. Иногда І. Христосъ представлялся возсѣдавшимъ на гостіи [1]), иногда же въ видѣ младенца онъ стоялъ на ней [2]). Вообще младенецъ Іисусъ встрѣчается нерѣдко на свящ. изображеніяхъ [3]), начиная съ тѣхъ, которыя найдены въ катакомбахъ. Въ чашѣ, которую держитъ І. Facundo, вмѣсто Христа, иногда прямо изображалась гостія. Послѣ всего этого, понятенъ, думаемъ, смыслъ чаши съ младенцемъ Іисусомъ, представляемой въ рукѣ Крылатаго І. Предтечи, котораго еще недавно можно было встрѣтить въ католическихъ храмахъ нашего юго-западнаго края. Такое изображеніе — наглядное представленіе повѣствуемаго евангелистомъ Іоанномъ объ Иванѣ Крестителѣ, который явился провозвѣстникомъ будущей крестной смерти Спасителя: „бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ. Сей пріиде во свидѣтельство.... видѣ Іоаннъ Іисуса грядуща къ себѣ и глагола: се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра" (Іоанна I, 6—7, 29). Въ синаксарѣ объ Иванѣ Предтечѣ говорится: „предваривъ сошествіе Господа во адъ, онъ благовѣстилъ тамъ Бога, явившагося во плоти, и утѣшилъ души, тамъ содержавшіяся". Въ этомъ смыслѣ иногда Крылатый Іоаннъ Предтеча, котораго въ древнѣйшее время представляли указывавшимъ на агнца или съ агнцемъ [4]), изображался съ крестомъ въ рукѣ. Г. Буслаевъ готовъ объяснять точно также Іоаннову чашу (по словамъ его, І. Предтеча съ этой чашею въ рукѣ „какъ бы вѣковѣчно проповѣдуетъ объ *Агнцѣ*, вземлющемъ на себя грѣхи міра"), но въ тоже время не прочь видѣть въ ней и нѣчто иное. Исходя отъ одного разобраннаго имъ иконографическаго сюжета, онъ утверждаетъ, что во всѣхъ изображеніяхъ чаши съ младенцемъ Христомъ должно видѣть одну и туже символику, а именно „сочетаніе

---

[1]) Encyclop. théologique publiée par M. l'abbe Migne, f. 45, Dictionnaire d'iconographie, 1850, col. 819—820.

[2]) Ib., col. 805—806.

[3]) Ib., 781—782.

[4]) Отсюда І. Креститель назывался agniferus. И на Рутвелльскомъ крестѣ (VII-го стол.) І. Крестителя встрѣчаемъ съ агнцемъ въ рукѣ (см. снимокъ у Hammerich'a: Aelteste christliche Epik der Angelsachsen, Deutschen und Nordländer. Aus dem Dänischen von Al. Michelsen. Gütersloh 1874). Потомъ предтечу заставили указывать на Христа. Агнецъ же въ его рукѣ замѣнили упомянутою чашею.

человѣчества съ *божествомъ:* чаша — человѣчество, младенецъ—божество, душа, Христова" [1]). Въ виду указанныхъ фактовъ, просто и вполнѣ объясняющихъ дѣло, излишне прибѣгать къ этой символикѣ въ нашемъ вопросѣ, хотя не сомнѣваемся, что она имѣла приложеніе на нѣкоторыхъ изображеніяхъ (Душа вообще нерѣдко представлялась въ образѣ маленькой фигуры неопредѣленнаго пола не только на византійско-русскихъ, но и на западныхъ средневѣковыхъ монументахъ). Мы думаемъ, впрочемъ, что тамъ, гдѣ эта символика имѣла мѣсто, она изображала тайну воплощенія по отношенію къ конечной его цѣли—крестной жертвѣ Іисуса. Въ сочиненіи *Жизнь Господа нашего Іисуса Христа,* которое было весьма распространенно на средневѣковомъ западѣ, младенецъ Христосъ на верху дерева представляетъ собою будущаго искупителя человѣческаго рода [2]). Дерево знаменуетъ здѣсь крестъ распятія І. Христа. Повторяемъ: указаніе на чашу, послужившую плотію для самаго І. Христа, нисколько не пригодно для объясненія нашей легенды потому, что символическое значеніе этой чаши, на которое обратилъ вниманіе г. Буслаевъ, усвоено ей позднѣйшими толкованіями, и въ легендѣ о Гралѣ нѣтъ ничего, что говорило бы о развитіи ея изъ подобныхъ представленій.

Въ однихъ случаяхъ Предтеча изображался провозвѣстникомъ спасительной крестной смерти Іисуса, въ другихъ являлся свидѣтель-

---

[1]) См. замѣтку г. Буслаева: „Для иконографіи души". *Труды перваго археологическаго съѣзда,* II, М. 1871, стр. 851.

[2]) Въ этомъ памятникѣ читаемъ, что Сиѳъ увидѣлъ на вершинѣ древа жизни »ung petit enfant enveloppé dung petit drap. Et apres il regarda le pied de l'arbre et veit entre les racines dedans terre jusques au parfond denfer Et larbre estoit si grand et si merueilleux quil touchoit au ciel et veit dessus le dict enfant assis.... Lange Cherubin luy dict que lenfant quil avoit veu en larbre estoit Jesuchrist lequel tantost viendroit prendre chair humaine en une vierge laquelle aura nom Marie, et *prendra mort et passion en larbre de la croix«. Diction. des Apocryphes,* t. 1, col. 387—388 —Въ англійскихъ легендахъ о крестномъ древѣ встрѣчается тотъ же разсказъ о Сиѳѣ. Legends of the Holy Rood; Symbols of the Passion and Cross—Poems. In Old English. Ed. by Rychard *Morris.* London. MDCCCLXXI (Early Engl. Text Soc.). P. 24, 69, 70. — Младенецъ-Христосъ прославляется въ одномъ старо-англійскомъ стихотвореніи. An Old English Miscellany. Ed. by Rich. *Morris* (Early Engl. Text Soc.). P. 197—199: A Song on the Passion.

ствовавшимъ собственное мученичество. Несущими свою голову, подобно І. Предтечѣ, представлялись довольно многіе мученики [1]). Равнымъ образомъ, нѣкоторые мученики изображались съ чашами въ рукахъ. Въ чашу Іоанна, означавшую его исповѣдничество, естественно было помѣстить главу его, означавшую способъ, какимъ онъ претерпѣлъ мученичество. Это послѣднее изображеніе находится въ связи съ иконами, на которыхъ голова Крестителя помѣщалась у ногъ его [2]).

Значеніе и ходъ постепенной выработки двухъ чашъ, съ какою-нибудь одною изъ которыхъ часто изображался Іоаннъ Предтеча, позволяютъ, кажется, сказать, что между ними не было генетическаго родства; едвали одна изъ нихъ произошла изъ другой.

Точно также весьма сомнительно отношеніе ихъ къ Гралю. Нечего и говорить о томъ, что символическое значеніе чаши съ головою не могло подать повода къ изобрѣтенію Граля, о которомъ говорили, какъ объ историческомъ предметѣ. Ближе къ Гралю чаша съ младенцемъ Іисусомъ, но, кромѣ нея, какъ увидимъ, извѣстна въ иконографіи другая чаша, изъ которой скорѣе могъ выработаться Граль.

О разобранныхъ аттрибутахъ г. Буслаевъ замѣчаетъ, что „всѣ эти иконографическіе знаки..... безъ сомнѣнія болѣе или менѣе состоятъ въ связи съ разными легендами, апокрифами и даже еретическими ученіями“; по его словамъ, они „имѣютъ мало связи съ историческимъ принципомъ, принятымъ церковью для иконописи уже въ послѣдствіи“. Г. Буслаевъ игнорируетъ тутъ символическій принципъ, проглядывающій въ христіанской иконографіи съ первыхъ ея началъ.

Наряду съ изложенными нами мнѣніями и гипотезами, высказывались и болѣе правильныя сужденія о занимающей насъ легендѣ, но, не будучи обставлены и развиты, какъ слѣдуетъ, и являясь въ формѣ отрывочныхъ замѣчаній, они не могли имѣть прочнаго значенія въ наукѣ и вліять на движеніе вопроса. Такова замѣтка Мартонна [3]). Не былъ слишкомъ далекъ отъ истины и *Grässe*, когда говорилъ, что сага Граля, какъ она является въ поэтическомъ произве-

---

[1]) Dictionn. d'iconographie, col. 865. *Wessely*, Iconographie, 442.

[2]) Древности. Археологич. Вѣстникъ, изд. Моск. Археол. Обществомъ подъ ред. д. чл. *А. А. Котляревскаго.* Т. I (М. 1868), критич. замѣтка гр. А. С. Уварова о ст. Пипера, стр. 77—78.

[3]) См. выше на стр. 108 прим. 3.

деніяхъ французовъ и нѣмцевъ,—не что иное, какъ переработанный въ головахъ ея сочинителей конгломератъ множества христіанскихъ сагъ и идей, надѣленный то симъ, то тамъ восточными элементами и болѣе или менѣе разукрашенный, смотря по фантазіи различныхъ поэтовъ [1]).

Трезвостію сравнительно и положительностію отличаются замѣчанія англійскихъ ученыхъ касательно Граля.

Изъ нихъ мы отмѣтимъ соображенія *Skeat*'a [2]).

Встарину въ легендѣ о миссіонерской дѣятельности Іосифа Аримаѳейскаго въ Британіи видѣли отраженіе древняго преданія. Но уже Usser предполагалъ, что авторъ латинской легенды о Гралѣ жилъ нѣсколько времени спустя послѣ Вильгельма de Malmesbury. Skeat, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій касательно распространенія христіанства въ Британіи, не приписываетъ вѣроятности легендѣ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ.

Онъ различаетъ въ ней довольно основательно легендарную и фабулярную части, изъ которыхъ послѣдняя болѣе поздняго происхожденія (Skeat думаетъ, что она явилась послѣ смерти Готфрида Монмутскаго, случившейся въ 1154 г.). Точкой опоры при такомъ разграниченіи Skeat'у служатъ сочиненія упомянутаго Вильгельма de Malmesbury, не упоминающаго о Гралѣ.

По нашему мнѣнію, изъ того, что Граль включенъ позже въ сказаніе объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, еще не слѣдуетъ, что онъ и возникъ позже. Въ Англіи онъ могъ быть позже пріуроченъ къ Іосифу, но въ другихъ странахъ это могло случиться и раньше. Кромѣ того, допуская привнесеніе Граля со стороны въ основное сказаніе, необходимо все-таки выяснить происхожденіе его, чего не находимъ у Skeat'a.

Къ постановкѣ, данной вопросу о Гралѣ англійскими учеными, примкнулъ въ послѣднее время до извѣстной степени *P. Paris*, одинъ изъ ученыхъ, наиболѣе потрудившихся для разработки бретонскаго цикла. Жаль только, что, въ своихъ работахъ, онъ не доходитъ до конца возможнаго изученія.

Путемъ разбора гипотезъ французскихъ кельтофиловъ и нѣмецкихъ ученыхъ, а также мнѣній соглашающихся болѣе или менѣе съ

---

[1]) Die grossen Sagenkreise, S. 178.

[2]) См. цитиров. нами книгу »Joseph of Arimathie«.

послѣдними ученыхъ другихъ націй, мы пришли къ выводу, что сказаніе о Гралѣ должно разсматривать, какъ религіозно-христіанскую легенду, возникшую на апокрифическихъ основахъ въ средѣ членовъ господствовавшей церкви; въ наиболѣе первоначальномъ видѣ она сохранилась у франц. и англо-франц. труверовъ, которымъ принадлежатъ и древнѣйшія произведенія о Гралѣ. Вопросъ о возникновеніи сказанія о Гралѣ сводится, такимъ образомъ, къ вопросу объ источникахъ de Borron'а и Мар'а.

P. Paris посвятилъ довольно обстоятельную монографію этому вопросу, и разборъ его положеній вмѣстѣ съ критическою оцѣнкою трактата Hucher о de Borron'ѣ и принадлежащей послѣднему поэмѣ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ дастъ намъ возможность подробно коснуться упомянутаго столь важнаго вопроса.

Въ послѣднее время P. Paris такъ рѣшаетъ проблемму о возникновеніи легенды Граля [1]).

Онъ сосредоточиваетъ вниманіе на сказаніи объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, въ теченіе формировки котораго Іосифу приписали и сохраненіе чаши съ кровію І. Христа; подробность объ этомъ сохраненіи была, по мнѣнію P. Paris, естественнымъ развитіемъ мотивовъ, заключавшихся въ начальныхъ данныхъ, послужившихъ исходнымъ пунктомъ легенды (а не привнесена извнѣ, какъ думаемъ мы).

Развитіе легенды началось въ монастырѣ Moienmoutier, гдѣ сначала находились мощи Іосифа Аримаѳейскаго, прибывшія съ востока. Изъ этого монастыря, по сказанію одной хроники XIII стол., они были украдены какими-то монахами, въ которыхъ P. Paris готовъ принять монаховъ Glastonbury, гдѣ будто бы, въ концѣ концовъ, и оказались мощи Іосифа. Съ этимъ согласенъ и Hucher. Тутъ получила начало, по мнѣнію P. Paris, та легенда, которая повѣствовала о миссіонерскихъ подвигахъ Іосифа въ Британіи, и тутъ же совершилась передѣлка легенды о Гралѣ.

Дѣйствительно, въ настоящее время уже нѣтъ возможности отстаивать исконную древность сказанія о Гралѣ [2]), которое само отно-

---

[1]) См. ст. его »De l'origine et du développement des romans de la Table-Ronde: le saint Graal«, помѣщенную въ »Romania« (1-re année 1872 г., № 4).

[2]) См. указанное изслѣдованіе Skeat'a.—Уже *Usser* говорилъ Britannicarum Ecclesiarum Antiquitates. Ed. sec. Londini MDCLXXXVII, Lectori) »Et in

ситъ себя въ романахъ къ VIII стол. Легенда о проповѣданіи христіанства въ Британіи Іосифомъ не восходитъ къ преданіямъ, на которыя ссылалась Бриттская церковь въ борьбѣ съ римскимъ епископомъ. То были иныя преданія[1]). Признать легенду объ Іосифѣ Аримаѳ. и Гралѣ традиціею галльской церкви не позволяетъ уже одно то обстоятельство, что эта легенда не вездѣ была принята въ Англіи и даже въ галльской землѣ. Не видно, чтобы Іосифъ Аримаѳ. пользовался особеннымъ почетомъ въ Бриттской церкви[2]). Даже тріады, говорящія о миссіонерствѣ ап. Павла и др., не упоминаютъ объ Іосифѣ.

P. Paris указываетъ на то, что о немъ ничего не сообщаетъ ни Готфридъ Монмутскій, „этотъ пламенный поборникъ всѣхъ бретонскихъ традицій", „Исторія" котораго была обнародована въ періодъ отъ 1128 до 1140 г., ни переводчикъ его Васъ, книга котораго явилась въ 1151 г. Вообще „до настоящаго времени не могли найти ни въ какомъ произведеніи ранѣе XII-го стол. хотя бы малѣйшее упоминаніе объ апостольствѣ Іосифа Аримаѳейскаго"[3]). Не возражая на послѣднее замѣчаніе, относительно Готфрида мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на то, что̀ сказалъ самъ же P. Paris въ введеніи къ изложенію романовъ Круглаго Стола. По его словамъ, Готфриду была извѣстна исторія Іосифа Аримаѳ., но Готфридъ опасался назвать Іосифа и Граль. „Положеніе Готфрида Монмутскаго должно было, естественно,

---

Britannia quidem ipsis Apostolorum temporibus annunciatum fuisse Christi Evangelium, authores habemus locupletissimos, Eusebium, Theodoretum, Arnobium juniorem et Gildam Britannum: a Iosepho vero Arimathaeensi id fuisse praestitum, Glastoniensium monachorum traditio est; nec ita tamen antiqua, ut ante Normannica tempora certum aliquod in probatae fidei scriptore quoquam deprehendi possit illius vestigium«. Разборъ извѣстій о началѣ христіанства въ Британіи см. въ »Councils and ecclesiastical documents relating to Great Britain and Ireland, ed. by *Haddan* and *Stubbs*. Vol. I, Oxford MDCCCLXIX, p. 22—26 Впрочемъ, скептицизмъ въ этой книгѣ перешелъ предѣлы умѣренности.

[1]) Не упомянутой, слѣдов., борьбой должно объяснять молчаніе Беды объ апостольствѣ Іосифа Аримаѳ., между тѣмъ какъ тотъ же Беда принялъ извѣстіе о проповѣди въ Британіи Симона Зилота.

[2]) Его совсѣмъ нѣтъ въ одной древней бриттской литаніи; въ Дункельдской, встрѣчающейся въ позднѣйшей редакціи, онъ есть. Нѣтъ Іосифа и въ мартирологіяхъ.

[3]) Romania, 1-re année, p. 467.

препятствовать коснуться подобнаго сюжета. Онъ былъ бенедиктинскій монахъ, стремился къ церковнымъ почестямъ, которыхъ вскорѣ достигъ, и ему была необходима большая осторожность по отношенію къ книгѣ (разумѣется книга, въ которую была занесена исторія Граля), столь противоположной католическому преданію" [1]).

Какъ бы то ни было, первый подлинный памятникъ, въ которомъ встрѣчается легенда объ апостольствѣ Іосифа въ Британіи,—книга, приписываемая Вильгельму de Malmesbury и озаглавленная „De Antiquitatibus Glastoniensis Ecclesiae" [2]). Говоря объ этомъ апостольствѣ, Вильгельмъ de Malmesbury упомянулъ, что онъ писалъ на основаніи болѣе древнихъ извѣстій: „Haec autem ita se habere, tum ex Charta beati Patricii, tum ex scriptis seniorum cognoscimus". Эти scripta seniorum могли быть такого рода, какъ одно изъ цитируемыхъ Вильгельмомъ, именно—извѣстіе Фрекульфа (IX-го в.) [3]). Пунктомъ отправленія легенды, переданной Вильгельмомъ, было, повидимому, это извѣстіе: очевидно, легенда была привязана къ нему [4]). Кромѣ того, неизвѣстно,

---

[1]) *P. Paris*, Les rom. de la T. R., I, 101; 106—107.

[2]) Она написана во второй четверти XII-го стол. *Th. Wright*, Biogr. Brit. lit., Anglo-Norman per., p. 137.

[3]) Извѣстіе, взятое Вильгельмомъ у Фрекульфа, встрѣчается ранѣе у Исидора.

[4]) Сказавши сначала о преслѣдованіи, воздвигнутомъ іудеями противъ вѣрующихъ и описанномъ въ Дѣян. Апост., о разсѣяніи вѣрующихъ по разнымъ землямъ. Вильгельмъ продолжаетъ: »Sanctus autem Philippus, ut testatur Freculphus, lib. II, capitulo 4, regionem Francorum adiens gratia praedicandi, plures ad fidem convertit ac baptizavit; volens igitur verbum Christi dilatari, duodecim ex suis discipulis elegit, ad praedicandam incarnationem Iesu Christi et super singulos manum dexteram devotissime extendit et ad evangelizandum verbum vitae misit in Britanniam: quibus, ut ferunt, charissimum amicum suum Ioseph ab Arimathia, qui et Dominum sepelivit, praefecit«. Что въ Британіи были нѣкоторые изъ учениковъ Христа, о томъ говорилъ уже Евсевій Кесар., а у него заимствовалъ извѣстіе о распространеніи христіанства при Тиберіи—Гильда. У Фрекульфа, пользовавшагося трудомъ Исидора, читаемъ, что Филиппъ проповѣдывалъ евангеліе Галламъ. »*barbarasque gentes vicinasque* tenebris, et tumenti Oceano conjunctas, ad scientiae lucem, fideique fortum deduxisse«. Объ Іосифѣ у Фрекульфа нѣтъ упоминанія.

что нужно разумѣть подъ словомъ „Haec“: весь ли разсказъ Вильгельма, со всѣми его частностями, или сказаніе о посылкѣ Филиппомъ миссіонеровъ вообще (безъ упоминанія объ Іосифѣ). По мнѣнію Ussher'a[1]), что Филиппъ пользовался содѣйствіемъ Іосифа въ обращеніи британскихъ народовъ въ христіанскую вѣру, это почерпнуто цѣликомъ изъ искаженій (текста), допущенныхъ Гластонберійскими монахами. О Фаганѣ и Дервіанѣ, жившихъ во времена Люція, Вильгельмъ говоритъ, что они, пришедши въ Glastonbury, нашли церковь, построенную учениками Филиппа, и другіе знаки пребыванія тамъ христіанъ. „Omnem etiam narrationem in antiquis scriptis invenerunt, qualiter sanctis Apostolis per universam orbem dispersis, sanctus Philippus Apostolus cum multitudine discipulorum in Franciam veniens, duodecim ex ipsis in Britanniam misit ad praedicandum“. Въ частности объ Іосифѣ не говорилось, видно, ничего въ этихъ древнихъ записяхъ о подвигахъ Филипповыхъ учениковъ. Впрочемъ, онѣ вымышлены, какъ подложна и Charta beati Patricii [2]), въ которой также нѣтъ ни слова объ Іосифѣ. О древности Гластонберійской церкви Вильгельмъ узналъ, по его собственному признанію, изъ писаній немалой достовѣрности, найденныхъ имъ въ церкви св. Эдмунда, по которымъ Гластонская церковь устроена руками не иныхъ смертныхъ, какъ самихъ учениковъ Христа, а частію—изъ какого-то бриттскаго исторіографа, разсказъ котораго Вильгельмъ видѣлъ и въ церкви Эдмунда, и въ церкви св. Августина. Этотъ исторіографъ, найденный Ussher'омъ и жившій во времена Дунстана Кентерберійскаго, также не упоминаетъ объ Іосифѣ [3]), а говоритъ лишь, что англо-саксонскими неофитами б. найдена церковь, устроенная не людьми. Ясно, что, въ первое время существованія Гластонбери, тамъ не говорилось объ Іосифѣ. Судя по житію Дунстана и по грамотамъ, жалованнымъ Glastonbury, преданіе объ Іосифѣ не было тамъ въ ходу еще и въ X стол., хотя уже въ англо-саксонскій періодъ существовало мнѣніе, что Гластонберійская церковь была основана учениками І. Христа [4]).

Это говоритъ противъ утверждаемаго Paulin'омъ Paris выхода легенды объ Іосифѣ, передававшейся въ Glastonbury, изъ Moienmoutier:

---

[1]) Britannic. Eccles. Antiquitates, p. 8.

[2]) *Ussher*, Brit. Eccles Ant., 11, 56, 61.

[3]) Ib., 56—57.

[4]) Ib., 61.

вѣдь мощи Іосифа были украдены изъ послѣдняго монастыря еще ранѣе восьмидесятыхъ годовъ X-го стол. [1]).

Послѣ сказаннаго, нѣтъ возможности опредѣлить точно древность легенды о проповѣди Іосифа въ Британіи. Держась предположенія P. Paris о зарожденіи легенды со времени переноса мощей Іосифа въ Glastonbury изъ Moienmoutier, эту древность можно было бы опредѣлить X-мъ вѣкомъ. Но фактъ, выдвинутый P. Paris, не можетъ служить путеводною нитью: P. Paris просмотрѣлъ то обстоятельство, что Glastonbury признавали лишь мѣстомъ погребенія Іосифа, но тамъ не были показываемы мощи послѣдняго, и только въ 1346 г. какой-то Iohannes Blome de London испросилъ у короля разрѣшеніе отыскивать эти мощи, согласно полученному имъ откровенію [2]). Не говоритъ и Richer de Senones, гдѣ въ его время пребывали мощи, украденныя изъ Moienmoutier.

Во всякомъ случаѣ, письменные источники, изъ которыхъ Вильгельмъ de Malmesbury могъ почерпнуть извѣстіе объ апостольствѣ Іосифа въ Британіи, если только существовали на самомъ дѣлѣ, могли относиться лишь ко времени послѣ норманнскаго завоеванія.

Развитіе легенды о Гралѣ въ Англіи P. Paris изображаетъ слѣдующимъ образомъ.

Какъ скоро у Гластонберійскихъ монаховъ явилась идея объявить Іосифа основателемъ ихъ обители, они, выждавши нѣсколько времени послѣ перенесенія мощей его въ Англію, такъ поправили лотарингскую легенду, становящуюся подъ ихъ перомъ латинскою книгою Граля, на которую ссылались романисты XII-го стол., чтобы оправдать собственныя измышленія. Сначала внесли въ латинскую легенду сказанное объ Іосифѣ у евангелистовъ; потомъ представили Іосифа чудесно прибывшимъ на о—въ Альбіонъ. Драгоцѣнная евхаристическая чаша, положенная въ основанной Іосифомъ Гластонберійской церкви, была таинственно исторгнута отъ нечестивой ярости саксовъ, когда послѣдніе овладѣли британскимъ островомъ; слѣды ея должны были отыскаться и отъ нахожденія ея ожидались великія чудеса. Чтобы придать авторитетъ новой легендѣ, ее представили внушенною самимъ I. Христомъ

---

[1]) Изчезновеніе мощей должно отнести къ періоду отъ 894 до 980 г.

[2]) Ibid., 15—16.—Объ останкахъ Іосифа, какія извѣстны, см. у Болландистовъ: Acta SS. Martii, t. II.

одному отшельнику изъ рода Іосифа Аримаѳейскаго въ 717 или въ 719 г. Этимъ можно объяснить, что ни Гильда, ни Беда не знали ничего о миссіонерской дѣятельности Іосифа [1]). Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ легенда могла быть составлена, по мнѣнію P. Paris [2]), въ то время, когда появилась ложная хроника Турпина. Такова долженствовала быть сущность латинской книги, озаглавленной *Gradalis* или *de Gradali* [3]).

Въ то время, когда выдвинулась эта легенда, у Генриха II случился разладъ съ Римомъ, и король, рѣшившись воспользоваться содержаніемъ книги Граля, пригласилъ Мар'а написать романъ, въ которомъ P. P. ясно отличаетъ антипапскія тенденціи.

Романъ, написанный Gautier Мар'омъ, и поэма современника его, Robert'a de Borron, объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ были произведенія, излагавшія легенду о Гралѣ на живомъ языкѣ.

Разсматривая эти произведенія, P. Paris думаетъ подтвердить и въ тоже время приложить къ дѣлу сейчасъ переданныя нами соображенія.

По взгляду Paulin'a Paris, „романъ о св. Гралѣ есть развитіе латинской легенды, составленной въ Гластонберійскомъ аббатствѣ“ [4]).

Въ Glastonbury была несомнѣнно сочинена легенда объ Іосифѣ, которая и передана въ упомянутой нами книгѣ Вильгельма de Malmesbury [5]), но въ ней не было, по нашему мнѣнію, ни слова о Гралѣ,

---

[1]) Romania, 1-re annee, p. 465—466.

[2]) Ibid., 467.

[3]) Ibid., 465.

[4]) Romania, 1 année, p. 470.

[5]) Обращаемъ вниманіе на выраженіе *ut ferunt* въ приведенныхъ нами выше словахъ Вильгельма. Опъ ссылается на преданіе, существовавшее въ его время, и гдѣ было имѣть мѣсто этому преданію, какъ не въ Glastonbury? Легенда, изложенная Вильгельмомъ,—чисто монашеская: по его словамъ, первые миссіонеры Британіи жили въ уединеніи. По повелѣнію архангела, они устроили церковь. »Duodecim igitur sancti saepius memorati, in eodem loco Deo et beatae Virgini devota exhibentes obsequiis, vigiliis jejuniis et orationibus vacantes, ejusdem Virginis auxilio ac visione (ut credi pium est) in omnibus necessitatibus refocillabantur«. Что преданіе было мѣстное и не заимствованное изъ романовъ, видно еще изъ слѣдующаго замѣчанія Вильгельма: »...duo Reges Pagani successive comperta vitae eorum sanctimonia, unicuique eorum unam portionem terrae concesserunt; ac ad petitionem ipsorum, secundum, morem gentis,

потому что Вильгельмъ не говоритъ о принесеніи Іосифомъ какихъ—нибудь реликвій. Онъ сообщаетъ лишь, что св. Филиппъ послалъ въ Британію Іосифа („charissimum amicum suum Joseph ab Arimathia, qui et Dominum sepelivit"), и не разсказываетъ ничего болѣе о послѣднемъ. Очевидно, что, когда писалъ Вильгельмъ, въ Glastonbury не знали о Гралѣ. Равнымъ образомъ, легенда о Гралѣ и объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ не могла быть выдана тамъ за открытую въ VIII стол.: этимъ отрицалась бы непрерывность Гластонберійскаго преданія. Могутъ сказать вмѣстѣ съ P. P., что ей нарочно была придана такая обстановка, для устраненія подозрѣнія о составленіи ея въ позднѣйшее время,—подозрѣнія, которое возбуждалось неупоминаніемъ легенды у древнѣйшихъ писателей; но трудно предположить подобную осмотрительность въ XII стол., да и отшельникъ, которому будто бы принадлежитъ перепись легенды Граля, не поставленъ въ связь съ Glastonbury.

Сличая сказаніе о Гралѣ Мар'а съ легендой, которая должна была сложиться, по мнѣнію P. Paris [1]), въ этомъ аббатствѣ, и съ тою, которая была тамъ на самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ существенное несогласіе между этими сказаніями. Іосифъ, крещенный, по разсказу Мар'а, Филиппомъ, отправился, по Гластонберійской легендѣ, не самъ въ Британію, а былъ посланъ туда Филиппомъ изъ Франціи во главѣ 12 миссіонеровъ [2]). Не такъ въ романѣ Мар'а, въ которомъ подробно говорится о путешествіи Іосифа изъ Палестины. Иначе излагаетъ романистъ и дѣятельность первопровѣдниковъ: Іосифъ (правильнѣе—два Іосифа) играетъ у него видную роль, у Вильгельма же de Malmesbury онъ не выдвигается слишкомъ надъ прочими, и о немъ сказано только, что онъ былъ поставленъ во главѣ миссіонеровъ. Не упомянулъ Мар

Brevi dictas duodecim hidas confirmaverunt. *Unde et duodecim hidae per eos adhuc, ut creditur, nomen sortiuntur*«.—Ср. у *C. G. Schoell*'я: De ecclesiasticae Britonum Scotorumque historiae fontibus, MDCCCLI (Berolini apud Wilh. Hertz, Londini ap. Williams et Norgate), p. 40.

[1]) Rom., l. c., p. 470.

[2]) При этомъ намъ вспоминаются двѣнадцать сыновей Брона.—Въ Гластонберійской хроникѣ миссіонеры названы учениками Филиппа и Іакова; также и въ Epistola Patricii.—Касательно преданія о проповѣди Филиппа въ Галліи см. у *Tillemont*'а: Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique des six prem. siecles, t. I, A Bruxelles MDCCXXXII, p. 290.

и объ основаніи Гластонберійскаго монастыря. По сообщенію романиста, Іосифъ Аримаѳейскій умеръ и погребенъ, какъ и сынъ его, въ Шотландіи, въ Гларскомъ аббатствѣ. Св. Граль былъ унесенъ въ „une terre *gastée* (сначала наз. ее *Terre Foraine*) [1]), и тамъ впослѣдствіи, во времена Артура, его откроетъ Галаадъ. Потомъ Граль былъ перенесенъ, по словамъ романиста, въ Сирію, гдѣ былъ взятъ на небо. Между тѣмъ въ Glastonbury ожидали, по словамъ Paulin'a Paris, отысканія когда-нибудь этой реликвіи [2]). Наконецъ, въ Гластонберійской легендѣ половины XII стол. не было и помину о сынѣ и потомствѣ Іосифа Аримаѳейскаго [3]), а равно и объ Артурѣ.

Ясно, что Glastonbury совсѣмъ не выступаетъ въ романѣ Мар'а, въ которомъ сценой дѣятельности первопроповѣдниковъ христіанства является вся Великобританія. По мнѣнію P. P. [4]), это произошло отъ того, что Мар мало заботился объ интересахъ Glastonbury. Намъ кажется, что онъ умышленно игнорировалъ преданіе этого монастыря, которое было, безъ сомнѣнія, извѣстно ему, и не имъ воспользовался въ своемъ вымыслѣ.

Позволяемъ себѣ послѣ этого думать, что далеко еще не доказано заимствованіе Мар'омъ многаго изъ Гластонберійской легенды. Онъ взялъ изъ нея развѣ идею апостольства Іосифа въ Британіи, да нѣсколько—идею другаго своего произведенія о Гралѣ *(La Quête du Saint Graal),* если только уже въ половинѣ XII стол. съ чаяніемъ открытія мощей Іосифа Аримаѳ., на которое надѣялись впослѣдствіи, были соединены тѣ ожиданія, какія связывались потомъ съ этимъ открытіемъ [5]). Нечего, слѣдоват., и придавать такое значеніе Гластонберійской легендѣ, какимъ надѣляетъ ее P. Paris, представляя ее какъ бы основою для композиціи Мар'а, которому принадлежали будто бы только прибавки къ ней и расширеніе ея. P. Paris говоритъ: „въ

---

[1]) Къ *terre gastée* романистъ причисляетъ и pays de Galles.

[2]) Romania, l. c., p. 465.

[3]) О судьбахъ Glastonbury до Люція Вильгельмъ говоритъ: »Sancti igitur memorati in eadem eremo sic degentes, effluentibus multis annorum curriculis carnis ergastulo sunt educti: idemque locus coepit esse ferarum latibulum, qui prius fuerat habitatio sanctorum«.

[4]) Rom., l. c., p. 473.

[5]) См. у Ussher'а, p. 12 (слова будто бы Melkin'a; они приведены и у Skeat'a, p. 70—71) и 16.

этой (т. е. Гластонберійской) легендѣ сообщалось, какъ Іосифъ Аримаѳейскій, вышедши изъ Іудейской темницы, былъ чудеснымъ образомъ перенесенъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, на Британскіе острова, жителей которыхъ онъ обратилъ въ христіанство: послѣ болѣе или менѣе пространнаго разсказа объ его чудесахъ, его представляли умершимъ въ Гластонберійскомъ аббатствѣ. Все, что болѣе содержалъ романъ о Св. Гралѣ, должно разсматривать, какъ созданіе романиста, т. е. Вальтера—или Gautier Map'а" [1]). Вотъ какія небывальщины о Гластонберійскомъ преданьи измыслилъ P. Paris.

Самъ Мар заявилъ, что романъ *La Quête du Saint Graal* написанъ по латинскому оригиналу, найденному въ Салисбери [2]) и содержавшему запись разсказаннаго Артуру Bohor'омъ объ „aventures du Saint—Graal". И когда въ заключеніи романа читаемъ объ этой записи, что „maistre Gautier le traist à faire son livre dou saint Graal", то нельзя, очевидно, приписывать Мар'у намѣреніе утверждать, что въ этой латинской исторіи содержалось и то, что вошло въ первый изъ его романовъ о Гралѣ. Большой романъ о Гралѣ выданъ авторомъ за *переписъ* исторіи, начертанной рукою Самого Іисуса Христа и открытой свыше [3]), хотя авторъ проговаривается иногда и какъ бы ссылается на современниковъ [4]). Гдѣ хранилась эта исторія, пока не была пущена въ обращеніе подъ названіемъ романа о Гралѣ, Мар не пояснилъ этого въ романѣ.

Понятно, насколько P. Paris правъ, предполагая [5]), что Мар пользовался спискомъ Гластонберійской легенды, сообщеннымъ въ Салисбери.

---

[1]) Rom., l. c., p. 470.

[2]) Мар'у былъ предоставленъ, между проч., и Салисберійскій канонникатъ.

[3]) Въ началѣ большаго романа о Гралѣ читаемъ: »*Chil qui* la hauteche et la signourie de si haute estoire comme est chele du graal *met* en scrit..« »Li nons de chelui qui cheste estoire met en escrit..«—Въ 1-й гл. того же романа упоминается »li sainte escriture du graal«.

[4]) Напр.: »Chele kaiere estoit de si grant rikeche ke onques nus hom qui le veist ne seut a dire certainete de quoi ele peust estre. Et tout cil qui faisoient les riches oeures, dont il le virent puis veoir maint, disoient ke en tout le monde n'avoit maniere de si riche pirre dont il n'eust en la kaiere. *Et che dient encore tout chil ki le voient*«.—Въ романѣ встрѣчаются нерѣдко указанія о сохраненіи тѣхъ или иныхъ памятниковъ до времени романиста.

[5]) Rom., l. c., p. 468.

Но еслибы даже относить и къ роману о Гралѣ [1]) ссылку на существовавшую во время Мар'а въ Салисбёри латинскую исторію о послѣднихъ судьбахъ Граля, записанную будто бы при дворѣ Артура, то и это немного значило бы. Нѣтъ основаній вѣрить, подобно Paulin'у Paris, въ существованіе тогда въ Салисбёри такого разсказа на латинскомъ языкѣ. Эта ссылка [2]) придумана романистомъ. Латинской *книги Граля* и легенды о немъ въ *томъ* видѣ или въ *близкомъ* къ тому, въ какомъ мы встрѣчаемъ ее у Мар'а, не было до него на свѣтѣ. Она не могла явиться до него, да и не встрѣчается вовсе слѣдовъ такой книги [3]), между тѣмъ какъ еслибы она существовала до романиста, то была бы извѣстна кому-нибудь и проскользнула бы хоть сколько-нибудь въ исторію, такъ какъ представляла бы чрезвычайный мѣстный интересъ. Въ легендѣ Мар'а нѣтъ и никакихъ признаковъ древности. Къ сказанному прежде о прологѣ романа о св. Гралѣ добавимъ, что ви-

---

[1]) По словамъ Мар'а, исторія Граля долженствовала объяснить прозвище Пендрагона, которое имѣлъ Утеръ, и—какъ былъ утерянъ елей, которымъ помазывали англійскихъ королей до Пендрагона: »....l'estoire de chest liure lor dira cha en auant tout esclairiement pour quoi il fu apieles ensi, et comment ichele unctions fu perdue quant il dut premierement estre courones«. Кромѣ того, въ большомъ романѣ о Гралѣ встрѣчается не разъ упоминаніе, что и онъ переведенъ съ латинскаго: »...come le dit maistres Gautiers Map, qui traist ce livre dou latin en romans...«

[2]) Ее повторяли и другіе. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Кретьенова романа о Персевалѣ говорится:

Dame, por vos s'en a pené
Manesiers tant, qu'il a finé
Selonc l'estoire proprement;
El comencha al saldement
De l'espée sanz contredit;
Tant en a et conté et dit
Si com en Salebières trove,
Si com l'escris temoigne et prove
Que li rois Artus séoit là;
Encor le puent véoir là
Tot séelé en parchemin
Tout chil qui oirrent le chemin.

[3]) Всѣ упоминавшіе о ней говорили со словъ перваго романиста.

веденный въ прологѣ типъ отшельника принадлежалъ современной Мар'у жизни: анахореты были въ Англіи въ XI и XII стол. [1]). Равнымъ образомъ, оказывается бывшею въ ходу во время Мар'а и подробность о врученіи Самимъ І. Христомъ книги о св. Гралѣ автору сказанія о немъ [2]). Что это сказаніе—не кельтская легенда, доказатель-

[1]) См. напр., въ *Matth. Paris.* Hist. Angl., ad a. 1110 (p. 214 по изд. 1866), 1154 (p. 300—301), 1170 (p. 352). Вообще отшельники часто фигурируютъ въ бретонскихъ романахъ.

[2]) Rom., l. c., p. 465—466. — Къ указаніямъ г. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 4, ст.: „*Опыты по исторіи развитія христіанской легенды*", стр. 362—363) прибавимъ извѣстіе, встрѣченное нами въ англійской хроникѣ подъ 1200 г.: »Circa dies illos abbas de Flay Eustachius, divino admonitus oraculo, in Anglia publice et eleganter praedicans populo et clero, fructum fecit multiplicem. Perterruit enim non mediocriter quaedam, ut dicebatur, carta demissa de coelo a Deo comminatoria, in terram missa, quam homines praeviderant per tres dies et noctes ex alto in aere dependentem, et corruentes in terram, orabant omnes hoc huic mundo in bonum provenisse pronosticum. Unde descendens in Ierusalem, appensa est super altare sancti Simeonis in Golgotha, ubi Dominus Christus Ihesus crucifigebatur pro salute humani generis universali«. *Matth. Paris.* Hist. Angl., vol. II, p. 86—87.—Въ коптской исторіи Іосифа Древодѣла говорилось: »Narravit Salvator noster omnem vitam ejus Apostolis in monte Oliveto, Apostoli autem scripserunt eam et intulerunt Bibliothecae quae Hierosolymis est« *Thilo*, Cod. apocr. N. T., XXII—XXIII. — Утверждали, что св. Мамерту (въ V в.) была открыта судьба Пилата. — Объ авторѣ латинскаго оригинала, по которому будто бы написанъ прозаическій романъ о Персевалѣ, изданный Potvin'омъ, сказано, что онъ изложилъ *Haute histoire* »par l'anoncion de l'angle« (*Potvin,* Percev. le Gallois, prem. partie, Le rom. en prose, p. 354). Одинъ труверъ XIII стол. также утверждалъ, что ангелъ побудилъ его писать романъ. *A. Dinaux,* Trouvères de la Flandrie et du Tournaisis, Paris, Valenciennes 1839, p. 106.—Нѣсколько напоминаетъ прологъ къ роману о св. Гралѣ одно изъ латинскихъ стихотвореній, которыя усвояли Мар'у, именно »Apocalipsis Goliae episcopi«. *Th. Wright,* The latin poems commonly attributed to Walter Mapes, Lond., printed for the Camden Society, MDCCCXLI, p. 1—20. Г. Веселовскій замѣчаетъ о врученной Спасителемъ книгѣ Граля: „То, что̀ говорится объ этой книгѣ, напоминаетъ стиль заговорной формулы" (Цитир. ст., стр. 362). Мы съ своей стороны укажемъ на то, что̀ разсказывали объ Epistola Sancti Salvatoris. См. The Thornton Romances. Ed. by *I. O. Halliwell,* Lond., printed for the Camden Society, MDCCCXLIV, p. XXX. Подобныя письма были въ ходу и у насъ. См. Памятники отреченной русской литературы, собр. и изд. *Н. Тихонравовымъ,* т. II (М. 1863), стр. 314—322.

ствомъ можетъ служить, между проч., недавно изданный валлійскій романъ о Гралѣ [1]), представляющій переводъ французскихъ романовъ [2]) безъ существенныхъ измѣненій, которыя указывали бы на обращеніе у кельтовъ самостоятельно созданныхъ легендъ о томъ же предметѣ. Св. Граль не названъ даже pair (per) [3]).

Hucher допускаетъ пользованіе со стороны Мар'а латинской книгой Граля, но только ограничиваетъ содержаніе ея, представляющееся ему не столь сложнымъ, какъ Paulin'у Paris. Ниже мы позволимъ себѣ высказать сомнѣніе въ томъ, чтобы Мар имѣлъ передъ собою и такую латинскую книгу, а пока замѣтимъ, что, во всякомъ случаѣ, схема и идея фабулы Граля *въ томъ видѣ, въ какомъ* мы *застаемъ ее въ большомъ романѣ* о Гралѣ, принадлежали единичному вымыслу поэта.

Вникая въ тенденцію романа, можно усмотрѣть, что идея, проникающая этотъ памятникъ отъ начала до конца, могла возникнуть, если только это не случилось въ періодъ борьбы національной бриттской церкви съ римскою,—въ правленіе Генриха II.

Мы привели уже мнѣніе P. P., по которому Генрихъ II пригласилъ Мар'а взять сюжетъ для романа въ латинской книгѣ Граля не столько для угожденія Гластонберійскимъ монахамъ, сколько для пріобрѣтенія новыхъ аргументовъ противъ динарія св. Петра и другихъ претензій римской церкви [4]).

---

[1]) Y Seint Graal. Originally written about the year 1200. Ed. by the Rev. *Robert Williams*. Lond. 1876. VIII and 776 p.

[2]) Издатель не указалъ (см. Preface, p. IV) оригинала второй части (p. 171—433). По нашему мнѣнію, она—переводъ прозаическаго романа о Персевалѣ, изд. Potvin'омъ. Послѣдній отражаетъ знакомство съ книгою Мар'а и до извѣстной степени—вліяніе ея (см., напр., описаніе обѣдни, которую совершалъ отшельникъ въ капеллѣ св. Августина, p. 13—14). Если приписывать автору романа о Персевалѣ слова (p. 348) о мѣстѣ нахожденія латинскаго оригинала, по которому написанъ романъ, то послѣдній должно счесть явившимся на свѣтъ не ранѣе 1189 г., когда въ Glastonbury открыли гробы Артура и Жиневры.

[3]) О появленіи Граля въ залѣ Круглаго Стола говорится (гл. V, p. 10): »ef adoeth ymywn attunt y mawrvrydic lestir aelwir y greal«. Въ началѣ второй части (p. 171) читаемъ: »Er ystorya honn a draetha y wrth y racwerthuawr lestyr yr hwnn a elwir y greal«.

[4]) Rom., l. c., p. 466.

Такой поводъ къ написанію романа, явившагося несомнѣнно по желанію Генриха [1]), въ высшей степени вѣроятенъ.

Романъ о Гралѣ Мар'а—вовсе не благочестиво поучительная поэма. Чрезъ оболочку историческаго повѣствованія, обставленнаго значительнымъ количествомъ постороннихъ эпизодовъ, ясно сквозитъ тенденція показать особность происхожденія всей британской церкви и провести мысль, что основатель ея, Іосифъ Аримаѳейскій, и его сынъ получили отличающееся отъ обыкновеннаго освященіе и были возвышены надъ всѣми христіанами, и что, слѣд., іерархія, ведшая отъ нихъ начало по благодати [2]), была выше другихъ іерархій. Однимъ словомъ, романистъ желалъ утвердить самостоятельность британской церкви [3]).

Сообразно съ этимъ придумано и расположено и все содержаніе повѣствованія.

Британская церковь выводится въ романѣ не изъ Рима, а съ востока. Даже значительная часть простыхъ членовъ этой церкви пришли оттуда. Обстоятельство весьма замѣчательное—что возлѣ Іосифа сгруппировалось цѣлое общество, въ которомъ и мужчины, и женщины. Иногда это общество называется прямо народомъ. Картина странствованій его запечатлѣна библейскимъ колоритомъ. Несеніе Граля и его обстановка напоминаютъ несеніе Скиніи Завѣта, странствованіе окру-

---

[1]) Объ этомъ говорится довольно часто въ рукописяхъ Граля. Любовь Генриха II къ поэзіи и въ частности интересъ его къ бретонскому циклу извѣстны. *Giraldus Cambrensis* замѣчаетъ въ Expugnatio Hibernica (lib. III, praefatio—Opera, ed. by I. F. Dimock, vol. V, p. 402): »...Merlini istius (i. e. Celidonii Silvestris) expositionem Anglorum regem Henricum secundum summopere requisisse multoties audieram«.

[2]) Божественный гласъ возвѣстилъ Іосифу: »Cil qui tel ordre auront, des ores en avant le rechevront de Iosephe par toutes les terres où je metrai et toi et ta semence«.

[3]) Мимоходомъ у Мар'а прорываются замѣчанія, клонящіяся къ освобожденію свѣтской власти отъ притязаній того же Рима. Изъ стклянки, изъ которой былъ помазанъ Господомъ Iosephe, было взято помазаніе, служившее для освященія христіанскихъ королей Великобританіи до Утеръ-Пендрагона, отца Артура. Въ изображенной Мар'омъ общинѣ духовная власть была весьма скоро отдѣлена отъ свѣтской.

жавшихъ Граль—странствованіе Израильтянъ, Іосифъ—Моисея [1]), исторія съ Moïse—исторію Даѳана и Авирона, питаніе спутниковъ Іосифа въ лѣсу—питаніе Израильтянъ въ пустынѣ перепелами и манной. Въ случаѣ бѣдствій, послѣдовавшіе за Іосифомъ обращались къ нему такъ, какъ Израильтяне обращались къ Моисею, и Іосифъ бесѣдовалъ съ Богомъ подобно Моисею. Іосифъ говорилъ нерѣдко по внушенію Бога, который заправлялъ всѣмъ въ судьбахъ общины, если не лично повелѣвая, то возвѣщая приказанія чрезъ ангеловъ [2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Іосифъ уподобляется Аврааму: какъ послѣднему, такъ и Іосифу Господь обѣщалъ даровать землю, въ которой должно было жить его потомство (lignée). Въ романѣ сообщается довольно подробно о выходѣ общины изъ восточныхъ странъ [3]), и не говорится ничего о связи ея съ какими-нибудь другими церквами; ихъ какъ будто и не было, апостолы игнорируются, и община держится какъ-то одиноко. Какъ и de Borron, Мар ввелъ въ свой романъ Петра, но у англійскаго романиста послѣдній занимаетъ второстепенное положеніе въ сравненіи съ Іосифомъ. Божественный гласъ возвѣстилъ Іосифу—сыну: „я испыталъ тебя и призналъ болѣе чистымъ и болѣе свободнымъ отъ естественныхъ грѣховъ, чѣмъ возможно представить смертное существо. И

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ Мар'ова романа есть прямое сопоставленіе Іосифа съ Моисеемъ. См. ниже. Интересно, что въ нѣмецкихъ историческихъ библіяхъ встрѣчается упоминаніе *епископа* при описаніи одеждъ священнослужителей скиніи. *Ed. Reuss*, Die deutsche Historienbibel vor der Erfindung des Bücherdrucks, Jena 1855, S. 35.

[2]) Подобныя черты встрѣчаемъ и въ прозаическомъ Персевалѣ, приписываемомъ de Borron'у. По выходѣ изъ Палестины, Іосифъ отправился съ Израильтянами *въ пустыню* (*Hucher*, Le S.-Graal, I, 407). »Et tant que il furent bien, si orent la grâce notre seygnor et qant il furent autrement, si lor deffailli« (ib., 418).

[3]) Изъ Палестины Израильтяне отправились по направленію къ городу Sarras, а оттуда—въ Британію. По словамъ романа, Sarras находился гдѣ—то въ при-евфратскихъ мѣстностяхъ, на разстояніи 11 дней пути отъ Іерусалима, между Вавилономъ и какимъ-то »Salauandre«. По этому городу были названы Сарацины. Въ Парцивалѣ Вольфрама встрѣчается Sêres (XIII, 78), о которомъ Bartsch (Wolfram's v. Eschenb. Parz. u. Tit., III, 188) пояснилъ: »Volk in östlichen Asien, Chinesen«.

такъ какъ я знаю, что ты лучше, чѣмъ ты самъ думаешь—поелику я знаю тебя отрѣшеннымъ отъ алчности, свободнымъ отъ уныния и гордости, чистымъ отъ всякаго коварства, непричастнымъ страстамъ и исполненнымъ цѣломудрія—вслѣдствіе этого я желаю, чтобы ты принялъ изъ моихъ рукъ самый высокій даръ, какой только можетъ смертный имѣть; ты одинъ получишь его изъ моихъ рукъ, и всѣ, которые будутъ имѣть его потомъ, получатъ изъ твоихъ". Потомъ Господь сказалъ Іосифу: „я желаю теперь, чтобы ты получилъ обѣщанную тебѣ высшую милость: это—таинство моей плоти и крови, и его увидитъ открыто мой народъ, ибо я желаю, чтобы всѣ могли свидѣтельствовать предъ королями и графами о видѣнномъ помазаніи, совершенномъ мною надъ тобою для поставленія тебя верховнымъ по порядку за мною пастыремъ моихъ новыхъ овецъ, т. е. верховнымъ епископомъ моихъ недавно обратившихся христіанъ. И подобно тому какъ мой вѣрный рабъ Моисей водительствовалъ и управлялъ сынами Израиля въ силу данной ему власти, такъ и ты будешь стражемъ этого моего народа. Ибо они узнаютъ изъ твоихъ устъ, какъ они должны будутъ служить мнѣ, какъ имъ исполнять новый законъ и хранить вѣру". Іосифъ былъ торжественно посвященъ во епископа Самимъ Спасителемъ въ сослуженіи ангеловъ [1]). Мимоходомъ романистъ замѣчаетъ, что тутъ впервые было употреблено епископское облаченіе и получила начало должность trésorier. Вообще романъ относитъ ко времени Іосифа нѣсколько церковныхъ установленій. Всѣ эти подробности, хотя

---

[1]) Мар упомянулъ, что въ городѣ Sarras и въ его время находилось сѣдалище, на которое былъ посаженъ Iosephe при первой моссѣ. Можетъ быть, Мар хотѣлъ противопоставить это сѣдалище каѳедрѣ Ап. Петра, которую показывали въ Римѣ. Что касается описанія мессы, то интересно сличить съ нимъ изображенія, о которыхъ см. у *Didron*'а: Manuel d'iconographie chrétienne, Paris, MDCCCXLV, p. XXXVI—XXXVII и 229—231. Оказывается, что повѣствованіе романа о первой мессѣ—воспроизведеніе иконографическихъ сюжетовъ. Ангелы съ орудіями распятія, являющіеся у Мар'а, нерѣдки въ иконографіи. *Древности*, т. IV, стр. 24. Вообще романы Круглаго Стола могутъ быть удовлетворительно разъяснены только при обстоятельномъ знакомствѣ со всѣми сферами тогдашней жизни и со всѣми отраслями тогдашней культуры.

выступали въ романѣ, должны были, при популярности послѣдняго и при тогдашней легковѣрности, имѣть значеніе въ тотъ вѣкъ.

Изъ сказаннаго видно, насколько легенда о Гралѣ или—правильнѣе—объ Іосифѣ Аримаѳ. проникнута у Мар'а анти-римскими тенденціями.

Сразу можетъ показаться, что для Мар'а было весьма удобно примкнуть къ Гластонберійской легендѣ. Положивъ ее въ основу своего повѣствованія, онъ имѣлъ бы за собою не какую-то никому невѣдомую книгу Граля, а преданіе, которое было признано подлиннымъ даже въ королевской грамотѣ, и не подрывалъ бы авторитета Гластонберійской легенды [1]).

Но, вникнувъ поглубже, нельзя не замѣтить, что для Мар'а было не совсѣмъ невыгодно замѣнить эту легенду тою, которая выставлена имъ самимъ. При развитіи послѣдней, цѣль Мар'а достигалась гораздо лучше. Съ точки зрѣнія Мар'а, для него невозможно было ограничиться временемъ и личностію Іосифа Аримаѳ. и было необходимо продолжить исторію и показать, что и на послѣдующія поколѣнія перешло, благодаря непрерывному существованію основанной въ Британіи церкви, освященіе, дарованное насадителю ея. Мар хотѣлъ представить, что церковь, основанная Іосифомъ и его спутниками, охватила всѣ Британскіе острова. Наконецъ, романистъ желалъ привязать эту фабулу къ Артуру (для чего—увидимъ далѣе). Приступая къ письменному изложенію своего замысла, Мар нашелъ готовую легенду объ Іосифѣ въ Glastonbury, но съ ней не соединялись претензіи, какія хотѣлъ связать съ нею Мар. По этой легендѣ, Іосифъ Аримаѳ. окончилъ свои дни на островѣ, данномъ миссіонерамъ царемъ—язычникомъ, не основавши болѣе никакихъ церквей въ Британіи. Гластонберійская легенда не говорила ничего о потомствѣ Іосифа. Понятно, что Мар'у было выгодно обойти представлявшуюся во всемъ этомъ трудность, не перемѣняя *слишкомъ* фабулы объ Іосифѣ, сложившейся въ Glastonbury. Мар отступилъ отъ послѣдней не безъ особеннаго умысла и не изъ небреженія къ интересамъ Glastonbury, какъ думаетъ P. Paris. Мар нашелся весьма ловко. На мѣсто одного Іосифа онъ выставилъ двухъ, отца

---

[1]) Ужъ не ради возстановленія авторитета Glastonbury тамъ объявили потомъ о нахожденіи гроба Артура?

(Іосифъ Аримаѳейскій, въ романѣ—Joseph) и сына (Josephe, Josephes) [1]), и выдвинулъ рядъ другихъ лицъ. Въ то время какъ сыну Господь ввѣрилъ управленіе душами, отцу его Онъ оставилъ заботу о тѣлесныхъ нуждахъ. На мѣсто Іосифа Аримаѳ. было поставлено лицо, могшее вполнѣ замѣнить его въ іерархическомъ отношеніи по родству съ нимъ, и Іосифъ Арим. незамѣтно стушевывался, не стѣсняя болѣе Мар'а своею личностію, что давало романисту просторъ большій того, чѣмъ какой онъ могъ имѣть, руководясь Гластонберійской легендой.

Повторяемъ: будь легенда, изложенная Мар'омъ, выдвинута даже въ общихъ очертаніяхъ какимъ-нибудь патріотомъ—бриттомъ въ опру борьбы національной галльской церкви съ римскою, или будь проводима какою-нибудь корпораціею до времени Генриха II, она оставила бы, при чрезвычайной смѣлости и оригинальности своего направленія, хоть сколько-нибудь явственные слѣды своего существованія.

Если приходится усвоить, такимъ образомъ, составленіе легенды, развитой въ романѣ Мар'а, какому-нибудь отдѣльному лицу, жившему въ Англіи при Генрихѣ II, когда тамъ проявилось значительное негодованіе противъ Рима [2]), то никому нельзя приписать это составленіе съ такою вѣроятностію, какъ Мар'у, считавшемуся переводчикомъ латинской книги Граля, или, какъ называли ее, „halte estoire du Saint—Graal",—другу Генриха II [3]) и, слѣд., державшему его сторону въ борьбѣ его съ Римомъ [4]) и притомъ человѣку весьма способному къ написанію подобнаго произведенія, какъ по своему поэтическому таланту, такъ и по образованію, дополненному, вѣроятно, во время обшир-

---

[1]) Потомъ этого втораго Іосифа приняли и въ Glastonbury. *Usscher*, p. 8—9.

[2]) См., между проч., въ Early mysterics and other latin poems of the twelfth and thirteenth centuries, ed. by *Th. Wright*, Lond. 1838, p. XXIV—XXV. Нѣсколько стихотвореній, направленныхъ противъ Рима, помѣщено Wright'омъ въ »The latin poems comm. attribut. to Walt. Mapes«.

[3]) »Unde cum sequela curiae fuerit et regis Henrici secundi.... (domesti) cus familiaris....« *Speculum Ecclesiae* -- въ Latin poems comm. attribut. to W. Mapes, p. XXXI.

[4]) Мар вообще не любилъ монашества.

ныхъ путешествій Мар'а [1]), а также—по любви къ легендамъ и занятіямъ свѣтскою поэзіею [2]).

Свидѣтельство рукописей подтверждается, так. образомъ, посторонними фактами.

Кромѣ тенденціи романа, Мар'у должны были принадлежать, какъ видно изъ предыдущаго, и схема, и построеніе разсказа. Другое дѣло—подробности, отдѣльные эпизоды и части, изъ которыхъ сложенъ романъ. Въ настоящее время уже не сомнѣваются въ сшивкѣ его изъ отдѣльныхъ фабулъ. И въ самомъ дѣлѣ, не все въ романѣ Мар'а—плодъ личнаго творчества, и если многое явилось впервые подъ перомъ Мар'а, то не меньше получено имъ готовыхъ подробностей [3]).

---

[1]) *Wright*, Biogr. Brit. lit., Anglo-Norman per., p. 298.—Большой романъ о Гралѣ обличаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ св. писаніемъ, въ своеобразныя толкованія котораго онъ иногда пускается,—знакомство, далѣе, съ церковнымъ ритуаломъ и тогдашними богословскими доктринами и большую начитанность помимо того. Автора сильно занимали различныя догматическія трудности, напр., единство Божества при троичности въ лицахъ, непорочное зачатіе, пресуществленіе, и онъ старался наглядно объяснить ихъ. Вдается онъ также въ объясненіе подробностей богослуженія. Клирика обличаютъ встрѣчающіяся въ романѣ молитвы. Иногда авторъ принимается за опроверженіе мнѣній, считаемыхъ имъ ложными, напр.—относительно происхожденія Сарацинъ.

[2]) Прямое указаніе на занятія Мар'а свѣтскою литературою находимъ въ Symbolum Electorum *Giraldi Cambrensis* (Opera, vol. I, p. 271—289). См. также въ ст. Paulin'a Paris: Rom., l. c., p. 471—472.

[3]) Къ общераспространеннымъ мотивамъ относится подробность о дикомъ звѣрѣ, пожиравшемъ людей. Находятъ, далѣе, въ романѣ о Гралѣ черты, встрѣчающіяся въ разсказахъ „Тысячи и одной ночи“. Къ античнымъ сюжетамъ принадлежатъ эпизоды о разбойникѣ Focart'ѣ и Иппократѣ. О послѣднемъ см. у *Leroux de Lincy*: Essai historique et littéraire sur l'abbaye de Fécamp, Rouen MDCCCXL, p. 128—129, и въ Early English Prose Romances, ed. by *W. I. Thoms*, sec. edit., vol. II (Lond. 1858), p. 11—12. Латинская басня напечатана *Th. Wright*'омъ въ A selection of latin stories, Lond. MDCCCXLII, p. 74 (cf. p. 232), a Le lay d'Aristote въ собраніяхъ Fabliaux. Изображеніе любовницы Александра Македонскаго, ѣдущей на Аристотелѣ, взнузданномъ подобно коню, нашло себѣ мѣсто даже въ церковныхъ рельефахъ на западѣ. Подъ птицей Serpelion'омъ должно разумѣть феникса; на это указалъ *Grässe*

Къ послѣднимъ должно причислить главную изъ отдѣльныхъ исторій,—исторію Іосифа Аримаѳейскаго, отдѣльность которой отъ прочаго содержанія романа несомнѣнна.

По мнѣнію Hucher, тѣмъ же источникомъ, что и Мар, пользовался въ изложеніи исторіи Граля и de Borron.

По мнѣнію Paulin'a Paris, Гластонберійская легенда получила начало во Франціи, латинское сказаніе о Гралѣ было передѣлкою легенды Moienmoutier [1]), и подтвержденіе этого P. P. готовъ видѣть въ поэмѣ того же de Borron'a, изложившаго легенду о Гралѣ одновременно съ Мар'омъ и, по взгляду P. P., независимо отъ него.

Во всякомъ случаѣ, замѣчается совпаденіе во многомъ между повѣствованіями Мар'а и de Borron'a, и, такимъ образ., вопросъ объ источникѣ сказанія Мар'а о Гралѣ приводится въ связь съ вопросомъ объ источникѣ, изъ котораго черпалъ de Borron.

Поэма de Borron'a можетъ, дѣйствительно, навести на интересныя соображенія объ источникѣ произведенія Мар'а и вообще сказанія о Гралѣ, но только этотъ источникъ представляется намъ не такимъ, какимъ воображаетъ его P. P.

Французскій ученый обращаетъ вниманіе на то, что въ XIII стол., „въ эпоху наибольшей славы романовъ Круглаго Стола, въ Вогезахъ не забыли, что тѣло Іосифа пребывало довольно долго въ Moienmoutier, что оно было принесено туда съ востока и было похищено оттуда чужестранными монахами“ [2]).

Слѣды *только такого* преданія и встрѣчаются тамъ, и хроника, сказавшая о пребываніи нѣкогда въ Moienmoutier мощей Іосифа Аримаѳейскаго, не коснулась ни словомъ легенды этого святаго и не упо-

---

(Beiträge zur Literatur und Sage des Mittelalters, Dresden 1850, S. 76). Вошли въ романъ Мар'а апокрифы и, наконецъ, нѣкоторыя подробности взяты изъ области легендъ. Видѣніе, въ которомъ представлялся распятый на крестѣ Спаситель, имѣло мѣсто во время перваго крестоваго похода, по разсказамъ историковъ этого похода. См. въ Raimondi de Agiles Historia Iherusal.: *Gesta Dei per Francos*, Hanoviae, MDCXI, p. 165—166. О Бѣломъ Рыцарѣ см. у Skeat'a, l. c., p. 64. Вообще замѣчаніе Мар'а объ исторіи Граля, что она »est estrais de toutes les ystoires«, вполнѣ приложимо къ его роману.

[1]) Rom., l. c., p. 465.

[2]) Rom., l. c., 458.

мянула о принесеніи на западъ съ мощами Іосифа или прежде того пресловутой чаши или другой подобной реликвіи.

Преданіе о мощахъ Іосифа и легенда о Гралѣ—не одно и тоже. А между тѣмъ P. Paris старается установить на основаніи перваго, что въ Moienmoutier была извѣстна и послѣдняя.

По мнѣнію французскаго ученаго, Robert de Borron въ поэмѣ объ Іосифѣ Аримаѳ. „слѣдовалъ преданію, сохранившемуся въ Вогезахъ" [1]). Онъ „переложилъ въ стихи эту легенду въ то самое время, какъ началъ распространяться слухъ о книгѣ св. Граля, написанной полатыни и только что переданной во французской прозѣ „великими клерками". И его поэма, если повѣримъ въ томъ автору, имѣла первенство предъ прозаическимъ романомъ" [2]).

P. Paris какъ бы полагаетъ, что легенда о Гралѣ начала развиваться съ прибытіемъ мощей Іосифа Аримаѳ. на западъ: „клерикальное воображеніе, которому уже былъ поданъ намекъ цитированными мною текстами (разумѣются евангеліе Никодима и Vindicta Salvatoris), не могло оставаться бездѣятельнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что то было въ вѣкъ Гильдуина, знаменитаго аббата С.-Дени,—въ то время, когда толковали о прибытіи во Францію и Ареопагита, и дитяти, явившагося на горѣ съ тремя рыбами и пятью хлѣбами, и воскрешеннаго Лазаря и Магдалины, неразлучной съ сосудомъ благовоній. Если Іосифъ закрылъ по свидѣтельству евангелія язвы Спасителя, то не могли сомнѣваться въ собраніи и сохраненіи крови, которою было обагрено тѣло Христово; и не была ли это драгоцѣннѣйшая изъ реликвій"? [3])

Все это—предположенія безъ фактической основы: ничто не уполномочиваетъ думать, что начало легенды о Гралѣ — непремѣнно въ Moienmoutier [4]). Фортунату, какъ скоро нигдѣ еще не было реликвіи

---

[1]) Ibid. p. 480. Существованіе такого преданія готовъ допустить и Hucher.

[2]) Ib., 481.

[3]) Ib., 461.

[4]) P. P. думаетъ, что уже во время пребыванія мощей Іосифа Аримаѳ. въ Moienmoutier составилась фабула о собраніи крови Христовой въ знаменитую чашу. Сказавши объ образованіи этой фабулы, P. P. говоритъ: »*La légende s'était ainsi developpée,* quand la châsse qui contenait les os de Ioseph d'Arimathie fut, comme on a vu plus haut, enlevée de Moienmoutier par des moines étrangeres«. Rom., l. c., p. 462.

Граля и его исканія и какъ скоро на востокѣ не обращалась еще въ то время легенда о Гралѣ, не было особенной надобности выдумывать какую-нибудь легенду; достаточно было того, что говорилось объ Іосифѣ въ евангеліяхъ и неканонической письменности первыхъ вѣковъ: мощи Іосифа почерпали достаточно важности и изъ евангельскаго разсказа. Если, несмотря на всеобщую извѣстность послѣдняго, Фортунатъ нашелъ нужнымъ, вручая мощи, сообщить и легенду объ Іосифѣ, то онъ могъ ограничиться повтореніемъ разсказа, найденнаго въ каноническихъ евангеліяхъ и въ евангеліи Никодима [1]). Въ Никодимовомъ евангеліи и въ Vindicta Salvatoris жизнь Іосифа доведена до разрушенія Іерусалима, и не было особеннаго повода къ продолженію и дальнѣйшему развитію легенды, кромѣ развѣ неизвѣстности изъ этихъ памятниковъ судьбы Іосифа послѣ разрушенія Іерусалима. Но и эта неизвѣстность разрѣшалась нѣкоторымъ образомъ нахожденіемъ мощей Іосифа въ Палестинѣ. Это послѣднее обстоятельство могло препятствовать расширенію легенды Іосифа въ Moienmoutier въ смыслѣ прибавки къ ней сказанія о миссіонерскихъ подвигахъ Аримаѳейскаго праведника на западѣ. Точно также, если полагали, что самъ Іосифъ окончилъ жизнь на востокѣ, то что̀ могло заставить думать и толковать, что, несмотря на то, онъ отправилъ на западъ драгоцѣнную реликвію? [2]) Легенда о посылкѣ ея туда могла составиться только съ появленіемъ на западѣ реликвій крови Христовой и съ исчезновеніемъ мощей Іосифа Аримаѳейскаго.

Но еслибы даже въ Moienmoutier развилась подробная легенда объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, въ которой говорилось бы о собраніи имъ крови, то, съ похищеніемъ мощей, она возбуждала бы тамъ менѣе интереса, терялась бы постепенно изъ памяти [3]) и сдвали бы додержалась до XII-го стол., какъ скоро въ монастырѣ не было на лицо са-

---

[1]) Повѣствованіе Никодимова евангелія было извѣстно во Франціи съ давней поры. У *Григорія Турскаго* встрѣчается разсказъ объ Іосифѣ, представляющій видоизмѣненіе разсказа этого апокрифа (Historia Francorum, lib. I, cap. XX: Patrol. curs. compl., t. LXXI, 1849, col. 171—172).

[2]) P. Paris думаетъ (Rom., l. c., 480—481), что уже въ Moienmoutier была приписана Іосифу посылка на западъ родственниковъ и друзей „для распространенія тамъ сѣмянъ новой вѣры“.

[3]) Нѣтъ основаній думать, что она была записана.

михъ мощей, а еслибы и додержалась, то все-таки для de Borron'a не было бы повода познакомиться съ этимъ преданіемъ, касавшимся исключительно исторіи монастыря Moienmoutier, и изложить это преданіе въ цѣлой поэмѣ.

Ясно, что нѣтъ прочныхъ доказательствъ заимствованія de Borron'омъ легенды о чашѣ изъ Moienmoutier, и нечего толковать о Вогезскомъ преданіи.

Hucher принимаетъ иной источникъ для de Borron'ова произведенія. Раздѣляя мнѣніе P. P. относительно популярности легенды Іосифа Аримаѳ. въ Лотарингіи, допуская, что мощи его были украдены гластонбэрійскими монахами, и говоря, что открытіе P. P. объясняетъ двойное развитіе легенды,—сначала въ Англіи, а потомъ въ Montbéliard'ѣ, Hucher полагаетъ при всемъ томъ, что „Robert de Borron долженъ былъ принести канву своего романа изъ за-моря".

Предварительно повѣрки этого предположенія, коснемся текстовъ, въ которыхъ дошло до насъ произведеніе de Borron'a, такъ какъ классификація ихъ играетъ большую роль въ комбинаціяхъ Hucher и не безъ значенія для рѣшенія нашей задачи. Безъ разсмотрѣнія вопроса о текстахъ поэмы объ Іосифѣ Аримаѳ. не были бы вполнѣ ясны и обоснованы наши заключенія о ней.

Произведеніе de Borron'a сохранилось въ двухъ изложеніяхъ, прозаическомъ и стихотворномъ, при чемъ послѣднее имѣется въ одномъ лишь спискѣ и то—неполномъ. Затрудненіе увеличивается тѣмъ, что нѣтъ ни одного манускрипта поэмы, который былъ бы древнѣе половины XIII стол., и крайнее разстояніе между рукописями по времени написанія ихъ—лѣтъ 50.

Французскіе ученые, занимавшіеся въ послѣднее время романомъ о Гралѣ, пришли къ совершенно противоположнымъ выводамъ объ этихъ текстахъ.

P. Paris, которому были извѣстны важнѣйшіе тексты, принятые въ соображеніе Hucher [1]), полагаетъ, что подлинный или ближайшій къ подлинному текстъ de Borron'ова произведенія должно видѣть въ риѳмованномъ изложеніи [2]), Hucher же открываетъ такой текстъ въ прозаической передачѣ и думаетъ, что поэма объ Іосифѣ Аримаѳ. въ

[1]) *P. Paris*, Les rom. de la T. R., I, 117.

[2]) Ibid., 116—119.

истхахъ—болѣе поздняя передѣлка первоначальнаго произведенія de Borron'а, относящаяся къ концу XIII или къ началу XIV стол. [1]).

По нашему мнѣнію, не могутъ быть названы вполнѣ рѣшающими дѣло ни замѣчанія Paulin'а Paris о текстахъ, ни замѣчанія Hucher.

Правда, возраженія Hucher противъ отзыва Paulin'а Paris о прозаическихъ текстахъ довольно слабы [2]), но, съ другой стороны, принялъ наступательное положеніе и Hucher по отношенію къ риѳмованному тексту. Въ книгѣ его находимъ цѣлый рядъ сопоставленій прозаическаго изложенія съ риѳмованнымъ, при чемъ Hucher постоянно старается показать, что текстъ стиховъ „ниже" трехъ прозаическихъ текстовъ „въ отношеніи логики, точности и языка" [3]).

---

[1]) Тоже говорили и ранѣе Hucher, напр. *Moland* въ Orig. litt. de la France.

[2]) На замѣчаніе P. P. по поводу названія Gautier—»*conte* de Montbéliard« въ Ms. de la Bibl. Nat. Cangé 4, № 748 nouveau, 7170³ ancien (Hucher обозначаетъ этотъ MS. буквой C, въ чемъ мы послѣдуемъ ему), что Gautier никогда не владѣлъ графствомъ Montbéliard, Hucher возражаетъ, что Gautier, родившійся въ Montbéliard'ѣ и бывшій коннетаблемъ іерусалимскаго короля (какъ это послѣднее важно въ данномъ случаѣ!), могъ имѣть право на подобный титулъ, по взгляду de Borron'а или позднѣйшихъ переписчиковъ. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Ms. de l'Arsenal № 225 (Ms A) нѣтъ слова »comte«, но Hucher относитъ это отсутствіе къ сокращеніямъ, постоянно допускаемымъ рукописью A. Ms. A однако едвали бы выбросилъ слово »comte«, еслибы оно было въ его оригиналѣ, и »conte« Ms. C. должно считать вставкою, какъ и слова о de Borron'ѣ: »où cui servise il estoit«, тоже находящіяся въ одномъ спискѣ C. и кажущіяся Hucher столь интересными. Какъ бы то ни было, преимущество въ данномъ случаѣ на сторонѣ риѳмованнаго текста. О Gautier de Montbéliard есть статья въ *Revue d'Alsace* (Iuillet-Août-Septembre 1875).— Шатко опроверженіе у Hucher и другихъ замѣчаній P. Paris о прозаическихъ текстахъ. Hucher пытается защитить (Le S.-Graal, I, p. 87) автора прозаическаго текста отъ обвиненія по поводу отнесенія слова despit къ названію креста. Что ни говорить, а на основаніи употребленія этого слова въ качествѣ синонима поруганія на крестѣ и отсюда—самаго креста еще нельзя было бы сказать, что *Іудеи называли крестъ despit*: »la croix que il apeloient despit« (*Hucher*, Le S.-Graal, I, 217). Въ Ms. D., H. и Mans'скомъ нѣтъ этой фразы. Очевидно, что она принадлежитъ къ вставкамъ, которыя такъ немалочисленны въ Ms. C, и споръ изъ-за нея для оцѣнки вообще прозаическихъ текстовъ неумѣстенъ.

[3]) Le S.-Graal, I, 81—82.

Методъ, приложенный Hucher въ критикѣ текстовъ, не можетъ привести къ вѣрнымъ результатамъ.

Очевидно, что въ одномъ случаѣ могъ выразиться лучше прозаикъ, а въ другомъ стихотворецъ, что̀ и видимъ [1]), и по достоинствамъ и недостаткамъ изложенія нельзя судить, кто писалъ ранѣе. Поэтому мы не станемъ касаться указаній Hucher на неудачныя выраженія трувера. Не должно забывать также, что проза даетъ болѣе простора опредѣленности выраженій, и неудобопонятность, и темнота стихотворнаго текста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [2]) не говорятъ противъ него сами по себѣ: онѣ обусловливались риѳмой. Не имѣетъ значенія и указаніе на ходъ разсказа въ обѣихъ редакціяхъ: о средневѣковыхъ произведеніяхъ нельзя судить съ точки зрѣнія современной тщательности въ отдѣлкѣ литературныхъ произведеній. Равнымъ образомъ, не слѣдуетъ относить къ позднѣйшему времени риѳмованный текстъ на основаніи сравнительно не столь стараго языка его. Самъ Hucher признаетъ, что и въ риѳмованномъ текстѣ сохранилось немало старыхъ словъ и оборотовъ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что труверъ переносилъ устарѣвшія слова въ свое произведеніе, какъ скоро они приспособлялись къ ритму и риѳмѣ [3]). Hucher относитъ иногда къ архаизмамъ то, что̀ едва ли можетъ быть безусловно отнесено къ нимъ. Такъ, можно спросить, почему выраженіе „ont *mordrit*“ (murtri) древнѣе „ont *pendu*“?

---

[1]) Такъ, напр., въ риѳмованной версіи читаемъ (v. 433—438):

Li Iuis le veissel tenoit
Qu'en l'ostel Simon pris avoit,
Vint à Pilate et li donna;
Et Pilates en sauf mis l'a.
Dusqu'à tant que conté li fu
Qu'il avoient deffeit Ihesu.

Въ прозаической редакціи это передано не совсѣмъ удачно: »Et icil juis qui avoit lou vaissel pris, que je vos ai dit, en chiés S mon, vint à Pilates et si li donna et qant Pilates lou tint, si l'estoia tant que noveles furent venues que li juif avoient mort Ihésu (*Hucher*, Le S.-Graal, I, 216).

[2]) Hucher относитъ иногда къ неясностямъ то, что̀ не можетъ быть причислено къ нимъ. См., напр., замѣчаніе его касательно ст. 2524—26 риѳмованнаго текста, смыслъ которыхъ ясенъ послѣ сказаннаго передъ тѣмъ въ поэмѣ.

[3]) *Hucher*, Le S.-Graal, I, 104.

Hucher считаетъ форму „Biauliant“ болѣе древнею, чѣмъ „Bethléem“ [1]). Само собою разумѣется, что, чѣмъ ближе были авторъ и переписчикъ къ библейскому тексту, тѣмъ правильнѣе должны были писать это слово [2]). Одно *m* въ названіи Рима употребляли не только въ болѣе древній періодъ, и „Rome“ встрѣчаемъ въ Ms. Didot (D), датированномъ 1301 г. Hucher считаетъ дошедшій до насъ списокъ стихотворнаго текста оригинальною рукописью потому, что въ немъ встрѣчаются помарки [3]). Но онѣ могли произойти вслѣдствіе описокъ и ошибокъ переписчика, которыя потомъ были имъ же исправлены [4]). Не должно упускать изъ виду немалое количество описокъ, которыми текстъ обязанъ, очевидно, переписчику [5]); нѣкоторыя ошибки отмѣчены Michel'емъ въ печатномъ изданіи риѳмованнаго текста. Hucher обращаетъ вниманіе на то, что въ рукописи поэма помѣщена вслѣдъ за *L'image du monde*,—произведеніемъ, написаннымъ не ранѣе 1248 г. Это не имѣетъ значенія, между проч.—въ виду того, что языкъ поэмы объ Іосифѣ Аримаѳ. отличенъ отъ языка *L'image du monde*.

Гораздо важнѣе указаніе Hucher на несообразности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стихотворнаго текста, и мы полагаемъ, что на эту сторону должно обратить преимущественное вниманіе при сличеніи занимающихъ насъ текстовъ для рѣшенія вопроса объ относительной ихъ цѣнности въ отношеніи болѣе или менѣе точнаго воспроизведенія *первоначальнаго* содержанія произведенія de Borron'a. Мы далеко не имѣемъ

---

1) Ibid., 82—83.

2) Въ прованс. Girart de Rossillo есть форма Besleen.

3) *Hucher*, Le S.-Graal, I, 73.

4) Въ ст. 686 авторъ едвали бы сказалъ спачала *commandées* (см. у Hucher, l. c., p. 372). Въ нѣкотор. случаяхъ (напр., относительно ст. 1380) можно сказать, что поправка состояла въ *возстановленіи* словъ оригинальной рукописи. Затрудненіе представляетъ ст. 2066, но исторія рукописей показываетъ, что передѣлывались цѣлые стихи не авторами только.

5) Въ риѳмованномъ текстѣ Іосифу вложено въ уста слѣдующее обращеніе къ Спасителю (v. 2450—51):

Toutes les foiz que je vourroie
Secrez de vous....

Secrez поставлено ошибочно вмѣсто стоящаго въ прозаич. текстѣ *secors* (Hucher, l. c., p. 252).

страннаго притязанія Hucher „усмотрѣть мысль и выраженіе автора" [1]) во всѣхъ случаяхъ; мы думаемъ, что первое возможно только тамъ, гдѣ въ одномъ или нѣсколькихъ варіантахъ очевидно искаженіе съ точки зрѣнія композиціи всего произведенія, и что должно оставить въ сторонѣ критику не согласующихся передачъ, рѣшительный выборъ между которыми невозможенъ [2]).

Произведя сличеніе текстовъ въ такомъ направленіи, мы нашли, что Hucher относится не безпристрастно къ дѣлу. Перечислять всѣ факты было бы утомительно, и въ подтвержденіе нашихъ замѣчаній мы будемъ приводить только по нѣскольку ихъ.

Прежде всего, напрасно Hucher набрасываетъ много тѣни на риомованный текстъ.

---

[1]) P. 73.

[2]) Такъ, въ риомованномъ текстѣ читаемъ (v. 319—326):

Et ce juedi chiés Symon
Estoit Ihesus, dans sa meison,
Où ses deciples enseignoit
Les essemples et leur disoit:
»*Ne vous doi pas trestout retreire*;
Meis de ce ne me weil-je teire
Que cius menjut o moi et boit
Qui mon cors à mort trahir doit«.

Въ прозаической же редакціи говорится: »...fu nostres sires chiés Symon lou liépreux, et parla à ses déciples, et lor mostra essamples *que je ne puis ne ne doi toz retraire: que il dist* que avoc lui menjoit et bevoit qui lou traïroit« (*Hucher*, Le S.-Graal, I, 213—214).

Понятно, что за которою-нибудь изъ сторонъ должно быть признано непониманіе первоначальнаго текста, вслѣдствіе чего отмѣченныя нами курсивомъ слова являются въ одной редакціи въ устахъ Спасителя, а въ другой оказываются исходящими отъ автора поэмы. Которая редакція воспроизвела правильнѣе оригинальную рукопись? Въ риомованномъ текстѣ рѣчь плавнѣе; варіантъ его предпочтительнѣе еще потому, что занимающія насъ слова являются естественнымъ приступомъ къ рѣчи Спасителя о предательствѣ; но все-таки нѣтъ достаточныхъ основаній отдать риомованному тексту рѣшительное предпочтеніе въ этомъ случаѣ.

Нерѣдко онъ впадаетъ въ излишнюю придирчивость къ нему [1]).— Hucher указываетъ на „многословіе“ трувера, ссылаясь на стихи о Пресв. Дѣвѣ и объ Іоакимѣ (ст. 35—80), и называетъ риѳмованную версію „болтливой“. P. Paris думаетъ, что листокъ о Богородицѣ былъ

[1]) Ст. 361—362, говорящіе о »menistres de sainte Eglise«:

Par leur pechiez ordoierunt
Et les pecheeurs laverunt,

Hucher желаетъ причислить, повидимому, къ нелѣпостямъ и не находитъ въ нихъ смысла. Онъ замѣчаетъ (Le S.-Graal, I, 84—85): „какъ допустить, что I. Христосъ могъ думать о загрязненіи грѣшниковъ грѣхами церковныхъ правителей для очищенія первыхъ отъ ихъ проступковъ“? Но приведенные стихи должно понимать не въ причинной связи, они выражаютъ два одновременныя дѣйствія, и смыслъ ихъ вполнѣ ясенъ, если разсматривать эти стихи въ ряду предшествующихъ имъ. Что касается предлога *par*, на который ударяетъ Hucher и вмѣсто котораго онъ желалъ бы видѣть *en*, то мы позволяемъ себѣ думать, что труверъ былъ правъ, употребивши первый предлогъ, какъ скоро относилъ »leur pechiez« къ »ordoierunt« и не связывалъ съ »laverunt«.—Hucher указываетъ (p. 94) на то, что въ ст. 1221 риѳмованнаго текста говорится объ отправленіи императоромъ въ Палестину *одного* посланника, а по 1235 ст. ихъ было нѣсколько. Но очевидно, что труверъ сразу разумѣлъ не одно лицо, потому что вслѣдъ за стихами:

L'empereres y envoia
Le plus sage homme qu'il trouva

читаемъ:

Qu'il voloit la chose savoir
Et enquerre trestout le voir;
Et si *leur* mande à la parclose...

Предъ цитированнымъ Hucher стихомъ также говорится не объ одномъ, а о нѣсколькихъ посланникахъ (см. ст. 1211—1220). Ясно, что въ ст. 1221 должно признать описку. Впрочемъ, по орѳографіи нашего памятника, въ немъ нерѣдко встрѣчаются какъ бы въ единственномъ числѣ предметы при глаголахъ во множ. ч.—Иногда Hucher поставляетъ въ вину труверу то, за что послѣдняго не должно бы винить. Въ одномъ мѣстѣ прозаическихъ текстовъ стоитъ: »Et cil qui fist cest livre dist..« Въ соотвѣтствующемъ ст. риѳмованнаго изложенія читаемъ: »Meistres Robers dist de Bouron...« Hucher говоритъ (p. 122), что это „точное упоминаніе принадлежитъ измышленію

вставленъ въ поэму по ошибкѣ [1]), но могли внести его и умышленно. Вставка произошла, вѣроятно, послѣ написанія поэмы [2]), въ которой есть и другія интерполяціи [3]). Впрочемъ, событія библейской исторіи передаются въ риѳмованномъ текстѣ вообще подробнѣе, нежели въ прозаическихъ [4]). Есть однако, съ другой стороны, и въ послѣднихъ пункты, въ которыхъ разсказъ обстоятельнѣе, чѣмъ въ стихахъ, и представляетъ развитіе сказаннаго въ стихахъ сжато.

Hucher часто считаетъ принадлежавшими подлинному тексту

трувера; и въ самомъ дѣлѣ, оно было довольно безполезно". Но неужели авторъ не могъ опредѣленно назвать себя, и что̀ за измышленіе въ этомъ названіи?—Hucher обращаетъ вниманіе (p. 97) на Berematbie риѳмованнаго текста и говоритъ, что это слово образовалось изъ Barimathie Ms. C; но въ риѳмованномъ изложеніи встрѣчается и правильная форма *d'Arymathye* (v. 269 и др.) Hucher указываетъ на Hébron и Hébruns (p. 108); но эти видоизмѣненія имени Bron употреблены повидимому, тамъ, гдѣ того требовало благозвучіе (см. ст. 3235—3237).

[1]) Les rom. de la T. R., I, 116.

[2]) Послѣ стиховъ, которые мы считаемъ вставленными, разсказъ начинается такъ (v. 81):

Le pueple que il feit avoit.

Il этого стиха не имѣетъ соотвѣтствующаго предмета въ предыдущихъ стихахъ. Въ ряду послѣднихъ, можетъ быть, есть имѣвшіе мѣсто въ первоначальномъ текстѣ. Такъ, ст.: »Fille Dieu est, si est sa mere« напоминаетъ слова прозаическаго текста: »li plot que il feist *de sa fille, mère*« (Le S.-Graal, publié par *Hucher*. I, 210). Уподобленіе, примѣняемое къ Богородицѣ въ указанной вставкѣ, было обычно. Въ одной рукописи XIII стол. читается (*Biblioth. de l'école des chartes*, XXXVI (1875), p. 141):

Ave, rosa vernans flore,
Virgo pregnans celi rore и т. д.

[3]) Ст. 267—268:

Qui evesques fu de leur loi
Et preudons fu, si com je croi

вставлены неловко послѣ упоминанія объ Іудѣ и представляютъ, по риѳмѣ, отдѣльный дистихъ.

[4]) Риѳмованный текстъ распространяется, напр., объ Адамѣ (vv. 109—130), о Магдалинѣ (vv. 235—253). См. также ст. 893—900.

de Borron'ова произведенія мелкія черты въ прозаическомъ изложеніи, не встрѣчающіяся въ риѳмованномъ, которыя нѣтъ прочныхъ основаній считать такими. Непоясненіе, напримѣръ, о table Іосифа, что этотъ столъ (table) былъ carrée, ведетъ, по мнѣнію Hucher [1]), къ неполнотѣ и неясности стиха, потому что выраженіе *carrée* отличаетъ столъ Іосифа отъ стола, устроеннаго Мерлиномъ. Но не есть ли оно позднѣйшая вставка на основаніи романа Мар'а, который говоритъ о table carrée? Въ стихотворномъ текстѣ нѣтъ упоминаній о Мерлиновомъ столѣ. Hucher поставляетъ это въ вину автору стиховъ [2]), по нашему же мнѣнію это не составляетъ признака позднѣйшей композиціи. Hucher замѣчаетъ о нѣкоторыхъ фразахъ, встрѣчающихся только въ прозаической редакціи, что онѣ важны и (потому) должны были находиться въ первоначальномъ текстѣ [3]). Но неужели то, что подходитъ къ дѣлу, не могло быть вставлено позже?

Hucher указываетъ какъ на нововведенія въ подлинный текстъ, допущенныя авторомъ риѳмованнаго текста, на такія фразы, которыя встрѣчаются и въ манускриптахъ, считаемыхъ имъ близкими къ подлиннику. Тутъ ярко выступаетъ тенденціозность или же неосмотрительность Hucher [4]).

---

[1]) Le S.-Graal, I, 109.

[2]) Ibid., 109 и 115.

[3]) См. напр., стр. 97.

[4]) Такъ, напр., пророчество о Галаадѣ есть и въ Ms. C (см. стр. 262). Замѣтимъ, что, какъ въ риѳмованномъ, такъ и въ прозаическихъ такстахъ говорится однажды, что пустое мѣсто у стола долженъ былъ занять fils Bron (потомъ упоминается сынъ Бронова сына). Самъ Hucher указываетъ въ одномъ мѣстѣ Ms C (p. 268) намекъ на Ланселота или Галаада. Упоминаніе о Галаадѣ не должно приписывать непремѣнно позднѣйшему времени: судьба Моисея предуказана уже въ концѣ большаго романа о Гралѣ. Не содержатъ ли и прозаическіе тексты, предполагающіе отдѣльный эпизодъ о Моисеѣ (см. у Hucher стр. 127), намека объ отысканіи его? Кромѣ того, de Borron могъ познакомиться съ романомъ *La Quête du Saint Graal*, а написаніе имъ Персеваля не доказано. Что касается помѣщенія Моисея Мар'омъ въ пламени, то не находится ли оно въ связи съ изображеніями библейскаго Моисея у горящей купины? Объ этихъ изображеніяхъ см. въ ст. г. Виноградскаго: „Миніатюры Ватиканской библейской рукописи XII вѣка", помѣщ. въ „*Сборн. на 1873 годъ, изд. Обществомъ древне-русскаго искусства*"

Hucher отмѣчаетъ случаи, когда риѳмованный текстъ стоитъ совсѣмъ особнякомъ отъ прозаическихъ [1]). По взгляду Hucher, такая особность была бы невозможна, еслибы первый предшествовалъ послѣд-

(стр. 148). — Одно изъ подтвержденій переложенія труверомъ de Borron'ова произведенія въ стихи съ позднѣйшаго прозаическаго текста Hucher видитъ въ томъ, что, по риѳмованному изложенію, какъ и по тексту Ms. D, темница, въ которую былъ заключенъ Іосифъ, должна была оставаться безъ свѣта, а между тѣмъ Веспасіанъ спустившись увидѣлъ тамъ свѣтъ. По мнѣнію Hucher, въ словахъ о тьмѣ должно признать lapsus calami, который труверъ повторилъ вслѣдъ за переписчикомъ позднѣйшаго прозаическаго текста. Но и въ Ms. C. передъ приведенными Hucher словами: »A cele hore que tu en seras gitez et jusqu'alors *te durra* cette clarté que tu as ores« стоитъ: »ainz remandras en itel prison et einsinc obscure comme ele estoit quant tu i fus mis« (Le S.-Graal, publié par *Hucher*, I, 227). Ясно, насколько можно довѣрять аргументаціи Hucher. Очевидно, что слова Ms. C., выдвигаемыя Hucher противъ риѳмованнаго текста, находящіяся въ одномъ этомъ манускриптѣ и противорѣчащія сказанному передъ тѣмъ, вставлены позже. Они явились, можетъ быть, на основаніи словъ романа Map'a, что »la clartes ke ihesus cris i aporta quant il li apparut, ne estoit onques puis falie«. Весьма вѣроятно, что въ первоначальномъ текстѣ стояли слова, въ которыхъ Hucher открываетъ ошибку. Темница Іосифа оставалась безъ свѣта; послѣдній былъ замѣченъ Веспасіаномъ не сразу и *не повсюду:*

Et quant il avalez fu là,
De çà et de là regarda.
En un clotest esgarde et voit
Une clarté qui là estoit:
La corde treire commanda
Amont et ou clotest ala
(vv. 2029—2034).

И по прозаическимъ текстамъ, Веспасіанъ увидѣлъ свѣтъ лишь въ тайникѣ — »dans un requoi«. — Еслибы lapsus, о которомъ говоритъ Hucher, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто, то появленіе его *первоначально* въ прозаическомъ текстѣ было бы странно и, наоборотъ, было бы естественно въ стихахъ. Тогда должно было бы думать, что вмѣсто dans переписчикъ прочелъ, по недосмотру, sans.

[1]) См., напр., стр. 86 книги Hucher. Интересно, что и далѣе вездѣ тоже разногласіе между риѳмованнымъ и прозаическимъ изложеніемъ. Сл.

нимъ [1]). Но за переложившимъ риѳмованный текстъ въ прозу могли пойти *всѣ* переписчики и передѣлыватели *оригинальнаго* прозаическаго текста.

Hucher доказываетъ, что риѳмованный текстъ близокъ къ прозаическому тексту позднѣйшаго списка D [2]). Но этотъ списокъ далеко не во всѣхъ случаяхъ согласенъ съ риѳмованнымъ текстомъ. Самъ Hucher замѣтилъ однажды, что труверъ имѣлъ передъ собою столь древній типъ, какъ Мансскій манускриптъ [3]). Въ другомъ мѣстѣ Hucher готовъ склониться къ противоположному выводу [4]), а еще въ одномъ [5]) не прочь сказать, что и Ms. H. слѣдуетъ довольно точно за риѳмованнымъ изложеніемъ! Вообще же Hucher признаетъ не разъ древнѣйшія формы словъ въ риѳмованномъ текстѣ, которыми послѣдній сходится съ Мансскимъ манускриптомъ, передавшимъ будто бы древнѣйшую редакцію прозаическаго текста.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ искаженіе должно признавать вопреки Hucher въ прозаической редакціи, а не въ стихотворной. По поводу взгляда Hucher на ст. 3340 [6]), мы замѣтимъ, что въ этомъ-то стихѣ и уцѣлѣлъ смыслъ подлинника, и Hucher напрасно усматриваетъ тамъ ошибку на томъ основаніи, что прозвище „riche pécheur“ дано Брону въ насмѣшку, такъ какъ послѣдній, бывъ посланъ для улова рыбы, поймалъ лишь одну. Рыба, изловленная Брономъ, безъ сомнѣнія, имѣла символическое значеніе. Это не покажется страннымъ тому, кто знаетъ, какъ долго держались въ искусствѣ, даже на западѣ, преданія древней христіанской церкви, между прочимъ и символика. Пойманную Брономъ рыбу помѣстили противъ Граля, и она постоянно находилась при немъ [7]). Повелѣвая о рыбѣ, гласъ св. Духа сказалъ Іосифу: „tu feras

---

ст. 476, 786, 1220 и др. съ соотвѣтствующими мѣстами прозаической редакціи. И Кретьенъ де Труа выразился въ Персевалѣ, что I. Христосъ »en crois pendi« (v. 34996). Напомнимъ здѣсь, что есть довольно древнія изображенія, на которыхъ тѣло Христово представлено *висящимъ*.

[1]) Hucher повторилъ тоже на стр. 95 и 98.

[2]) L. c., p. 26 et 82.

[3]) P. 89.

[4]) P. 92.

[5]) P. 345.

[6]) P. 123.

[7]) Риѳмованный романъ, ст. 3312—15:

Et pour ce fu sa volenté

jà une grant sénéfiance, que tu metras mon sanc et moi en esprueve vers les pécheurs“ [1]). Очевидно, что подъ sanc должно разумѣть въ этой фразѣ Граль, а подъ poisson—Христа, употребленіе представленія Котораго въ образѣ рыбы извѣстно. Что мы правильно понимаемъ значеніе рыбы, являющейся въ романахъ о св. Гралѣ, видно изъ совершеннаго чрезъ нее чуда. Въ церковныхъ легендахъ встрѣчается тоже самое чудо питанія одною рыбою, относительно котораго Maury замѣчаетъ: „не есть ли это разительный образъ Евхаристіи, этой духовной пищи, которой Богъ, живой хлѣбъ, сошедшій съ неба, составляетъ сущность, никогда неистощаемое и всегда цѣлое питаніе, безпрестанно удовлетворяющее нуждѣ вѣрующихъ? Очевидно, на мѣсто Христа подставили его эмблему“ [2])... Рыба встрѣчается, какъ символъ евхаристіи, съ очень ранняго времени [3]). — Ясно, что Брону не было надобности поймать много рыбы: достаточно было одной. Господь не велѣлъ ловить неопредѣленнаго количества; Брону приказано было доставить лишь *первую* рыбу, какая представится. Такъ въ риѳмованномъ [4]) текстѣ, такъ и въ прозаическомъ [5]). Равнымъ образомъ, и по роману Мар'а, для чуда не нужно было болѣе одной рыбы. Неужели послѣ этого былъ бы подвергнутъ Богомъ униженію (meprison) за поимку *одной* только рыбы служитель Граля, который передъ тѣмъ былъ восхваленъ? Есть прямое указаніе, что ловля рыбы была поручена Брону въ силу его качествъ [6]). Слово богатый прилагалось къ нему не въ насмѣшку, а

Que il en l'iaue peeschast
Et qu'il le poisson pourchacast
Que vous avez en vo servise.

Тоже и въ прозаическомъ текстѣ: Hucher, Le S.-Graal, I, p. 272.

[1]) Ibid., 253.

[2]) Essai sur les légendes pieuses du moyen âge, 187—188.

[3]) По отношенію къ разбираемымъ нами подробностямъ романа о Гралѣ интересна надгробная надпись Іерапольскаго еп. Аверкія, о которой см. замѣтку г. Казанскаго во II т. „*Древностей*“ (М. 1870, стр. 132—135). Эти подробности можно сблизить съ словами блаж. Августина „о томъ торжественномъ событіи, при которомъ предлагается оная добытая въ глубинѣ водъ рыба, служащая пищею вѣрующей землѣ“.

[4]) V. 2499—2500.

[5]) *Hucher*, Le S.-Graal, p. 253.

[6]) Le rom. du S.-Graal, publie par *F. Michel*, v. 3310—3315.

для обозначенія сущности его ловитвы, не богатой на взглядъ, но цѣнной по внутреннему содержанію. Какъ въ риѳмованномъ [1]), такъ и въ прозаическихъ [2]) текстахъ прозвище *Riche* Pescheeur поставляется въ связь съ ввѣреніемъ Брону Граля и всѣхъ тайнъ послѣдняго. Затѣмъ въ стихахъ говорится:

A touz jours croistera s'onneur,
Pour le poisson qu'il pescha
Quant cele grâce commença [3]).

Безсмыслицу должно признать въ прозаической версіи, потому что, по смыслу ея, Бронъ долженъ былъ подвергнуться презрѣнію какъ бы со времени полученія Граля [4]), между тѣмъ какъ это должно было имѣть мѣсто со времени ловли рыбы [5]).

Hucher постоянно отдаетъ предпочтеніе прозаическимъ текстамъ, въ особенности тому, который содержится въ Ms. C.

Намъ кажется, что есть немало искаженій и въ этихъ текстахъ.

Не встрѣчающееся въ риѳмованномъ текстѣ обращеніе Пилатова друга къ императору съ просьбою о посылкѣ его въ Іудею и съ обѣщаніемъ разслѣдовать истину о смерти Іисуса нѣсколько несообразно, и весьма возможно, что оно вставлено позже.

---

[1]) V. 3337—45.

[2]) Le S.-Graal, publié par *Hucher*, p. 273.

[3]) V. 3346—48.

[4]) Le S.-Graal, publié par *Hucher*, p. 273.

[5]) Къ словамъ риѳмованнаго текста подходитъ то, что говорилъ Roi Pecheur Персевалю по интерполяціи Gerbert'a (Percev. le Gallois, publié par *Potvin*, vol. VI, p. 162):

Et sachiez, tant vos en acointe,
Que je ne sai en cest mont home
Qui jà en puist savoir la some
Se vos non. *Mais bien vous gardez*
Que par péchié ne le perdez.

Уже *Val. Schmidt* (Iahrbuecher der Literatur, 1825, Bd XXIX, S. 89) обратилъ вниманіе, по поводу образа Roi Pecheur въ романѣ о Гралѣ, на piscator и peccator Евангелія (въ отношеніи къ Петру). По мнѣнію Grässe, въ Pecheur заключается открытый намекъ на папскую власть (Die gross. Sagenkr., S. 177). Сл. у Göschel'я, l. c., S. 45.

По прозаической версіи, тѣ изъ послѣдовавшихъ за Іосифомъ, которые согрѣшили, не сразу отдѣлились отъ чистыхъ, какъ только обнаружилась ихъ грѣховность; по риѳмованному же тексту, это отдѣленіе произошло какъ будто сейчасъ же, или въ самомъ непродолжительномъ времени, и такому представленію дѣла соотвѣтствуютъ въ прозаической редакціи слова оставшихся съ Іосифомъ: „li plus des genz qui ci vindrent avoc nos s'en sont alé par la grant mésaise de fain qu'il avoiént, *dès lors en cà que nos commençâmes à avoir la grâce de ton vaissel*" [1])...

О словахъ Спасителя Іосифу въ темницѣ Ms. C. [2]) говоритъ: „.... ce est li secrez que l'en tient au grant sacrement que l'an feit sor lou Graal c'est-à-dire sor lou caalice"... Въ др. спискахъ вм. „sacrement" стоитъ „sacre", и нѣтъ поясненія къ слову Граль: „c'est-à-dire sor lou caalice" [3]). Путь искаженія подлинника ясенъ. Если слова, сказанныя Спасителемъ въ темницѣ, составляли секретъ, который заключался въ „grant livre" и который нельзя было узнать безъ этой книги, то какъ согласить съ этимъ сообщеніе, что упомянутыя слова произносились при таинствѣ чаши? Правильнѣе названы они въ риѳмованномъ текстѣ: „li grant secret qu'en numme le Graal" [4]). Сообразно съ этимъ выражается въ другомъ мѣстѣ и прозаическій текстъ [5]). Трудно допустить, чтобы авторъ могъ написать то, что̀ читается въ приведенномъ мѣстѣ Ms. C.

---

[1]) Le S.-Graal, publ. par Hucher, 257—258.

[2]) Ibid., 227.

[3]) Ib., 293 et 346.

[4]) V. 935—936.

[5]) По этому тексту, ангелъ приказалъ Іосифу передать Брону слѣдующее: »....li conte coment Ihésu vint à toi en la tor et coment il t'aportera cest vaissel et les paroles que il t'aprist qant il parla à toi en la chartre, *ce sont iceles saintimes paroles que l'en tient as secrez del Graal*« (въ Ms. D. вм. secrez—sacre) (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, 272—73). Также и въ риѳмованномъ текстѣ (v. 3332—36):

Les seintes parotes dist t'a
Ki sunt douces et precieuses
Et gracieuses et piteuses,
Ki sunt propement apelées
Secrez dou Graal et nummées.

Подводя итогъ сказанному, позволяемъ себѣ выразить мнѣніе, что, желая возсоздать *содержаніе* первоначальнаго текста произведенія de Borron'a, нельзя игнорировать, подобно Hucher, риѳмованный текстъ, и что къ послѣднему приложимо не все то, чтò утверждаетъ о немъ Hucher, хотя невозможно отринуть въ немъ присутствіе по мѣстамъ искаженій подлинника [1]). Нельзя доказывать, что стихотворный текстъ всегда ниже прозаическихъ, которые лучше будто бы воспроизводятъ складъ оригинала [2]).

Опредѣлить вполнѣ отношеніе риѳмованнаго текста Граля къ прозаическимъ мы не беремся, такъ какъ для этого необходимо непосредственное знакомство съ рукописями и чисто филологическій разборъ ихъ для уясненія ихъ діалектовъ, который отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко; кромѣ того, съ даннымъ вопросомъ связанъ другой—объ отношеніи такихъ же текстовъ романа о Мерлинѣ, приписываемаго тому же de Borron'у [3]). Замѣтимъ лишь, что естественно предположить появленіе такой простой и небольшой легенды, какъ переданная de Borron'омъ, вначалѣ въ стихахъ, а не въ прозѣ. Тогда перелагали, большею частію, стихи въ прозу, а не наоборотъ. Самъ Hucher готовъ допустить, что de Borron писалъ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ въ стихахъ, но стихотворный подлинникъ не дошелъ до насъ [4]).

Въ Персевалѣ, приписываемомъ du Borron'у, читаемъ слова, интересныя по отношенію къ занимающему насъ вопросу: »A tant se desparti la voix et Bron le fist ainsi come il ot enseingnié et vint à Percevaux et li aprist *les paroles segroies de nostre seygnor que je ne vous puis dire, ne ne doi*« (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, p. 483).

[1]) Укажемъ на одно не замѣченное Hucher: въ ст. 3431—38 о riches Peschierres говорится то, что должно было сказать о Петрѣ.

[2]) *Hucher*, Le S.-Graal, p. 370.

[3]) Отъ риѳмованнаго текста романа о Мерлинѣ уцѣлѣло только начало, напечатанное Fr. Michel'емъ. О текстѣ, дошедшемъ до насъ въ Ms. H., см. въ *Th. Athenaeum*, № 2198 (Dec 11, 1869).

[4]) Стр. 64. Сл. 276, примѣч. 3, и 369.—Интересно, что по мѣстамъ прозаическое изложеніе укладывается въ риѳму, иногда—въ ту самую, которую встрѣчаемъ въ стихотворномъ текстѣ. Такъ, ст. 396—397:

Uns Iuis le veissel trouva
Chiés Symon, se l'prist et garda

соотвѣтствуютъ въ прозѣ слова: »...un Iui qui lou trouva; si lou pris et garda« (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, p. 216). Ст. 2365—66, 2375—77:

Во всякомъ случаѣ, интересный фактъ существованія одного и того же произведенія въ двухъ различныхъ формахъ изложенія съ малыми различіями въ содержаніи требуетъ разъясненія. Такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ изложеніи рѣчь ведется отъ лица de Borron'a [1]), то необходимо признать поддѣлку въ которомъ-нибудь изъ текстовъ, и является вопросъ о цѣли подлога.

Установка генеалогіи текстовъ весьма важна, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, она неудовлетворительна у Hucher. Мы думаемъ, что онъ неправильно расклассифицировалъ и прозаическіе тексты, какъ несправедливо отнесся къ риѳмованному. Причина несостоятельности его классификаціи та, что онъ руководствовался только хронологическою послѣдовательностію списковъ и степенью сжатости въ передачѣ ими поэмы de Borron'a.

Изъ манускриптовъ прозаическаго *малаго Граля*, въ которыхъ

A ce qu'il demourerent là,
Boens enseignemenz leur moustra
....
Quar tout ce quanques il feisoient
Par jour et par nuit labouroient
Aloit à mal . . . .

соотвѣтствуетъ слѣдующее мѣсто въ прозаическомъ текстѣ: »...et qant il furent *là*, si lor *mostra* ....si ala si mal, con ge vos dirai, que quancqu'il *faisoient* et *laboroient* aloit à mal« (Le S. Graal, publ. par *Hucher*, p. 251). Въ стихотворномъ текстѣ (v. 1197—98) читаемъ:

Vespasiens la chose oï
Et touz li cuers l'en esjoï;

въ прозаическомъ тоже самое: »Et qant Vaspasiens l'oï, si rist et li esjoï moult i cuers« (Le S.-Graal, publ. jar *Hucher*, p. 232). Впрочемъ, риѳма съ *oï* была весьма употребительна (см., напр., въ Персевалѣ Кретьена де Труа vv. 41935—36 и 42095—96 по изд Potvin'a). Въ отношеніи къ вопросу о томъ, какая изъ двухъ редакцій ближе къ первоначальному тексту произведенія de Borron'a, не безынтересно, что Іосифъ Аримаѳ. названъ *soudoiers* Пилата, *согласно съ риѳмованнымъ текстомъ* (см. ст. 199), въ романѣ Мар'а и въ прозаическомъ Персевалѣ, написанномъ въ концѣ XII стол. (Percev. le Gallois, publié par *Potvin*, vol. I, p. 2 et 25).

[1]) См. заключительныя строки поэмы.

сохранилась, по мнѣнію Hucher [1]), „истинная первая редакція de Borron'a", этотъ ученый выдвигаетъ на первое мѣсто Ms. Cangé (C.) и Ms. du Mans,—самый древній, но сохранившій только часть произведенія de Borron'a. Близкимъ къ стихотворному тексту, самому позднему, Hucher считаетъ Ms. D. Mss. A. и H. (Huth) занимаютъ среднее мѣсто.

Мы оставимъ въ сторонѣ Манскій манускр., о которомъ имѣемъ мало свѣдѣній [2]), и подвергнемъ повѣркѣ тезисъ Hucher о томъ, что „смыслъ наиполнѣе и наиудовлетворительнѣе" въ Ms. C. [3]).

Изъ того, что этотъ списокъ сообщаетъ подробности о de Borron'ѣ, не встрѣчающіяся въ другихъ манускриптахъ, еще не слѣдуетъ, что ему должно отдавать предпочтеніе, къ чему склоняется Hucher [4]).

Не станемъ обращать вниманіе на грубыя ошибки [5]) и описки въ этомъ манускриптѣ [6]). Мы укажемъ лишь на немалое количество вставокъ очечидно позднѣйшаго происхожденія. Что касается слѣдовъ непониманія текста, съ котораго списанъ Ms. C., то одинъ изъ нихъ указанъ самимъ Hucher [7]).

Въ разговорѣ императора съ совѣтниками о фактахъ, сообщенныхъ пилигримомъ, вмѣшивается, по Ms. C., этотъ послѣдній (въ риемованномъ текстѣ этого нѣтъ), и потомъ все-таки говорится: „Lors fu li preuzdom apareilliez cil qui les noveles ot dites" [8]). Вставка очевидна.—Въ уста друга Пилата, который защищалъ послѣдняго и заявилъ потомъ готовность ѣхать въ Палестину для слѣдствія надъ правителемъ Іудеи, въ Ms. C. влагается откровенное признаніе: „Sires, ge aim

---

[1]) Le S.-Graal, I, 67.

[2]) Кажется, что и въ немъ есть интерполяціи. Къ числу ихъ, думаемъ, должно отнести сообщеніе пословъ императору, что слѣдуетъ вставать при видѣ изображенія Вероники.

[3]) Le S.-Graal, I, 12.

[4]) Ibid., 80—81.

[5]) Напр., Baptistes на стр. 210.

[6]) По Ms. C., Іосифъ встрѣтилъ Веспасіана въ темницѣ словами: »Bien soies tu venuz« и не назвалъ его по имени, и вслѣдъ за тѣмъ говорится однако: »et qant il s'oï nomer, si s'emmerveilla moult«... Въ др. рукописяхъ Веспасіанъ названъ.

[7]) Le S.-Graal, I, 132.

[8]) Ib., 231.

moult Pilates“ [1]). Далѣе опять несообразность; говорится: „Lors apela l'amperères ses genz dist“ [2])... Въ зовѣ совѣтниковъ не было надобности, такъ какъ они были на лицо. Въ риѳмованномъ текстѣ разсказъ складнѣе.

Упоминаніе о крещеніи Іосифа Аримаѳ. и его спутниковъ „de la main saint Climant“, встрѣчающееся въ одномъ Ms. C. и бывшее, по мнѣнію Hucher [3]), въ оригинальномъ текстѣ, едвали имѣло тамъ мѣсто. Оно представляетъ неудачный варіантъ къ сообщенію Map'a, что Іосифъ получилъ крещеніе отъ руки св. Филиппа („rechust crestiente de la main saint phelippe“) [4]). Замѣчательно, что въ стихотворномъ текстѣ, въ соотвѣтствіе съ отсутствіемъ послѣ разсказа о наказаніи Іудеевъ упоминанія о крещеніи Веспасіана, не вложено въ уста Іосифа Аримаѳ. и приглашеніе къ крещенію, имѣвшее мѣсто, по Ms. C., будто бы при первомъ свиданіи Іосифа съ императоромъ.

Вообще въ Ms. C. допущено немало неумѣстныхъ прибавокъ къ первоначальному тексту, что̀ готовъ иногда признать и Hucher [5]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Ib., 109.

[4]) О поставленіи въ Цареградскіе патріархи рукою І. Крестителя см. въ 8-мъ примѣч. г. *Саввaитова* къ *Паломнику* Антонія, архіеп. Новгородскаго (Путешествіе новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савваитова. Спб. 1872). Въ XIII в. въ Парижъ была принесена глава Климента Анкирскаго. Часть мощей св. Климента, еп. Римскаго, находилась съ XI в. въ Римѣ, а прочіе останки пребывали въ Кіевѣ. Архим. *Сергія* Полный мясяцесловъ Востока, т. II (М. 1876), ч. II, стр. 372. Для объясненія разбираемаго нами мѣста Ms. C. необходимо принять во вниманіе, что св. Климентъ упоминается въ chans. de geste, озаглавл.: »La destruction de Iérusalem« (содержаніе передано въ XXII т. »*Histoire litt. de la France*«, p. 412—416). Здѣсь разсказывается, что импер. Веспасіанъ, бывъ исцѣленъ образомъ Вероники, позволилъ Клименту проповѣдывать христіанство въ Римѣ и обѣщалъ креститься по возвращеніи изъ Іудеи. Св. Климентъ

En un moult riche autel qui fu Saint Simeon,
Seella la toaille, que de fi le scet on.

[5]) Le S.-Graal, I, 345.

Напр., Пилату приписаны слова: „A cui me prandrei—ge, si messires *Titus li amperères de Rome* (въ D. одно слово „messires“) me demande rien de la mort Jhésu“ [1]). Титъ является и далѣе, гдѣ его не слѣдовало бы называть [2]). Самъ Hucher долженъ былъ принять долю „многословія“ въ Ms. C. [3]). Этому многословію обязано своимъ происхожденіемъ мѣсто списка C., замѣняющее слова Ms. D.: „Qui conoistre la porra ne saura à quoi se porra atandre“ и слова Ms. H.: „Qui le vaurra connoistre et saura à quoi che porra attendre“ [4]).

Далѣе мы будемъ имѣть случай указать въ Ms. C. еще нѣсколько позднѣйшихъ вставокъ въ текстъ de Borron'a.

Есть въ этомъ манускриптѣ, повидимому, и сокращенія [5]).

Переходя къ Ms. D., замѣтимъ, что въ немъ усматривается не только сокращеніе первоначальнаго текста, но въ иныхъ случаяхъ и расширеніе его по сравненію съ Ms. C. [6]). Тоже можно замѣтить и о Ms. H.

На основаніи изложенныхъ фактовъ позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ Hucher, что прозаическая редакція поэмы de Borron'a можетъ быть разсматриваема, какъ принадлежащая автору ея и по мысли и по выраженію [7]), и рѣшаемся сказать, что въ данномъ вопросѣ нельзя относиться съ довѣріемъ къ древнѣйшимъ рукописямъ, —что подлинный текстъ произведенія de Borron'a не уцѣлѣлъ вполнѣ ни въ одномъ изъ имѣющихся списковъ его, что онъ потерпѣлъ немало измѣненій въ *каждомъ* изъ манускриптовъ [8]) и, если не найдутся болѣе испра-

---

[1]) Ib., 216.

[2]) Ib.: cf. p. 220 et 288.

[3]) Ib., 79.

[4]) Ib., 346.

[5]) Ib., см. стр. 338.

[6]) Такъ, Спаситель, на вопросъ Іосифа, тотъ ли Онъ Іисусъ, котораго Іосифъ зналъ, отвѣчалъ по Ms. C. (p. 224): »Ce sui ge icil meismes«, а по Ms. D.: »Ioseph: ce sui-je meismes et einsi cum tu l'as dist si le croi, et cum tu l'as veu, si seras sauvez et aura joi pardurable« (p. 290).

[7]) Le S.-Graal, I, 73.

[8]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ — вслѣдствіе непониманія переписчиками смысла оригинальнаго текста, или вслѣдствіе дурнаго прочета послѣдняго.

вныя рукописи, можетъ быть приблизительно возстановленъ только путемъ сравнительно-критическаго изученія *всѣхъ* дошедшихъ до нас списковъ безъ устраненія котораго-нибудь изъ нихъ, въ томъ числѣ и риѳмованнаго текста. Что касается классификаціи этихъ манускриптовъ, то и послѣ труда Hucher, она составляетъ вопросъ открытый.

То или иное заключеніе о взаимномъ отношеніи дошедшихъ до насъ текстовъ произведенія, de Borron'a повидимому, не можетъ оказывать значительнаго вліянія на рѣшеніе занимающаго насъ вопроса о происхожденіи и постепенномъ развитіи сказанія о Гралѣ, потому что сказаніе de Borron'a, составляющее одно изъ главнѣйшихъ звеньевъ въ развитіи легенды, является въ сущности однимъ и тѣмъ же во всѣхъ спискахъ [1]). Тѣмъ не менѣе, въ изслѣдованіи объ источникѣ его, къ выясненію котораго мы обращаемся, невозможно обойти вопросъ объ отношеніи различныхъ редакцій поэмы de Borron'a, что̀ сейчасъ будетъ видно.

Въ стихотворномъ текстѣ говорится отъ лица de Borron'a, что, когда послѣдній писалъ свою поэму,

> Unques retreite ésté n'avoit
> La grant estoire dou Graal,
> Par nul home qui fust mortal [2]).

Въ прозаическомъ текстѣ читаемъ: „.... et ce ne puet nus hom

---

[1]) Изъ различій текстовъ обѣихъ редакцій болѣе или менѣе важно касающееся источника, знакомствомъ съ которымъ de Borron обусловливалъ появленіе продолженія своего произведенія. Въ стихотворномъ текстѣ (v. 929—934) de Borron открыто признаетъ свою зависимость отъ »grant livre

> Où les estoires sunt escrites
> *Par les granz clers* feites et dites.

Намекъ на книгу Мар'а ясенъ. Впрочемъ, кажется, и въ словахъ прозаическаго текста: »...et ce ne puet nus hom feire, se il n'a véu et oï conter lou livre del Graal de ceste estoire« разумѣлась не та книга, о которой упоминаетъ этотъ текстъ въ другомъ мѣстѣ и о которой сейчасъ будетъ рѣчь. Въ ст. 3500, которому нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ прозаическомъ текстѣ, также выражается зависимость de Borron'a отъ нахожденія книги.

[2]) V. 3492—94.

faire se il n'a véu et oï conter lou livre del Graal de ceste estoire. Et au tens que messires Roberz de Borron lou restraist à mon seigneur Gautier, lou preu conte de Montbéliart, ele n'avoit onques esté escripte par nul home fors el grant livre" [1]).

Въ обѣихъ этихъ выдержкахъ источникъ разсказа de Borron'a обозначенъ неопредѣленно; фабула о Гралѣ представляется въ нихъ содержавшеюся въ „великой исторіи, книгѣ" Граля, вѣроятнѣе всего — той, на которую ссылается упомянутый уже нами прологъ къ роману о св. Гралѣ, и которая никогда не существовала [2]). Толкъ о ней явился у de Borron'a подъ вліяніемъ этого пролога.

Hucher полагаетъ, что въ приведенныхъ строкахъ разумѣется латинская книга, содержавшая будто бы легенду объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, но нѣтъ основаній для такого предположенія. De Borron не называетъ книгу Граля латинскою, хотя, какъ увидимъ, могло случиться, что онъ имѣлъ предъ собою на латинскомъ яз. какую-нибудь изъ легендъ, вошедшихъ въ его произведеніе.

Упоминаніе о переводѣ de Borron'омъ съ латинскаго встрѣчается въ романѣ о Гралѣ Мар'а, но оно едвали вышло отъ самого романиста [3]), а еслибы даже принадлежало ему, то не можетъ быть принято безъ критики и имѣть безусловное значеніе по отношенію къ de Borron'y.

---

[1]) Le S.-Graal, publ. par. *Hucher*, I, 275.

[2]) Въ сообщеніи, что исторія Граля не была изложена до de Borron'a *ни однимъ смертнымъ*,—явный намекъ на предварительное существованіе ея внѣ людскаго міра, что утверждалъ прологъ, и на написаніе ея Іисусомъ Христомъ, которому приписывали составленіе большаго романа о Гралѣ. —Есть указанія у de Borron'a и на другіе, повидимому, источники: по его словамъ, о »li boens Pescherres«

.... furent *puis* maintes paroles
Contées qui ne sont pas folles.

(v. 3457—58). Тоже и въ прозаическомъ текстѣ. De Borron какъ будто утверждалъ еще, что слова, сказанныя І. Христомъ Іосифу въ темницѣ, были записаны послѣднимъ (Риѳмов. ром., ст. 4418. Le S.-Graal, publié par *Hucher*, p. 274).

[3]) Мар едвали упомянулъ бы о de Borron'ѣ, и отъ послѣдняго не осталось ничего о Петрѣ кромѣ сказаннаго въ поэмѣ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ.

По мнѣнію Hucher, Robert de Borron и Мар пользовались одною и тою же латинскою книгою Граля; на тождественность источниковъ ихъ произведеній указываетъ, по словамъ Hucher, несомнѣнная родственная связь основъ этихъ произведеній [1]).

Для пониманія ихъ родства и для правильнаго заключенія о латинской книгѣ, послужившей будто бы источникомъ романа о Гралѣ, необходимо не упускать изъ виду, что произведеніе de Borron'а дошло къ намъ въ той формѣ, какую получило послѣ просмотра его авторомъ по выходѣ въ свѣтъ романа Мар'а, съ которымъ однако de Borron не былъ обстоятельно знакомъ. Такой просмотръ не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду строкъ, говорящихъ о службѣ de Borron'а у Gautier de Montbéliard, какъ о минувшемъ фактѣ. Безъ сомнѣнія, произведеніе de Borron'а подверглось, при пересмотрѣ, измѣненію въ нѣкоторыхъ пунктахъ, чтò допускаетъ и P. Paris, и было сперва не такимъ.

Есть возможность возстановить до извѣстной степени первоначальный объемъ и содержаніе поэмы de Borron'а. Въ стихотворномъ текстѣ [2]) и въ двухъ спискахъ прозаическаго [3]) положительно говорится, что Іосифъ Аримаѳ. скончался въ землѣ, въ которой родился, въ третьемъ спискѣ прозаической редакціи о мѣстѣ кончины Іосифа говорится неопредѣленно (можно думать, впрочемъ, что и этотъ манускриптъ имѣлъ въ виду сказать то, что сообщаютъ два упомянутые [4]), и только въ одномъ Ms. C. встрѣчаемъ, что Іосифъ „fina en la terre et ou païs où il fu envoiez de par Jhesu Crist“ [5]). Hucher замѣчаетъ, что въ этихъ словахъ не пояснено опредѣленно о мѣстѣ кончины Іосифа [6]). Но, разсказавши о томъ, что riches peschierres отправился въ Британію, рукопись говоритъ объ Іосифѣ: „et einsinc *remest* Joseph“.... Очевидно,

---

[1]) Le S.-Graal, I, 128—129. Въ поправкахъ и дополненіяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги, Hucher готовъ выразить сомнѣніе съ существованіи латинской книги о Гралѣ (p. 532), но—нерѣшительно.

[2]) V. 3455—60.

[3]) Mss. D. (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 332) и H. (ib., 364).

[4]) Въ Ms. A. говорится: »Ainsi remest Jo; et si va en la tiére et ou pays« (ib., 125). Сказавши, что Іосифъ остался, манускриптъ могъ повести его потомъ только на мѣсто родины.

[5]) Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 275.

[6]) Ib., 125.

что и по Ms. C. Іосифъ не пошелъ въ Британію [1]). Должно принять во вниманіе, что и у поэта XII стол. Кретьена де Труа, современника de Borron'a, сообщается объ Іосифѣ:

Et, quant il furent départis,
Il s'en *ala en son païs* [2]).

Потомъ Кретьенъ заставилъ Іосифа отправиться въ Британію [3]). Безспорно однако, что въ концѣ XII-го стол. существовало сказаніе, по которому Іосифъ умеръ въ Іудеѣ, а это можетъ свидѣтельствовать въ пользу чтенія, предлагаемаго въ Mss. D. и H., которое должно предпочесть варіанту Ms. C., могшему явиться вслѣдствіе прилаженія словъ о мѣстѣ кончины Іосифа къ вставкамъ, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь. Фраза объ упокоеніи Іосифа въ землѣ, въ которой онъ родился, считаемая нами подлинною de Borron'a, не могла явиться при вторичной редакціи произведенія и вообще послѣ выхода въ свѣтъ поэмы, потому что сага о проповѣди Іосифа въ Британіи пріобрѣтала съ годами болѣе и болѣе популярности, благодаря *большому Гралю* и другимъ романамъ. Если же слова о кончинѣ Іосифа должно признать уцѣлѣвшими отъ первичной композиціи, то необходимо приписать вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшей вставкѣ сообщенія о миссіонерской дѣятельности въ Британіи Іосифа [4]) и другихъ лицъ [5]), находящіяся исключительно въ Ms. C., не вяжущіяся ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ повѣствованіемъ и противорѣчащія остальному содержанію поэмы [6]). Допустить такую вставку намъ позволяетъ все прежде сказанное о Ms. C.

---

[1]) И Hucher сознается въ концѣ концовъ, что »dans la donnée française, Ioseph s'en retourne dans son pays«.

[2]) Percev. le Gallois, v. 35123—24.

[3]) Ib., 35127.

[4]) Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, p. 262 et 265.

[5]) Ibid., p. 275.

[6]) Намекъ на вставку заключается въ слѣдующихъ строкахъ объ Іосифѣ: »... et puis s'entrevint converser en ces diverses parties d'ocidant *si com vos avez oï el conte,* mais totes les avantures qui lor avint, ne vos puis—ge retraire, autrepart me covient á guanchir« (Le S.-Graal, publié par *Hucher*, I, 262). По роману Мар'a, сыновья Брона женились въ Британіи, и въ словахъ Ms. C. объ этомъ сказалось вліяніе Мар'a.

Поэтому нельзя сказать съ Hucher [1]), что Robert de Borron думалъ привязать исторію Іосифа Аримаѳ. къ приключеніямъ въ Великобританіи.

По de Borron'у, Іосифъ умеръ въ родной землѣ. О проповѣдническої дѣятельности его въ дошедшей къ намъ второй редакціи поэмы говорится въ нѣсколькихъ словахъ. Весьма вѣроятно послѣ этого, что если и разсказывалось вначалѣ о выходѣ Іосифа за предѣлы Палестины, то повѣствованіе о томъ было очень кратко.

Въ дошедшей до насъ редакціи поэмы сообщается, что лица, окружавшія Іосифа, отправились на западъ, но не говорится ни о путешествіи ихъ, ни о судьбахъ ихъ въ Британіи. По мѣстамъ встрѣчаются намеки на исторіи, какія передавались въ романахъ Круглаго Стола о Персевалѣ и Галаадѣ, но эти намеки могутъ быть отнесены ко вторичной редакціи поэмы. Переходъ на западъ лицѣ, послѣдовавшихъ за Іосифомъ, случился *послѣ долговременнаго пребыванія* ихъ въ Азіи внѣ Палестины [2]), чтò весьма замѣчательно. Авторъ видимо затруднялся продолжать исторію ихъ за предѣлами Азіи; еслибы было иначе, онъ не откладывалъ бы разсказа объ этомъ. Какъ ни мотивировать переходъ къ Мерлину непосредственно вслѣдъ за исторіей Іосифа Аримаѳ., естественно было автору поэмы, если онъ хотѣлъ и *могъ* передать то, чтò говорилъ Мар о Гралѣ, держаться порядка разсказа, принятаго англійскимъ романистомъ въ *большомъ Гралѣ*, и присоединить къ первой части поэмы отдѣлы, непосредственно слѣдовавшіе за нею, а не пятый. Очевидно, что исторія Граля и сопровождавшихъ его за предѣлами Азіи, составлявшая достояніе творчества Мар'а, не входила въ первоначальный планъ de Borron'а. А какъ выдѣленіе различныхъ лицъ изъ толпы, окружавшей Іосифа, имѣло смыслъ въ исторіи его только по отношенію къ мнимому участію ихъ въ обращеніи жителей Британіи въ христіанство и вообще—при изображеніи переселенія *цѣлаго общества* христіанъ на западъ, то становится вѣроятнымъ, что въ первоначальномъ произведеніи de Borron'а эти лица не были выдвинуты [3]). Такое предположеніе необходимо нѣсколько умѣрить,

---

[1]) См. стр. 117 его книги.

[2]) Ibid. 251. Риѳмованный романъ, ст. 2364.

[3]) Во всякомъ случаѣ, личность Петра (Petrus) едва ли занимала выдающееся положеніе у de Borron'а съ перваго раза. De Borron не сочувствовалъ тенденціямъ Мар'а и не желалъ чрезмѣрно возвеличить Іосифа. Петръ

если допустить, что уже въ первичной редакціи романа de Borron'a говорилось о перенесеніи Граля на западъ. Замѣчательно, что у de Borron'a не пояснено опредѣленно, куда въ концѣ концовъ прибылъ Граль; очевидно, что нашъ поэтъ былъ далекъ въ поэмѣ отъ локализаціи Граля [1]).

Итакъ, вотъ какимъ представляется намъ первичный составъ

выдвинутъ въ противовѣсъ этимъ тенденціямъ для уменьшенія непріятнаго впечатлѣнія, какое могло произвести сказаніе объ Іосифѣ на строгихъ приверженцевъ Рима, и de Borron примкнулъ въ этомъ случаѣ къ преданію о миссіонерскихъ путешествіяхъ ап. Петра по западу Европы. Явленіе съ неба во время молитвеннаго собранія у Граля повелѣнія, которое долженъ былъ прочесть Петръ, о направленіи путешествія служителей Граля, напоминаетъ видѣніе ап. Петра въ Іоппіи, о которомъ говорится въ книгѣ Дѣяній и которое внушало проповѣдывать христіанство не только для іудеевъ, но и для язычниковъ. Сидя за столомъ, на которомъ помѣщался Граль, Петръ поэмы говоритъ объ отверженіи не нашедшихъ мѣста у стола. Принадлежавшій къ послѣднимъ Моисей не есть ли олицетвореніе отринутыхъ въ Новомъ Завѣтѣ Іудеевъ? Замѣтимъ, наконецъ, что въ риѳмованномъ текстѣ Петръ названъ »Dieu amis« (v. 3199) — выраженіе весьма интересное.—Сл. замѣчаніе P. Paris: »Petrus que Dieu va choisir pour son premier messager semble opposé à S. Pierre« (Rom., l. c., p. 479).

[1]) Петръ долженъ былъ отправиться »ès vaux de Avaron et iceles terres traient totes vers occident« (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 268). Въ другомъ мѣстѣ о »vaux d'Avaron« говорится, какъ объ »un solutaire leu vers occident« ib., 270). Въ риѳмованномъ текстѣ сказано (v. 3100—3101) о Петрѣ, что онъ

....s'en ira vers occident
Es plus loiteins lius que pourra.

Сл. у Васа отвѣтъ Діаны Бруту:

Oltre France, dedans la mer,
Vers Ocidant, poras trover
Une ille bonne et abitable,
Et à manoir mult delitable.

Le roman de Brut par Wace publié par *Le Roux de Lincy* (t. I, Rouen MDCCCXXXVI), v. 681—684. De Borron обозначилъ неясно пунктъ, гдѣ должны были остановиться съ Гралемъ, можетъ быть, въ виду легендъ о крови Христовой, обращавшихся въ то время на западѣ.

поэмы de Borron'a. Она излагала исторію Іосифа Аримаѳейскаго до освобожденія его изъ темницы Веспасіаномъ и затѣмъ вкратцѣ передавала жизнь его до смерти на родинѣ [1]). Возможно, что поэма сообщала объ отправленіи Іосифомъ предъ его кончиною драгоцѣнной реликвіи на западъ, но при этомъ выступали не всѣ лица, выведенныя впослѣдствіи, и были описаны менѣе подробно обстоятельства выхода родственниковъ Іосифа изъ Азіи.

Естественно думать, что приблизительно тоже было въ источникѣ или источникахъ, по которымъ писалъ de Borron. Съ принятіемъ же этого будетъ подорвана гипотеза Hucher о томъ, что de Borron получилъ матеріалъ для своей поэмы отъ Мар'а.

Могутъ сказать вмѣстѣ съ Hucher, что главное изъ отличій романа de Borron'a отъ романа Мар'а—погребеніе Іосифа въ Іудеѣ—должно приписать вліянію Вогезскаго преданія [2]), и что de Borron систематически отступалъ отъ бывшаго предъ нимъ источника [3]), по которому работалъ и Мар. Но, во 1-хъ, у de Borron'a не видно связи съ Вогезскою легендою и желанія пріурочить разсказанную имъ исторію сколько-нибудь къ Moienmoutier, а во 2-хъ, имѣя общій съ Мар'омъ источникъ и отступая отъ него въ указаніи мѣста упокоенія Іосифа, de Borron послѣдовалъ бы за нимъ въ остальномъ, т. е. коснулся бы судебъ Граля въ Британіи, ибо латинская легенда, навязываемая Мар'у, должна была привести туда Граля и оканчиваться повѣствованіемъ о приключеніяхъ съ нимъ въ этой мѣстности, что̀ могло быть въ особен-

---

[1]) Періодъ времени отъ разрушенія Іерусалима до смерти Іосифа не оставался безъ событій; вѣроятно, de Borron наполнилъ этотъ промежутокъ разсказомъ о проповѣднической дѣятельности Іосифа, и, говоря о немъ (Percev. le Gallois, v. 35124—26):

> Il s'en ala en son païs,
> Et tout partout ù il aloit
> La loi Ihésucrist essauçoit,

Кретьенъ-де-Труа, можетъ быть, передалъ часть содержанія поэмы de Borron'a. А можетъ быть, de Borron просто сообщалъ, что Іосифъ провелъ остатокъ дней своихъ внѣ Іудеи съ нѣсколькими близкими ему лицами.

[2]) См. Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, p. 125.

[3]) Ib., 70.

ности интересно для англійскаго читателя [1]). De Borron нисколько не погрѣшилъ бы противъ Вогезскаго преданія, еслибы ввелъ Іосифа—сына въ разсказъ и еслибы ему, а не Alain'у, далъ, по примѣру Мар'а, первое мѣсто въ исторіи перехода Израильтянъ въ Англію. Несогласіе въ этомъ de Borron'а и Мар'а указываетъ на необщность источника.

Невозможно отрицать, что *почти все* содержаніе поэмы de Borron'а вошло въ романъ Мар'а, несомнѣнно знакомаго съ произведеніемъ de Borron'а. Мар не внесъ въ свой романъ лишь начала поэмы, коротко излагающаго исторію искупленія и повѣствующаго о Тайной Вечери: это не относилось прямо къ предмету романа; притомъ объ искупленіи предвидѣлась рѣчь впереди. Нѣкоторыя подробности Мар переработалъ на свой ладъ и вставилъ въ разсказъ по иному плану. Такъ, у него три чудесныя питанія, происшествіе съ Моисеемъ случилось послѣ перенесенія Граля въ Британію [2]), и, по образцу эпизода о Моисеѣ, какъ онъ разсказанъ у de Borron'а, составленъ новый—о Симеонѣ и Канаанѣ [3]). Мар исправилъ также нѣкоторыя несообразности, встрѣчавшіяся у de Borron'а. Правителемъ Іерусалима во время поднятія дѣла о смерти Іисуса былъ, по Мар'у, не Пилатъ, а *Felis*; происшедшее при этомъ разрушеніе Іерусалима отличается отъ другаго. По de Borron'у, мѣсто у стола Тайной Вечери, оставшееся послѣ Іуды, никѣмъ не было занято; Мар же не забылъ Матѳея.

Если при этомъ содержаніе источниковъ поэмы de Borron'а болѣе или менѣе соотвѣтствовало возстановленному нами составу ея въ первичной редакціи (отрицать такое соотвѣтствіе, какъ мы видѣли, нѣтъ основаній), и, слѣдоват., эти источники не могутъ быть отождествляемы съ Гластонберійской легендой, или съ какими-нибудь видоизмѣненіями ея, и потому не должны быть предполагаемы обращавшимися

---

[1]) P. Paris такое и усвояетъ содержаніе латинской книгѣ Граля. Romania, l. c., p. 465.

[2]) У de Borron'а цѣлесообразнѣе. Въ романѣ о Гралѣ Мар'а Моисей выступаетъ дважды, въ первый разъ—во время путешествія Іосифа въ Британію.

[3]) Вообще у Мар'а немало эпизодовъ, дважды повторяющихся, только каждый разъ—съ иными личностями, какъ встрѣчаются два Ланселота и два Галаада.

исключительно въ Англіи [1]), то не за чѣмъ прибѣгать къ гипотезѣ тождества источниковъ англійскаго и французскаго труверовъ и естественнѣе предположить пользованіе произведеніемъ de Borron'a со стороны Мар'а, который взялъ его за исходный пунктъ и освѣтилъ иною идеею [2]). Съ этимъ согласуется замѣчаніе Hucher [3]), что факты, обстоятельно развитые у de Borron'a, переданы у Мар'а кратко. Можно даже отмѣтить совпаденіе обоихъ романовъ въ нѣсколькихъ фразахъ [4]). Допустить обратное пользованіе, т. е. пользованіе со стороны de Borron'a произведеніемъ Мар'а невозможно послѣ сказаннаго выше.

Мы сомнѣваемся, чтобы *Мар* имѣлъ передъ собою латинскую исторію Граля. Въ подтвержденіе существованія ея въ Англіи приводятся свидѣтельства Hélie de Borron'a въ предисловіи къ роману Guiron le Courtois и въ эпилогѣ романа о Тристанѣ. Но Hélie de Borron представляетъ латинскую книгу какъ бы содержавшею всѣ исторіи Круглаго Стола; по его словамъ, она была „grant et merveilleux" [5]). Послѣ этого понятно, насколько заслуживаютъ вниманія толки Hélie de Borron'a.

О той же латинской книгѣ говоритъ и Luces de Gast въ началѣ романа о Тристанѣ: „Apres ce que iai leu et pourleu et pourueu par maintes fois. le grant liure de latin celui meismes qui deuise apertement lestoire dou Saint Graal. Mout mesmeruel que aucuns preudoms

---

[1]) Такая исторія Іосифа Аримаөейскаго, какая была, по нашему мнѣнію, предъ de Borron'омъ, могла обращаться одновременно и въ Англіи, и во Франціи, и даже въ другихъ странахъ западной Европы. Ее могли передавать устно, могли излагать и письменно—на латинскомъ языкѣ.

[2]) И Hucher склоняется къ тому, что Мар'у была извѣстна поэма de Borron'a (Le S.-Graal, I, 66). Познакомиться съ нею Мар могъ во Франціи, гдѣ онъ былъ нѣсколько разъ.

[3]) Le S.-Graal, I, 129.

[4]) См. слова Мар'а: »Ensi vaspasiiens uenga ihesu crist corporelment de ses anemis« съ словами de Borron'a: »Ensinc venja Vaspasians la mort de Ihésu —Crist« (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 251). — У Мар'а читаемъ: »autresi bien aloit chil en infer qui tous iours auoit fait bien, comme chil qui tous les maus auoit fais«; у de Borron'a: »En icel tens, dont je vos parol, aloient tuit en anfer, nès les prophetes« (Le S.-Graal, I, 209).

[5]) Ibid., 159. Строки о латинской книгѣ вылились изъ подъ пера Hélie de Borron'a въ подражаніе первымъ строкамъ романа Luces de Gast'a.

ne vient auant qui empraigne à translater le latin en francois..." [1]) Нѣкоторые ученые склонны считать романъ Luces de Gast'a однимъ изъ самыхъ раннихъ въ ряду романовъ Круглаго Стола. Но изъ приведенныхъ строкъ предисловія этого романа, упоминающихъ о „le grant lestoire dou Saint Graal", кажется, слѣдуетъ заключить, что Luces писалъ (по крайней мѣрѣ,—цитированное начало романа) послѣ Мар'а, или—когда не опубликованный романъ о Гралѣ былъ уже извѣстенъ по слухамъ [2]). Замѣчательно, что Luces de Gast объявляетъ себя жившимъ вблизи Салисбери, гдѣ, по словамъ Мар'а была найдена латинская книга, переложеніе которой составляетъ романъ „La Quête du Saint Graal".

Если же, несмотря на все это, думать однако, что Мар заимствовалъ не у de Borron'a встрѣчающееся у послѣдняго, а изъ того самаго источника, изъ котораго черпалъ французскій поэтъ, и если содержаніе этого источника ограничивать тѣмъ, что̀ несомнѣнно вошло въ первую редакцію поэмы de Borron'a, т. е. признать его исторіею Іосифа Аримаѳейскаго, не выводившею послѣдняго за предѣлы Палестины, то оба трувера могли познакомиться съ предполагаемымъ источникомъ независимо одинъ отъ другаго, и de Borron'y не было надобности путешествовать въ Англію за матеріалами для поэмы.

Hucher постоянно говоритъ о томъ, что произведенія de Borron'a и Мар'а явились при взаимномъ ихъ сотрудничествѣ, и мы находимъ не лишнимъ коснуться его доводовъ.

Кромѣ указаннаго уже сходства между этими произведеніями, Hucher приводитъ въ защиту своей гипотезы и другіе факты.

Онъ старается установить генеалогію de Borron'a и строитъ довольно сложныя и вмѣстѣ шаткія подмостки, чтобы подвести его какъ-нибудь къ Мар'у.

Опровергая высказанныя доселѣ соображенія относительно фамиліи, къ которой принадлежалъ авторъ *малаго Граля*, Hucher не коснулся указаній Fr. Michel'я [3]). Вспомнимъ, что Hélie de Borron, род-

---

[1]) *Ad. Keller*, Romvart, Mannheim, Paris 1844, p. 134. Выдержка изъ предисловія Luces de Gast'a напечатана также въ XV т. *Histoire litt. de la France* (p. 494—495 по изд. 1869).

[2]) Сл. у Hucher: Le S.-Graal, I, 532.

[3]) Tristan, I, note 67, p. ciii.—Hucher (p. 43—44) упомянулъ только о мнѣніи Pearson'a, производящаго фамилію de Borron'овъ отъ деревни Bures въ Канскомъ округѣ.

ственникъ Роберта, написавшаго поэму объ Іосифѣ, жилъ въ Англіи. Въ тѣ времена странствованій рыцарей переходы ихъ изъ одной страны въ другую были нерѣдки, и нельзя оставлять безъ вниманія англійскія фамиліи *de Burro* [1]) и *de Buron*. Возражая противъ мнѣнія Paulin'a Paris, считающаго Роберта de Borron лотарингцемъ, Hucher замѣчаетъ, что мѣстность у Верхняго Рейна, откуда, по словамъ Р. Р., происходилъ Робертъ, называется Boron а не Borron, Bourron, Buron или Berron, съ каковыми четыремя прозвищами является въ рукописяхъ романовъ Круглаго Стола Робертъ, авторъ поэмы объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ [2]). Но онъ называется въ манускриптахъ нерѣдко и de Boron. Доводъ Hucher, что помѣстье de Borron'овъ, къ которымъ принадлежалъ Робертъ и которые составляли вѣтвь фамиліи des Barres, должно было находиться вблизи помѣстьевъ послѣднихъ, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія [3]).

Лицо, которое Hucher признаетъ авторомъ поэмы объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, не можетъ считаться таковымъ по нашему мнѣнію. Уже въ 1169 г. сынъ Роберта, указываемаго у Hucher, является подтвердителемъ отцовскаго распоряженія относительно одной части земли, принадлежавшей Роберту [4]). Можно сомнѣваться въ томъ, чтобы послѣдній былъ тогда живъ. Hucher указываетъ на опущеніе въ грамотѣ слова „defunctus“, но такого эпитета могли не употребить въ виду давности смерти Роберта. Знаменательно отсутствіе дальнѣйшихъ упоминаній о немъ въ напечатанныхъ Hucher актахъ. Hucher объясняетъ это удаленіемъ Роберта de Borron въ Англію, гдѣ будто бы онъ переводилъ съ Мар'омъ латинсвую книгу Граля [5]), но вѣдь Hucher признаетъ также, что Робертъ возвратился потомъ во Францію. Робертъ, указываемый у Hucher, не носитъ фамиліи de Borron ни въ одномъ актѣ. Hucher старается устранить это затрудненіе, говоря, что въ

---

[1]) De Borron'ы, указываемые Hucher, въ актахъ XIII стол. также называются Burron'ами.

[2]) Le S.-Graal, I, 34.

[3]) Замѣтимъ, что фьефовъ Barre и Barres было нѣсколько. *Gourdon de Genouillac,* Dictionn. des fiefs, Paris 1862, p. 21—22.

[4]) Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 47.

[5]) Ib., 57.

приписке фамиліи (de Borron) къ имени Роберта не было надобности вслѣдствіе извѣстности этого лица, но такое возраженіе примѣнимо только къ грамотамъ, писаннымъ во Франціи, и остается страннымъ, что Робертъ является безъ прозвища и въ папской грамотѣ. Предполагая даже, что онъ былъ живъ послѣ 1169 г. и назывался de Borron, всетаки невозможно принимать его за автора поэмы объ Іосифѣ Аримаѳ. Этотъ Робертъ долженъ былъ имѣть въ 1169 г. minimum 40 лѣтъ, авторъ же *малаго Граля* былъ товарищъ по оружію и другъ Hélie de Borron'a, который называетъ себя молодымъ человѣкомъ въ предисловіи къ роману *Guiron le Courtois,* вышедшему въ свѣтъ не ранѣе конца первой четверти XIII стол. [1]). Если пресловутое вы-

---

[1]) Изъ предисловія этого романа видно, что онъ былъ написанъ послѣ выхода въ свѣтъ романовъ о Тристанѣ, поэмы de Borron'a и Ланселота Map'a. Hélie заявляетъ, что онъ работалъ очень долго надъ Тристаномъ (Le S.-Graal, publié par *Hucher*, I, p. 36, 156, 160) и много также времени посвятилъ исторіи Граля, пиша свой второй романъ. Послѣднее свидѣтельство довольно важно для рѣшенія вопроса о времени появленія романа Guiron le Courtois: »Grant temps a jà que je ai esgardé et veu les merveilleuses aventures, estranges faits que la haute histoire du Saint Graal devise apertement; moult y ai eurieusemet mise m'entente et le sens que nature m'a donné; moult y ai pensé et vueillié et travaillié estudieusement...« (ib., 157—58).—Мы склоняемся думать, что романъ *Guiron le Courtois* написанъ въ первые годы правленія Генриха III. Hucher (p. 61—62) полагаетъ это невозможнымъ потому, что пришлось бы тогда продолжить жизнь Роберта de Borron до 1230 г., около каковаго времени Hélie могъ получить награду отъ Генриха III. Но уже въ 1223 г. было объявлено, что Генрихъ III (ему было тогда лѣтъ 16) достаточно выросъ, чтобы распоряжаться своими землями и замками, а въ 1224 г. встрѣчаются и самые факты такого распоряженія. Слѣдоват., относя литературную дѣятельность Hélie de Borron'a къ началу правленія Генриха III, возможно и не отодвигать предѣлъ жизни Роберта къ концу двадцатыхъ годовъ XIII в., а до начала ихъ Робертъ могъ дожить. Въ предисловіи къ роману *Guiron* Hélie de Borron не говоритъ о Робертѣ, какъ о живомъ лицѣ, а сообщаетъ лишь, что началъ романъ о Тристанѣ по просьбѣ Роберта и—потому, что они были долго товарищами по оружію (»et pour ce que compaignon d'armes *fusmes* longement«). Онъ упоминаетъ о Робертѣ, какъ о своемъ современникѣ, въ эпилогѣ этого другаго своего романа, написаннаго ранѣе романа *Guiron le Courtois,* и именно въ промежутокъ времени отъ

раженіе „en peis“ въ строкахъ риѳмованнаго текста, относящихся къ Gautier de Montbéliard [1]), толковать согласно съ Paulin'омъ Paris [2]), т. е. считать однозначущимъ съ латинскимъ „in pace“, употреблявшимся въ могильныхъ надписяхъ, то авторъ *Іосифа Аримаѳейскаго* жилъ еще во второмъ десяткѣ XIII стол. Исходя въ сущности изъ того же пониманія *peis* (какъ видоизмѣненія въ правописаніи слова païs=paix), Hucher относитъ это выраженіе къ тѣмъ излишнимъ собственно словамъ, которыя поэты

1204 до 1220 г. (Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи мы соглашаемся съ P. Paris: см. *Les manuscr. franç.*, II, p. 353). О названіи *Romania* въ примѣненіи къ византійской имперіи см. въ ст. *Gaston'a Paris*: »Romani, lingua Romana, Romancium« (Romania, № 1, p. 14—15). Вчитываясь въ слова Hélie de Borron'a, можно найти подтвержденіе сказаннаго. Въ эпилогѣ къ Тристану авторъ сообщаетъ: »....por les biaux dis qui i sont, *li rois qui est ores sires de cestui païs*, en fu moult liés quant li livres fu fais« (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 35—36). Отмѣченная курсивомъ фраза заслуживаетъ особеннаго вниманія: очевидно, романъ былъ написанъ, когда Генрихъ III не вступалъ еще въ управленіе государствомъ, эпилогъ же—потомъ. Въ предисловіи къ роману *Guiron*, Hélie de Borron постоянно употребляетъ прошедшее время въ рѣчи о современникахъ Генриха II (напр.: »messire Gasse li blons qui parenz *fu* le roi Henri«; »maistre Gautiers Map qui *fu* clers au roi Henry«). О королѣ, при которомъ Hélie писалъ, онъ выражается такъ: »messires li rois Henris à qui mes livres ot tant pleu,.... quant il ot regardé dès le commencement jusques en la fin, pour ce qu'il avoit oï tous les autres livres qui du livre du Saint Graal estoient trait en françois *devant lui* et le mien et les autres les avoient toz...« Возможно ли было бы говорить такъ о Генрихѣ II?—Относя появленіе романовъ Hélie de Borron'a къ первымъ годамъ царствованія Генриха III, мы не думаемъ утверждать, что тогда же вышла въ свѣтъ и поэма объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ.

[1]) V. 3489 ss.:

A ce tens que je la retreis
O mon seigneur Gautier *en peis*
Qui de Mont—Belyal estoit,
Unques retreite esté n'avoit *etc.*

P. Paris въ статьѣ о романахъ о Гралѣ, помѣщенной въ Romania, вм. peis поставилъ pès, но это произвольно (*fac-simile* строкъ о Gautier см. у Hucher на стр. 75 и 373).

[2]) Les rom. de la T. R., I, 113.

XIII стол. употребляли больше для риѳмы, и полагаетъ, что „en peis" означаетъ: „à l'aise, tranquillement, à loisir", но и такое объясненіе страдаетъ искусственностію [1]).

Не должно ли въ силу сказаннаго различать Роберта de Borron, автора нашей поэмы, отъ Роберта, указываемаго у Hucher, и причислить перваго къ другой вѣтви фамиліи de Borron, какъ и родственника его, Hélie de Borron, о которомъ нѣтъ упоминаній въ монастырскихъ документахъ, извлеченіе изъ которыхъ представилъ Hucher?

Hucher придаетъ значеніе происхожденію фамиліи de Borron. На томъ основаніи, что Вильгельмъ II des Barres женился послѣ 1202 г. на Amicie, графинѣ Лейчестерской, вдовѣ Симона де Монфоръ, Hucher заключаетъ, что и члены фамиліи de Borron, составлявшей отдѣлившуюся вѣтвь des Barres, вошли въ сношенія съ вельможами Генриха II, умершаго въ 1189 г., въ томъ числѣ и съ Мар'омъ. Потомъ Hucher дополняетъ: хотя указываемый имъ бракъ случился въ 1202 г., но въ мѣстности, гдѣ жили de Borron, англійскіе бароны имѣли постоянныя дѣла [2]). Можно подумать, что Hucher разумѣетъ хоть нѣсколькихъ бароновъ: оказывается однако, что онъ говоритъ о тѣхъ же Лейчестерахъ [3])!

---

[1]) Осмѣливаемся предложить иное толкованіе: не слѣдуетъ ли связывать »en peis« съ словами »de Mont-Belyal« и подъ *peis* разумѣть *pays*? Загадочная фраза означала бы при такомъ толкованіи: „который (т. е. Gautier) былъ въ землѣ Montbéliard". Въ періодъ, къ которому относится рукопись поэмы, писали не только *païs*, но и *pais* [въ манускриптахъ *Le roman de Brut* встрѣчается даже *pays*: t. I, p. 9, 49 (v. 935)]. Pais же въ діалектѣ, на которомъ написана поэма, могли замѣнить *peis*, какъ *ainsi* было замѣнено *einsi*, *mais meis* и т. п. Тогда писали не только palais, но и paleis и paleiz (*C. Hippeau*, Diction. de la langue française au XII et au XIII siècle, Paris 1873, t. II, p. 57). По отношенію къ предполагаемому нами переходу pais въ peis интересно, что въ концѣ 2698 ст. риѳмованнаго текста вм. »paist« поставлено »peit«. Объ *ai* и *ei* въ рукописяхъ *Роланда* см. у *H. Loeschorn*'а: Zum normannischen Rolandsliede, Leipzig 1873, S. 22. Cf. *Romania*, II, 262.

[2]) На стр. 369 Hucher опять утверждаетъ, что Robert de Borron вошелъ въ сношенія съ Мар'омъ »probablement par l'entremise des sires des Barres, alliés aux Leycester«.

[3]) Le S.-Graal, I, 49--50.

Упоминаніе о городѣ Meaux въ *большомъ Граалѣ* [1]) Hucher готовъ приписать de Borron'y; если же оно принадлежало Мар'у, то послѣдній назвалъ этотъ городъ мѣстомъ рожденія Эвалака, по мнѣнію Hucher [2]), —изъ уваженія къ de Borron'y. Но не было ли то упоминаніе слѣдствіемъ уваженія къ самимъ Barres, и не было ли у Мар'а какихъ-нибудь оставшихся намъ невѣдомыми отношеній къ той мѣстности? Извѣстно, что Мар учился во Франціи и потомъ не разъ путешествовалъ по ней [3]). Городъ Meaux былъ также славенъ вслѣдствіе пріуроченія къ нему нѣсколькихъ святыхъ.—Hucher указываетъ вслѣдъ за P. Paris на слова: „Franche estoit plus de fière gent que les autres tières", но такъ могъ сказать и англо-французъ.

Hucher ссылается далѣе на извѣстія въ романахъ о Тристанѣ и Guiron le Courtois [4]), но тамъ не говорится ничего о какихъ-нибудь связяхъ между Робертомъ de Borron и Мар'омъ [5]).

Приводимое Hucher показаніе Ms. № 2455 nouv., 8188 anc. de la Bibl. Nat.: „Or dist li contes qui est estrais de toutes les ystoires, si counne Robers de Borons le translatait de latin en romans, *à l'ayde de maistre Gautier Map*" не современно de Borron'y, а относится къ позднѣйшей порѣ. Насколько можно довѣрять такимъ позднѣйшимъ вставкамъ, знаетъ всякій изучавшій исторію литературныхъ памятни-

---

[1]) На это мѣсто романа Мар'а прежде еще обратилъ вниманіе P. Paris (Les rom. de la T. R., I, 191).

[2]) Le S.-Graal, I, 37—38.

[3]) Онъ былъ посланъ ко двору франц. короля Louis le Ieune, проѣзжалъ затѣмъ чрезъ Францію на соборъ въ Римъ и гостилъ у Генриха, графа Шампани, а въ 1183 г. былъ вмѣстѣ съ Генрихомъ II, англ. королемъ, въ Анжу. *Wright*, Biogr. Brit. lit., Anglo-Norman per., 296-297. *Hardy*, Descriptive catalogue of mater. relat. to the history of Great Britain and Ireland, vol. II, 487—488.

[4]) Онъ упоминаетъ еще (р. 49) о какихъ-то свидѣтельствахъ въ романахъ о Гралѣ и Ланселотѣ, но не приводитъ этихъ свидѣтельствъ.

[5]) Въ словахъ Helie de Borron'a можно отмѣтить, какъ интересную съ точки зрѣнія Hucher, фразу, что Мар »fit lou *propre* livre de monsoingnour Lancelot dou Lac«. Но ее можно толковать (и то съ натяжками) лишь такъ, что, по мнѣнію Hélie de Borron'a, Мар въ романѣ о Гралѣ воспользовался трудомъ Роберта de Borron. Можно спросить однако, почему Hélie de Borron ставитъ Роберта прежде Мар'а въ перечнѣ авторовъ бретонскихъ романовъ?

ковъ, подвергавшихся частой переписке [1]). Несообразность свидѣтельства, на которое опирается Hucher, видна уже изъ того, что оно представляетъ Роберта de Borron авторомъ *большаго Граля*. Встрѣчая въ рукописяхъ одного романа о Гралѣ имя de Borron'a, а въ манускриптахъ другаго—имя Map'a, могли вообразить англійскаго клерка сотрудникомъ Роберта de Borron, который пріобрѣлъ большую извѣстность во Франціи и считался авторомъ не только Граля и Мерлина.

Таковы доказательства у Hucher положенія, что Робертъ de Borron и Map писали свои романы при взаимномъ содѣйствіи. Hucher обратился къ помощи фантазіи, заставляя Роберта de Borron постоянно переноситься съ мѣста на мѣсто. Если вѣрить Hucher, de Borron подарилъ свои земли аббатству Barbeaux, познакомился съ Map'омъ, когда тотъ былъ при дворѣ французскаго короля, переселился затѣмъ въ Англію, трудился тамъ съ Gautier надъ переводомъ латинской книги, доставившей ему матеріалъ для поэмы, самую поэму отправился писать въ Montbéliard, гдѣ интересъ къ ней возбуждало, помимо другихъ обстоятельствъ, почитаніе мощей Іосифа Аримаѳейскаго въ Вогезахъ (sic), а потомъ опять отправился въ Англію и помогалъ Map'y писать большой романъ о Гралѣ. Hucher не пришелъ, повидимому, къ прочнымъ выводамъ, и не разъ у него встрѣчаются предположенія, отличныя отъ высказанныхъ передъ тѣмъ.

De Borron'y не было надобности въ содѣйствіи Map'a: поэма объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ исполнена простоты и не лишена ошибокъ, указывающихъ на недостаточность образованія автора, даже въ пересказѣ событій св. исторіи. Не было необходимости de Borron'y знакомиться съ Map'омъ и для написанія Мерлина [2]).

Не нуждался въ помощи de Borron'a и Map, обладавшій обширными знаніями и богатою фантазіею. Не понимаемъ, что̀ могло заставить его дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ поэтическимъ замысломъ и матеріалами для выполненія его.

Сказаніе, легшее въ основу поэтическихъ созданій о Гралѣ de Borron'a и Map'a, является въ простѣйшемъ видѣ у перваго; у Map'a

---

[1]) Подобнаго, повидимому, взгляда на разбираемое мѣсто держится и P. Paris. См. Les rom de la T. R., I, 92; Romania, 1 année, p. 482. O Ms. 8188 см. у Leroux de Lincy, Essai *etc.*, p. IX.

[2]) *P. Paris*, Les rom. de la T. R., I, 355.

же оно получило тенденціозный оттѣнокъ, котораго не имѣло до той поры, и открыло собою длинный рядъ измышленій.

Съ простотою содержанія, благодаря которой поэма объ Іосифѣ Аримаѳ. можетъ быть названа наименѣе сложнымъ изъ литературныхъ произведеній о Гралѣ, она соединяетъ несомнѣнное хронологическое первенство въ ряду ихъ [1]).

Поэтому, кому бы ни приписывать—de Borron'у ли, или Мар'у—честь почина въ перенесеніи легенды о Гралѣ въ область литературы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, занимающійся выводомъ этой легенды долженъ обратить преимущественное вниманіе на поэму de Borron'а, совсѣмъ оставивъ въ сторонѣ Kyôt и нѣмецкій переводъ или передѣлку его романа (у Вольфрама фонъ Эшенбахъ).

Поэма Роберта de Borron составляетъ какъ бы переходное звено отъ легенды о Гралѣ, какою она была до обработки ея въ романахъ, къ легендѣ романической. Она даетъ возможность подойти къ источнику романической фабулы и наглядно показываетъ, въ чемъ состояли прибавки къ древнѣйшей канвѣ, и чтò было внесено въ сагу послѣ того, какъ она обратилась въ достояніе труверовъ.

Какимъ же является сказаніе о Гралѣ въ древнѣйшемъ *литературномъ* произведеніи объ этой святынѣ?

Въ отвѣтъ на это предлагаемъ очеркъ содержанія поэмы de Borron'а.

Она открывается разсказомъ объ искупленіи, которое авторъ разсматриваетъ, какъ освобожденіе отъ власти діавола. Затѣмъ романъ повѣствуетъ о предательствѣ Іуды и о Тайной Вечери.

Іисуса увели. Въ домѣ Симона, гдѣ Онъ въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ своими учениками, остался сосудъ, въ которомъ Христосъ священнодѣйствовалъ. Одинъ изъ Евреевъ унесъ сосудъ и отдалъ потомъ Пилату.

У правителя Іудеи состоялъ на службѣ chevalier по имени Іосифъ. Онъ видѣлъ много разъ Іисуса и полюбилъ Его. Присутствуя на совѣщаніи Іудеевъ, замышлявшихъ погубить Богочеловѣка, Іосифъ

---

[1]) Несложную схему поэмы, такимъ образомъ, не должно приписывать позднѣйшему и умышленному уничтоженію романическихъ подробностей въ легендѣ.—О хронологическомъ первенствѣ поэмы говоритъ самъ de Borron; свидѣтельствуютъ о немъ также рукописи *большаго Граля* и сличеніе поэмы съ другими произведеніями о Гралѣ.

не осмѣлился противорѣчить имъ. Но, узнавши о смерти Іисуса, онъ рѣшился, въ глубокой скорби, спасти отъ поруганія хотя бездыханное тѣло Его. Явившись къ Пилату, Онъ напомнилъ о своей службѣ и попросилъ въ награду тѣла распятаго. Удивленный правитель тотчасъ же согласился удовлетворить его просьбѣ. Іудеи не дозволяли однако снять тѣло Іисусово и ушли отъ креста только послѣ того, какъ Іосифъ явился вторично—уже въ сопровожденіи Никодима, посланнаго Пилатомъ.

Іосифъ принялъ въ свои руки святое тѣло и тихо положилъ его на землю. Омывая его, онъ замѣтилъ кровь, струившуюся изъ ранъ, и ужаснулся, вспомнивъ, что ею былъ разсѣченъ камень, находившійся у подножія креста. Іосифу пришелъ на мысль сосудъ Тайной Вечери, который передъ тѣмъ былъ отданъ ему Пилатомъ, и благочестивый мужъ нашелъ, что каплямъ божественной крови наиприличнѣе было помѣститься въ этомъ сосудѣ. Іосифъ взялъ сосудъ и собралъ въ него кровь изъ язвъ на ногахъ, рукахъ и боку. Послѣ того, обвивши тѣло Іисуса богатою тканью, положилъ Его въ приготовленную для себя гробницу.

Вѣсть о воскресеніи Христовомъ смутила Іудеевъ, и они рѣшили предать смерти Іосифа и Никодима, которыхъ считали виновниками потери Іисуса. Предупрежденный Никодимъ успѣлъ скрыться, Іосифъ же былъ схваченъ въ постели, жестоко избитъ и потомъ ввергнутъ въ принадлежавшую Каіафѣ темницу, которую такъ закрыли, что башня казалась снаружи каменнымъ столбомъ. Никто не зналъ, что̀ случилось съ Іосифомъ. Что касается Пилата, то онъ былъ сильно раздраженъ и огорченъ исчезновеніемъ его, потому что не имѣлъ вокругъ себя ни лучшаго друга, ни столь праводушнаго и храбраго chevalier.

Казалось, что все было кончено для Іосифа. Но истинные друзья познаются въ несчастіи, и Іосифъ не былъ забытъ Тѣмъ, за кого потерпѣлъ. Іисусъ явился ему въ темницѣ и принесъ сосудъ, содержавшій божественную кровь. Увидѣвши свѣтъ, Іосифъ возрадовался сердцемъ, исполнился благодати Св. Духа и воскликнулъ: „Всемогущій Боже! откуда можетъ происходить этотъ свѣтъ, если не отъ тебя“?

— Іосифъ! Іосифъ! сказалъ Іисусъ, не смущайся, тебя спасетъ сила Моего Отца.

— Кто ты, говорящій со мною? мой ослѣпленный взоръ не можетъ узнать тебя.

Тогда Іисусъ разсказалъ все сдѣланное Имъ для человѣческаго рода.

— Какъ, Господи, спросилъ Іосифъ, такъ ты—Іисусъ Назарянинъ, сынъ Маріи, тотъ, котораго Іуда предалъ за 30 сребренниковъ, котораго распяли Іудеи, и котораго я положилъ въ своей гробницѣ?

— Я тотъ самый, отвѣчалъ Іисусъ.

— О благій Господи, сжалься надо мною, я заключенъ сюда ради тебя и всегда много любилъ тебя, хотя не осмѣливался сказать тебѣ, боясь, что ты не повѣришь, такъ какъ я пребывалъ въ обществѣ искавшихъ твоей смерти.

— Мой другъ остается добрымъ и съ моими врагами, отвѣчалъ Іисусъ, и ты можешь видѣть это на себѣ. Ты былъ мой другъ, и я хорошо зналъ тебя и оставилъ тебя среди нихъ потому, что предвидѣлъ, что ты поможешь мнѣ тамъ, гдѣ не осмѣлятся помочь мои ученики, и ты это сдѣлалъ изъ любви къ моему Отцу, который даровалъ тебѣ волю и силу для такого служенія и оставилъ тебя служить Пилату, столь любившему тебя, что я былъ отданъ тебѣ и остаюсь твоимъ.

— О Господи, не говори мнѣ, что ты мой!

— Такъ, Іосифъ, возразилъ Іисусъ, я принадлежу всѣмъ добрымъ, и всѣ добрые—мнѣ. И знаешь ли ты, что̀ ты пріобрѣлъ тѣмъ, что я былъ тебѣ дарованъ? Ты возымѣешь непрестанную радость о томъ, когда окончишь жизнь на землѣ. Я не привелъ сюда ни одного изъ своихъ учениковъ, потому что никто изъ нихъ не вѣдаетъ о нашей любви. Знай, что она будетъ явственна для всѣхъ и опасна для не вѣрящихъ. Ты будешь обладать памятникомъ моей смерти, а послѣ тебя—тѣ, которымъ ты его ввѣришь. Вотъ онъ.

И Іисусъ вручилъ Іосифу драгоцѣнный сосудъ съ кровью, собранною Іосифомъ, который скрылъ—было этотъ сосудъ въ тайномъ, ему одному извѣстномъ мѣстѣ своего дома.

Іосифъ палъ на колѣна, возблагодарилъ, но указывалъ на свое недостоинство. Спаситель повелѣлъ однако взять Граль и хранить его. Граль долженъ былъ имѣть трехъ хранителей. Потомъ Іисусъ возвѣстилъ, что никогда таинство не будетъ совершаться безъ того, чтобы не воспоминался подвигъ Іосифа. Дѣло Іосифа будетъ представляться взорамъ христіанъ, пока будетъ стоять вселенная. Іисусъ сообщилъ затѣмъ какія то таинственныя слова, которыхъ поэтъ не передаетъ. Въ концѣ Спаситель сказалъ: „Всякій разъ, какъ ты будешь нуждаться, проси совѣта у трехъ силъ, составляющихъ одно, и у Дѣвы, носившей сына, и ты будешь имѣть совѣтъ въ своемъ сердцѣ, потому

что къ тебѣ будетъ говорить Св. Духъ. Я не вывожу тебя теперь отсюда, потому что не наступило еще время, и ты останешься въ этой темницѣ, въ которой будетъ пребывать такой же мракъ, какой былъ въ ней, когда ты былъ въ нее ввергнутъ. Не смущайся; твое освобожденіе будетъ принято за великое чудо невѣрующими, и ты расположишь къ любви ко мнѣ своего освободителя“ [1]).

Спаситель скрылся и Іосифъ остался въ темницѣ. Мало по малу о немъ позабыли.

Прошло много лѣтъ, хотя Іосифъ не замѣчалъ того, такъ какъ годы казались ему часами.

Римскій императоръ, сынъ котораго, Веспасіанъ, былъ боленъ проказою, узналъ отъ одного путешественника о чудесахъ, какія творилъ нѣкогда Іисусъ, умерщвленный Іудеями при Пилатѣ. Разсказъ пилигрима былъ выслушанъ потомъ императорскими совѣтниками, и въ Іудею была отправлена коммиссія для изслѣдованія обстоятельствъ смерти пророка и для открытія чего-нибудь принадлежавшаго ему.

Посланные императора успѣли развѣдать истину о смерти Іисуса. Имъ удалось также узнать, что у одной старухи хранился Его образъ, Она сначала запиралась въ томъ, но потомъ созналась и такъ объяснила происхожденіе образа: „Я несла для продажи сдѣланный мною покровъ. Случилось, что мнѣ встрѣтились ведшіе пророка. Руки у него были связаны: за нимъ шли всѣ Іудеи. Увидѣвъ меня, пророкъ подозвалъ и просилъ отереть ему лицо ради великаго Бога. Я сдѣлала это и отошла. Его увели, нанося ему побои. Пришедши домой и взглянувши на полотно, я увидѣла тамъ отпечатокъ этого образа“.

Вероника (такъ звали женщину, которой принадлежалъ образъ) отправилась съ императорскими посланными въ Римъ, и Веспасіанъ былъ мгновенно исцѣленъ, какъ только увидѣлъ изображеніе, хранившееся съ тѣхъ поръ въ Римѣ и пребывавшее тамъ и во время, когда писалъ поэтъ.

Веспасіанъ задумалъ отомстить виновникамъ смерти исцѣлившаго его пророка и прибылъ въ Іудею во главѣ огромнаго войска.

---

[1]) Мы изложили сцену въ темницѣ подробнѣе, чѣмъ остальныя, въ виду интереса ея и важности въ романѣ, а также—чтобы дать читателю возможность судить хотя приблизительно о тонѣ и способѣ изложенія занимающаго насъ памятника.

Обманутые заключеніемъ въ темницу Пилата, Іудеи откровенно разсказывали всѣ подробности распятія Іисуса, обвиняя правителя въ невѣрности императору. Каково же было ихъ удивленіе, когда ихъ потомъ схватили! На требованіе выдать тѣло Іисусово, Іудеи отвѣчали, что оно было отдано Іосифу Аримаѳейскому, и что еслибы имъ былъ представленъ этотъ послѣдній, то и они возвратили бы тѣло Іисуса. Многіе изъ Іудеевъ были казнены, а отъ остальныхъ Веспасіанъ вновь потребовалъ выдачи Іисуса или же Іосифа.

Наконецъ, одинъ изъ Іудеевъ согласился, подъ условіемъ сохраненія ему жизни, указать мѣсто, гдѣ заперли Іосифа.

Когда отвалили камень у входа въ темницу, Веспасіанъ наклонился и воззвалъ Іосифа; отвѣта не было. „Sire, сказали ему бывшіе съ нимъ, вы воображаете чудо, думая, что этотъ человѣкъ можетъ быть еще живъ". „Я не повѣрю, что онъ мертвъ, отвѣчалъ Веспасіанъ, пока не увижу его". Онъ потребовалъ веревку, позвалъ еще нѣсколько разъ Іосифа и, не получивши отвѣта, спустился въ темницу. Осмотрѣвшись, онъ замѣтилъ въ одномъ углу свѣтъ и направился туда. Іосифъ поднялся на встрѣчу къ нему и назвалъ его по имени. Веспасіанъ удивился и воскликнулъ: „Благословенъ Господь, спасшій тебя, потому что одинъ Онъ могъ это сдѣлать!" Веспасіанъ и Іосифъ бросились другъ къ другу и поцѣловались. На вопросъ Веспасіана о томъ, кому онъ долженъ приписать свое исцѣленіе, Іосифъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой изложилъ исторію творенія міра и человѣка, —паденія послѣдняго и искупленія. Веспасіанъ вполнѣ убѣдился словами Іосифа и увѣровалъ.

Когда увидѣли Іосифа остававшіеся внѣ темницы, они были изумлены, равно какъ и Іудеи.

Іудея, указавшаго мѣсто заключенія Іосифа, посадили съ семействомъ въ лодку и пустили въ море на волю Провидѣнія. Съ остальными же Іудеями Веспасіанъ „дѣлалъ, что хотѣлъ". Онъ продавалъ ихъ Римлянамъ и уступалъ по 30 человѣкъ за 1 динарій. „Такъ отомстилъ Веспасіанъ смерть Іисуса".

У Іосифа была сестра, по имени—Enysgeus. Услышавши о томъ, что онъ живъ, она явилась къ нему съ своимъ мужемъ, Брономъ. Послѣ проповѣди Іосифа они увѣровали, а также и многіе другіе Іудеи. По ходатайству Іосифа, Веспасіанъ помиловалъ ихъ, и всѣ они вмѣстѣ съ Іосифомъ вышли изъ земли, въ которой пострадалъ Христосъ.

Они прибыли въ отдаленную и чужую страну и поселились тамъ, занимаясь работами. Сначала все удавалось имъ, но потомъ, вслѣдствіе допущеннаго нѣкоторыми грѣха, трудъ не шелъ въ прокъ. Будучи не въ состояніи долѣе терпѣть, они обратились къ Брону съ просьбою узнать отъ Іосифа, по чьей винѣ произошло несчастіе.

Іосифъ приблизился со слезами на глазахъ къ своему сосуду, преклонилъ колѣна и молилъ Господа о наставленіи. Тогда гласъ Св. Духа возвѣстилъ Іосифу, что гнѣвъ Божій постигъ народъ не по его проступку. Для отдѣленія злыхъ отъ добрыхъ, надлежало, по Божію повелѣнію, приготовить столъ, въ воспоминаніе стола въ домѣ Симона, отправить Брона для поимки рыбы, покрыть тѣмъ временемъ столъ скатертями и поставить Граль посрединѣ противъ того мѣста, которое долженъ былъ занять Іосифъ, а потомъ положить прямо противъ Граля первую рыбу, изловленную Брономъ. Іосифъ долженъ былъ сѣсть на мѣсто, которое принадлежало на вечери въ домѣ Симона Іисусу, а по правую сторону отъ Іосифа—Бронъ. Потомъ Іосифъ долженъ былъ пригласить садиться всѣхъ вѣровавшихъ.

Іосифъ устроилъ все по велѣнію Господа. Многіе усѣлись, но еще болѣе было такихъ, которые не нашли мѣста. Бывшіе за столомъ усладились и забыли про стоявшихъ внѣ. Только Петръ обратился къ послѣднимъ и спросилъ, не чувствовали ли и они благодати, какую ощущали сидѣвшіе за столомъ.—Нѣтъ, отвѣчали тѣ.—„Слѣдовательно, *вы* совершили грѣхъ, изъ—за котораго произошелъ неурожай". Виновные устыдились и вышли изъ дома.

Такъ впервые была испытана сила сосуда, и произошло отдѣленіе грѣшныхъ отъ добрыхъ.—Послѣдніе собирались ежедневно съ той поры въ третій часъ дня (по нашему счету—въ девять часовъ утра) къ grâce, которая оставалась съ ними продолжительное время.

Признанные грѣшниками удалились отъ общества вѣрныхъ [1]). Изъ отверженныхъ остался одинъ Моисей, казавшійся народу мудрымъ и благочестивымъ, а въ сущности человѣкъ лживый, беззаконный и невоздержный. Онъ умѣлъ краснò и убѣдительно говорить и неотступно убѣждалъ добрыхъ ходатайствовать предъ Іосифомъ о дозволеніи приступить къ столу. Послѣ долговременныхъ моленій со стороны Моисея,

---

[1]) О вопросѣ, предложенномъ грѣшниками при уходѣ, и о grâce—см. выше въ разборѣ мнѣнія г. Веселовскаго.

они отправились къ Іосифу и просили, чтобы и Моисею была дана grâce, которую они имѣли. Іосифъ отвѣчалъ, что удѣлять grâce не въ его власти, что Моисей не таковъ, какимъ представляется, но что Іосифъ будетъ однако просить о немъ у Господа.

Іосифъ преклонился предъ Гралемъ колѣнами и локтями къ землѣ и молилъ Бога дать указаніе о Моисеѣ. Голосъ Св. Духа повелѣлъ допустить Моисея къ столу, „если онъ любитъ столь grâce, какъ говоритъ“.

Узнавъ о томъ, Моисей сказалъ: „Я ожидаю только позволенія и не боюсь, что я не таковъ, чтобы быть добрымъ и занять мѣсто“.

Тогда хлопотавшіе о Моисеѣ приняли его промежъ себя и съ радостью повели туда, гдѣ совершалось служеніе—servise.

Увидѣвши Моисея, Іосифъ предостерегалъ его, говоря: „Моисей, Моисей, не приближайся къ вещи, которой ты недостоинъ, потому что никто не можетъ тебя такъ обмануть, какъ ты самъ, и наблюдай, чтобы ты былъ таковъ, какимъ считаютъ тебя эти люди и какимъ ты называлъ себя“.

— Такъ по истинѣ, какъ я добръ, я достоинъ оставаться въ вашемъ обществѣ, отвѣчалъ Моисей.

— Подходи же, сказалъ Іосифъ, если ты таковъ; мы это посмотримъ.

Іосифъ и Бронъ сѣли у стола, и всѣ другіе, каждый на своемъ мѣстѣ. Оставшійся позади Моисей возымѣлъ страхъ. Онъ обошелъ вокругъ стола и не нашелъ мѣста, за исключеніемъ того между Іосифомъ и Брономъ, которое всегда оставалось незанятымъ въ воспоминаніе мѣста, покинутаго Іудою. Едва онъ тамъ усѣлся, какъ подъ нимъ разверзлась земля и поглотила его, вновь закрывшись, такъ что казалось,—его никогда не было. Присутствовавшіе ужаснулись.

По окончаніи servise, совершивъ обычную молитву предъ Гралемъ, Іосифъ узналъ отъ Св. Духа, что остававшееся свободнымъ мѣсто должно быть занято „третьимъ человѣкомъ“ въ родѣ Іосифа (по нисходящей линіи), сыномъ Бронова сына; Моисей притворялся и низвергнутъ въ пропасть, и о немъ не будутъ говорить, пока не найдетъ его тотъ, который займетъ пустое мѣсто.

Съ теченіемъ времени сыновья Брона возмужали, и онъ, по совѣту жены, обратился къ Іосифу съ вопросомъ, чтò съ ними дѣлать, такъ какъ онъ не желалъ предпринимать ничего безъ воли Божіей и на-

ставленія Іосифа. По Божію повелѣнію, возвѣщенному чрезъ ангела, сыновьямъ Брона было предложено выбрать женъ. 11 изъ нихъ женились согласно закону І. Христа и велѣніямъ церкви, двѣнадцатый же, Alain, рѣшительно отказался и былъ приведенъ къ Іосифу, объявившему, что Alain будетъ служить Господу. Исполняя Божію волю, Іосифъ изложилъ Alain'у исторію Спасителя и Граля и свою собственную, показалъ св. сосудъ и преподалъ наставленія о поддержаніи въ себѣ нравственной чистоты и о проповѣданіи вѣры Христовой.

Когда на другой день всѣ присутствовали въ 1-мъ часу (à hore de prime) при servise, съ неба показался свѣтъ, принесшій грамоту. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Іосифъ подозвалъ Петра и вручилъ ему писаніе, объявивъ, что Богъ избралъ его посланникомъ. Петръ колебался признать себя такимъ,—сознавая свое недостоинство. Уступивъ потомъ настояніямъ Іосифа, онъ сказалъ, что пойдетъ къ западу, въ пустынное мѣсто, къ *vaus d'Avaron,* и тамъ будетъ ожидать благости Божіей.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ пришли къ Брону, возвѣстившему своимъ сыновьямъ, что онъ поставляетъ Alain'а главою, который будетъ руководить братьями, и Alain отправился съ ними въ чужія страны, повсюду проповѣдуя о Христѣ. Петръ же остался, по просьбѣ Іосифа, еще на три дня. Это случилось по Божію устроенію: Петръ долженъ былъ видѣть передачу свящ. сосуда Брону, чтобы имѣть возможность свидѣтельствовать о томъ.

На другой день, во время servise, Іосифъ сказалъ Брону, какъ тотъ долженъ вести себя, передалъ исторію Граля, а наединѣ сообщилъ тайныя слова, слышанныя отъ Спасителя въ темницѣ и записанныя. Бронъ долженъ былъ называться *Riche pêcheur.*

Петръ тотчасъ же простился и ушелъ. При разлукѣ съ нимъ было немало воздыханій и слезъ, и произносились рѣчи и молитвы.

Riche pêcheur оставался еще три дня съ Іосифомъ, но на четвертый, повинуясь внутреннему голосу, также удалился на западъ. Онъ остановится тамъ, гдѣ ему скажетъ его сердце, и будетъ ожидать сына своего сына, которому передастъ, когда наступитъ время, grâce и Граль. Такъ будетъ представленъ этими тремя хранителями Граля образъ Св. Троицы.

Оставшись одинъ, Іосифъ возвратился въ землю, въ которой родился, и тамъ, „отошедши отъ временной жизни, перешелъ въ вѣчную, гдѣ достигъ совершенной радости, достающейся добрымъ“.

Таково содержаніе поэмы de Borron'а.

Читатель замѣтилъ, безъ сомнѣнія, что дѣйствіе сосредоточивается въ ней преимущественно около *собранія крови* Христовой и около храненія содержавшаго ее сосуда, которое перешло отъ Іосифа къ его *родственникамъ*.

Въ другихъ французскихъ романахъ о Гралѣ все значеніе послѣдняго также основано на содержавшемся въ немъ, и первымъ хранителемъ священнаго сосуда является тотъ же Іосифъ.

Поэтому въ выводѣ сказанія о Гралѣ должно остановить вниманіе въ особенности на мотивѣ собранія крови Христовой Іосифомъ [1]), и та лишь легенда можетъ быть признана давшею толчокъ къ образованію романическаго сказанія и источникомъ, или зерномъ его, въ которой этотъ мотивъ занимаетъ первостепенное положеніе.

Ни одна изъ сагъ, въ которыхъ думали открыть и открываютъ источникъ романическаго повѣствованія, не удовлетворяетъ выставленному нами требованію, и вотъ причина, по которой мы позволили себѣ не согласиться съ изложенными нами гипотезами, хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ весьма почтеннымъ и извѣстнымъ ученымъ.

Рѣшаемся обратить вниманіе читателя на иную легенду, именно— на ту, которая существовала въ XII и XIII стол. въ Палестинѣ и была перенесена оттуда въ Европу.

Она сообщала и о собраніи крови Христовой Аримаѳейскимъ праведникомъ совмѣстно съ Никодимомъ въ драгоцѣнный сосудъ, и о передачѣ ея родственникамъ Іосифа [2]).

---

[1]) Уже Grässe замѣтилъ (Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, S. 137): »...das Blut unsers Heilands, freilich nachher immer in Verbindnng mit der Schale gedacht, als das wichtigste Element des ganzen Mysteriums erscheint«.

[2]) Въ относящейся къ XIII стол. записи Палестинской легенды (у Матѳея Парижскаго) читаемъ объ Іосифѣ: »maximo autem timore et honore ipsum sanguinem cum aqua, quem censuit praecordialem a latere dextero feliciter eliquatum et expressum, *in vase recepit nobilissimo,* tamquam thesaurum inpretiabilem, *sibi et successoribus suis* specialiter reservandum... Sic igitur devoluta fuit hujus carissimae rei possessio de patribus in filios, et de amicis in amicos«... Какъ видно изъ словъ М. Парижскаго, собраніе крови Христовой приписывалось въ Палестинской легендѣ собственно Іосифу. Запись Брюггской легенды—у Иперія, въ Бертинской хроникѣ.—О Палестинской легендѣ упомянулъ вскользь только Мартоннъ, касаясь легендъ о крови Христовой.

Нѣтъ другой саги, которая подходила бы въ такой мѣрѣ къ основѣ сказанія de Borron'a, и уже это одно позволяетъ думать, что послѣдній воспользовался легендою, вращавшеюся въ Св. Землѣ, на связь съ которою указываетъ весьма интересное сообщеніе de Borron'a, что Іосифъ скончался въ землѣ, въ которой родился [1]). Въ Палестинѣ, дѣйствительно, показывали въ XII стол. гробницу Іосифа [2]). Замѣчательно, что, по роману Мар'a, Граль возвратился въ концѣ концовъ въ Сирію. Нѣтъ ли и въ этомъ намека на Палестинское преданіе?

При оживленности сношеній тогдашняго западно-европейскаго люда съ Святою Землею становятся весьма вѣроятными извѣстность Палестинской легенды во Франціи и воспріятіе ея изъ первыхъ устъ, т. е. отъ лицъ, посѣщавшихъ Палестину. Сколько исторій и легендъ заносилось тогда на Западъ! Разсказъ о крови Христовой, составлявшей достояніе Іерусалимской церкви, не могъ быть исключенъ изъ числа ихъ.

Помимо того были обстоятельства, долженствовавшія распространить извѣстность Палестинской легенды въ отечествѣ de Borron'a и возбудить интересъ къ сказаніямъ вообще о собраніи крови Христовой. Мы разумѣемъ появленіе реликвій этой крови на западѣ незадолго до выхода въ свѣтъ романовъ о св. Гралѣ. Въ 1148 г. была принесена изъ Іерусалима во Фландрію часть крови Христовой, хранившейся въ этомъ городѣ, и была помѣщена въ Брюгге, въ церкви св. Василія, а въ 1171 г. реликвія крови Христовой была выставлена въ Fécamp'ѣ (въ Нормандіи). Это были крупные факты въ церковной жизни западно-европейскаго побережья, которые вызвали толки, по всей вѣроятности, не только въ ближайшихъ, но и въ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. О Fécamp'ской реликвіи могли узнавать между проч.,

---

[1]) Со времени мести Веспасіана до смерти своей Іосифъ жилъ, какъ мы видѣли, внѣ Палестины.

[2]) У Даніила Паломника (Путеш. игум. Даніила по св. землѣ, Изд. подъ ред. *А. С. Норова*, Спб. 1864, стр. 107) говорится: »Ту (въ 4-хъ в. отъ Севастиполя) есть мѣсто въ горахъ каменныхъ създанъ городокъ малъ; въ томъ городкѣ гробъ святаго Іосифа Аримаѳѣянина, иже спроси у Пилата тѣло Іисусово. Надъ гробомъ святаго Іосифа създана церковь клѣтскы, высока вельми. И то мѣсто зовется Аримаѳѣя«. См. объ Аримаѳеѣ въ Real-Encyclopädie für protest. Theol. und. Kirche, hrsg. von *Herzog*, VII Bd. (Stuttgart und Hamburg 1857), S. 24, u. I, (Hamb. 1854), S. 502.

чрезъ жонглеровъ, принадлежавшихъ къ Fécamp'ской конфреріи, получившей начало въ XII стол. [1]) Сказаніе о Гралѣ вышло однако не изъ легенды Fécamp'а, гдѣ въ болѣе древнее время не говорили объ Іосифѣ и собраніе крови приписывали Никодиму [2]).

Мы думаемъ, что факты, которыхъ мы только что коснулись, объясняютъ какъ нельзя лучше происхожденіе поэмы объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ. Они раскрываютъ и причину, по которой благочестивый труверъ остановился на легендѣ о собраніи крови Христовой, и источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ основное содержаніе поэмы [3]).

---

[1]) *Leroux de Lincy*, Essai hist. et litt. sur l'abbaye de Fécamp, XIV.

[2]) Легенда Fécamp'а примыкаетъ къ итальянской легендѣ, о которой мы вскорѣ скажемъ. Съ теченіемъ времени первая подверглась вліянію романическаго сказанія о Гралѣ, что̀ допускаетъ и Leroux de Lincy (p. 138), и была приспособлена къ Палестинскому преданію, потому что въ Poème sur le précieux sang« (Leroux de Lincy, l. c. p. 141) собраніе крови Христовой усвояется не только Никодиму, но и Іосифу. Сочиненіе этой поэмы восходитъ къ XIII стол. (ib., X; cf. p. 164). Ст. (p. 145):

Tant comme bien le garderas
Jà povre homme tu ne seras,
Eins en seras riche à puissance
S'en ches trésor mes ta fianche

напоминаютъ поэму de Borron'а; по разсказу послѣдней, гласъ Св. Духа говорилъ о тѣхъ, которые будутъ передавать исторію Граля:

Leur heritages garderei *etc.*

(V. 3049). Впрочемъ, замѣчательное сходство отдѣльныхъ мотивовъ встрѣчается въ легендахъ о крови Христовой, повидимому, совершенно независимыхъ одна отъ другой. Интересно, напр., сличить съ различными мѣстами *малаго Граля* то, что говорилъ св. Варипсавѣ отшельникъ, передавшій ему кровь Христову: „τὸ ὄνομα σου κυρηχθήσεται ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ δια τὴν παραθήκην, ἣν παρέχω σοι. Μὴ οὖν καταφρονήσῃς, ἀλλ' ἐν οσιοτητι καὶ καταρότητι πνεύματος καὶ σαρκὸς γένου ἐν πάσαις ταίς ἡμέρας της ζωῆς σȣ". *Bolland.* Acta SS. Septembris, t. III, p. 499.

[3]) Такимъ источникомъ мы признаемъ Палестинское преданіе, проникшее во Францію или прямо изъ Палестины, или изъ Фландріи. О нѣкоторыхъ поэтахъ можно думать, что они имѣли въ виду западныя легенды. Авторъ прозаическаго Персеваля, изд. Potvin'омъ, былъ знакомъ, кажется,

Намъ могутъ указать на отсутствіе въ Палестинской легендѣ упоминанія о перенесеніи крови Христовой на западъ. Но если первая редакція поэмы говорила о такомъ перенесеніи (въ чемъ мы не вполнѣ увѣрены) [1]), то труверъ могъ послѣдовать въ этомъ случаѣ Fécamp'ской легендѣ, какъ скоро древнѣйшее нормандское преданіе походило хоть въ общихъ чертахъ на легенду, изложенную въ „Poème sur le précieux sang".

Не одна легенда о собраніи крови Христовой вошла въ поэму de Borron'a; въ произведеніи трувера можно различить еще другія традиціи, существовавшія и обращавшіяся внѣ поэмы въ отдѣльности отъ легенды о крови. Эти преданія слѣдующія: 1) повѣствованіе объ Іосифѣ, заимствованное изъ Никодимова евангелія; 2) разсказъ о Вероникѣ и отмщеніи за смерть Христову; 3) традиція о сосудѣ Тайной Вечери; 4) подробность о разсѣченіи кровію Христовой камня у подножія креста. Были пересказы на народныхъ языкахъ этихъ легендъ [2]).

съ легендой о Брюггской реликвіи, потому что онъ приписываетъ собраніе крови Христовой не одному Іосифу, о которомъ говоритъ: »... garda la lence dont il fu féruz et lo seintime veissel en quoi cil qui le créoit (въ Бернскомъ манускр. créoient) reciurent péoureusement le sanc qui découroit de ces plaies quant il fu mis an la croiz« (p. 2). У Кретьена де Труа есть ссылка на Fécamp'скую легенду.

[1]) Перенесеніе крови Христовой на западъ въ отдаленныя времена могъ ввести въ сказаніе о Гралѣ Мар.

[2]) На русскомъ яз. спеціальную статью о Нерукотворенномъ Образѣ (принадлежащую г. Катанскому) см. въ *Христ. Чт.* 1874 (декабрь). Древнѣйшимъ изъ западныхъ сказаній объ этомъ образѣ признается англо-саксонское: Natanis legatio ad Tiberium. Легенда о Вероникѣ имѣется въ нѣсколькихъ обработкахъ XII-го стол. Сказанія о Титѣ и Веспасіанѣ обращались и въ англо-нормандской литературѣ (см. у Michel'я: Tristan, I, CXX—CXXI). О взглядѣ на разрушеніе Іерусалима, какъ на наказаніе за смерть Спасителя, см., между проч., въ *Annuaire de la Bibl. royale de Belgique*, douz. année (1851), p. 113.—Въ ром. о Гралѣ сосудомъ, принявшимъ кровь Христову, оказывается тотъ самый, который былъ употребленъ на Тайной Вечери. Къ послѣднему сначала не пріурочивали собранія крови. Его показывали въ Іерусалимѣ уже въ VI—VII вв. (занималъ онъ вѣрующихъ и ранѣе: у Климента Александрійскаго встрѣчается разсужденіе, что блюдо, изъ котораго

Нѣкоторыя подробности романовъ de Borron'а и Map'а принадлежатъ, повидимому, къ общимъ легендарнымъ мотивамъ. Явленіе Христа въ сіяніи въ темницѣ встрѣчается не только въ Никодимовомъ евангеліи и апокрифѣ, надписанномъ именемъ Іосифа; нѣкоторую аналогію ему находимъ въ провансальской поэмѣ о Боэціи [1]). Подробность о чудесномъ прибытіи на западъ *по морю* встрѣчается въ нѣсколькихъ легендахъ [2]). Граль питательною своею силою напоминаетъ,

---

вкушалъ Спаситель, было простое). Въ позднѣйшее время сосудъ Тайной Вечери упоминается въ *Voyage de Charlemagne à Jerusalem et à Constantinople*, гдѣ онъ названъ

le calice, que il (Jhesu) (out) benesquied.

P. Paris совершенно справедливо замѣтилъ на основаніи этого стиха, что легенда о Гралѣ не была въ обращеніи во Франціи, когда явилось *Путешествіе* (*Jahrbuch für romanische und englische Literatur*, 1-ter B., S. 202). *Voyage de Charlemagne* нѣкоторые относили ко второй половинѣ XII стол., a Moland (Orig. litt., p. 102)—къ первой половинѣ XIII-го. P. Paris приписывалъ „большую древность“ этому произведенію и готовъ былъ допустить составленіе его еще до крестовыхъ походовъ (Iahrb. I, 202, 203-204, 499), но въ послѣднее время онъ думаетъ, кажется, иначе (*Romania* № 13, Ianvier 1875, p. 139). *L. Gautier* относитъ появленіе *Voyage* къ первой трети XII стол. (Les épopées françaises, II, Par 1867, p. 260; ср. La chans. de Roland, cinqu. éd., p. 13). *Ed. Koschwitz*, занимавшійся изученіемъ *Voyage* въ самое послѣднее время (ст. его помѣщена въ Romanische Studien, II, 1), пришелъ къ не новому выводу, что этотъ fabliau написанъ позже *Alexis* и почти современенъ *Роланду*. Къ тому же склоняется и G. Paris (*Romania*, №№ 15—16, Juillet—Octobre 1875). На основаніи нѣкоторыхъ признаковъ въ содержаніи *Voyage*, основу этого fabliau должно относить къ XI стол.— Сближеніе евхаристіальной чаши съ сосудомъ, принявшимъ кровь Христову, замѣчаемъ въ словахъ, приписываемыхъ Герману Константиноп. (Acta SS. Septembris, t. III, p. 497).—О крови, расколовшей камень у подножія креста, см. ниже.

[1]) *Fr. Diez*, Altromanische Sprachdenkmale, Bonn 1846, S. 43. *K. Bartsch*, Chréstomathie provençale, 3-me éd. (Elberfeld 1875), col. 5.

[2]) Въ *большомъ Гралѣ* повѣствуется, что Іосифъ переплылъ море съ своими спутниками на рубашкѣ. Въ *маломъ Гралѣ* о Петрѣ сказано (v. 3391—94):

. . . . il se mouvra,
Par terre et par mer s'en ira,

кромѣ евхаристіи [1]), чашу, о которой говорится въ апокрифѣ о Богоматери [2]).

Такимъ образомъ, сказаніе о Гралѣ оказывается сложною легендою уже въ первомъ *литературномъ* произведеніи о Гралѣ; уже у de Borron'а оно является въ соединеніи съ нѣсколькими другими.

Et Cil qui toutes choses garde
L'avera dou tout en sa garde.

Сл. у *Fra Gaetano*, Il catino *etc.*, p. 235. Объ одномъ Пизанцѣ встрѣчаемъ разсказъ, что онъ шелъ *по морю какъ по сушѣ* въ надеждѣ на силу реликвіи, которую несъ. О Лазарѣ, Маріи и Марѳѣ утверждали, что они прибыли въ Марсель на кораблѣ безъ парусовъ, веселъ и кормила. Такую легенду о нихъ мы встрѣтили въ *Legenda aurea*. См. также легенду, переданную Гервасіемъ Тильберійскимъ, Poème sur le précieux sang (Leroux de Lincy, Essai sur l'abbaye de Fecamp, p. 149) и нашу „Повѣсть объ Антоніи Римлянинѣ" [*Памятники старинной русской литературы*, изд. Гр. Кушелевымъ—Безбородко, вып. 1 (Спб. 1860), стр. 263—268].

[1]) См. выше—въ разборѣ мнѣнія Hucher объ отношеніи текстовъ поэмы de Borron'а.

[2]) Въ одномъ изъ нашихъ апокрифовъ (Воспрашанье сто̃ апл̃а валъфромѣа) читаемъ: єгда бѣхъ въ цр̃кви бн̃еі. і приємлющи пищю ѿ руки англовъі. і ıавимѝ самъ. видомъ англвмъ. лицє жє єго нєвмѣстимо. і нє імѣа в руцѣсвоєі. ни хлѣба ни чаши. ıако при приходѧ ко мнѣ англъ.... і махнувъ дєсницєю своєю. і бъі хлѣбъ прєвєликъ. єго оумъ члв̃чь нєдооумѣа сказати свѣтлости. і бъі трѧпєза. і положи хлѣбъ на трѧпєзѣ. і ıасть. а̃. є самъ и дасть мнѣ. і махну лѣвою рукою. і бъі чаша прєвєли полна вина нєізрєчєнна. і пивъ .а̃. є самъ и дасть мнѣ. і возрѣхъ и видѣ хлѣбъ цѣлъ і чашю полну вина. (Пам. отреч. р. лит., собр. и изд. Н. Тихонравовымъ, II, 21). О питаніи Маріи во храмѣ ангелами см. у *Rud. Hofmann*'a: Das Leben Iesu nach den Apokryphen, Leipz. 1851, S. 41, 44. Намекъ на это питаніе есть въ апокрифѣ, ложно надписанномъ именемъ Іосифа Аримаѳ. и влагающемъ въ уста Спасителю такія слова: „Прежде чѣмъ ты носила меня въ утробѣ своей, я всегда хранилъ тебя, заставилъ своего ангела, какъ ты знаешь, ежедневно питать тебя ангельскою пищею..." (ст. „Апокрифическія сказанія о Божіей Матери и дѣяніяхъ апостоловъ" въ апр. кн. *„Правосл. Обозр."* 1873). Божественною пищею была поддерживаема, по словамъ *Legenda aurea*, и Марія Магдалина.

Такъ какъ Палестинская легенда, въ которой мы видимъ источникъ основной части сказанія о св. Гралѣ, извѣстна только въ пересказахъ, принадлежащихъ чужестранцамъ, не имѣвшимъ надобности передавать въ точности все содержаніе ея, то мы не можемъ окончательно рѣшить, кому приписать сплавъ отдѣльныхъ легендъ, соединенныхъ въ романѣ de Borron'a, поэтамъ ли, или же Іерусалимскому клиру. Допуская независимое пользованіе о стороны de Borron'a и Map'a однимъ и тѣмъ же источникомъ, должно признать сплавъ дѣломъ не труверовъ. Мы однако склоняемся думать, что сплоченіе воедино *всѣхъ* отдѣльныхъ сказаній [1]), вошедшихъ въ поэму de Borron'a, принадлежитъ труверу, могшему имѣть *какое-нибудь* изъ этихъ *отдѣльныхъ* сказаній на латинскомъ языкѣ [2]). Въ такомъ смыслѣ и можно говорить о латинскомъ источникѣ романа о Гралѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не сохранилось слѣдовъ сводной латинской легенды, какая является у de

---

[1]) Слова прозаическаго изложенія произведенія de Borron'a: »Ensinc remest Ioseph en la prison, ne de ceste prison ne parolent pas li aposte, ne cil qui establirent les escriptures, que il n'en sorent rien...« (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 228; cf. p. 347), если находились въ первоначальномъ текстѣ, заслуживаютъ вниманія, указывая до извѣстной степени на характеръ свода.

[2]) Слѣды такого латинскаго сказанія должно усматривать въ словахъ, въ которыхъ уцѣлѣли латинскія формы и окончанія: surrexi=resurrexiz, Ihesum, d'Abarimathié (такъ и у Map'a); на латинскій текстъ какъ бы указываютъ и слова aorer, syndoine. Ср. въ апокрифѣ *Vindicta Salvatoris:* Evangelia apocrypha, ed. *Const. Tischendorf*, Lips. MDCCCLIII, p. 448—463. Замѣтимъ здѣсь, что словамъ этого апокрифа (p. 461—62): »Vespasianus autem dixit Quid de istis qui remanserunt? Titus respondit Apprehenderunt tunicam domini nostri Iesu Christi et de illa quatuor partes fecerunt: nunc apprehendamus illos et dividamus in quatuor partes, tibi unam, mihi unam, ad viros tuos aliam, et pueris meis quartam partem. Et ita fecerunt« соотвѣтствуютъ, повидимому, слѣдующія прозаическаго текста романа de Borron'a: »Lors les fist toz prandre et mener devant lui, toz liez sor granz plantez de chevax; si an prist .IIII. si les fist tot maintenant derompre«... (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 243). О продажѣ Іудеевъ разсказано сходно въ обоихъ памятникахъ. — Весьма возможно, что de Borron былъ знакомъ съ Никодимовымъ евангеліемъ. Уже 40 съ лишнимъ лѣтъ назадъ *Leroux de Lincy* (Analyse critique et littéraire du Garin le Loherain, Paris 1835, p 8) замѣтилъ, что начало романа о Мерлинѣ составляетъ какъ бы продолженіе Никодимова евангелія. Вопреки высказанному нѣкоторыми учеными мнѣнію, это начало не связываетъ романа о Мерлинѣ съ Гралемъ.

Borron'а, и вообще въ наличной апокрифической литературѣ нѣтъ памятника, который приписывалъ бы собраніе крови Христовой Іосифу [1]. Не нашелъ латинской исторіи Грала и Гелинандъ, много путешествовавшій по Франціи [2]. Наконецъ, de Borron положительно говоритъ, что до него никѣмъ не была изложена исторія Грала. Могло случиться, что легенда о крови,—главная въ романѣ о Гралѣ, была заимствована не изъ письменныхъ источниковъ.

Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что сводъ легендъ, соединенныхъ въ романѣ о св. Гралѣ, относится по времени не ранѣе XI стол.,

---

[1]) Апокрифъ *Vindicta Salvatoris*, въ который съ большимъ удобствомъ могли вставить сказаніе о чашѣ, имѣется въ спискѣ VIII в., къ каковому времени относится и прибытіе Фортуната во Францію, и однакоже въ этомъ памятникѣ нѣтъ ничего подобнаго легендѣ о Гралѣ. Равнымъ образомъ, нѣтъ ея и ни въ одномъ изъ списковъ Никодимова евангелія. Не прибавилъ ничего къ сказаніямъ канонической письменности о погребеніи Христовомъ и *Comestor* въ Scolastica historia (мы пользовались изд. 1485 г.).—Древнѣйшая русская апокрифическая литература совсѣмъ не знала сказаній, упоминающихъ объ Іосифѣ Аримаѳ., за исключеніемъ Никодимова евангелія, да и это послѣднее напечатано А. Н. Пыпинымъ по спискамъ не очень старымъ [*Пам. стар. русск. лит.*, изд. Гр. Кушелевымъ Безбородко, вып. III (Спб. 1862), стр. 90 и сл.]. Перечень памятниковъ апокрифическаго и отреченнаго содержанія, обращавшихся въ древне-русской литературѣ, см. въ предисловіи къ I-му т. „Памятн. отреч. р. лит.“, собр. и изд. Тихонравовымъ. Въ словѣ Кирилла Туровскаго: „Иѡсифу похва, і по пасцѣ в недѣлю Г҃-ю, и ѡ мүроносицах“ (*Рукописи графа А. С. Уварова*, т. II; Памятники словесности, вып. 1, Спб. 1858; *стр.* 25—35) нѣтъ ни единаго намека на собраніе крови Христовой Іосифомъ, хотя о послѣднемъ говорится подробно, и превозносятся всѣ дѣянія его при погребеніи Спасителя.—Изъ славянскихъ переводовъ Никодимова евангелія чешскій изданъ В. Ганкою (Čtenie Nikodemovo: co sě dálo při umučení Páně. Pověst krásná o dřevu kříže svatého *etc.* Vydáno prací Václava Hanky. V Praze 1861), а югославянскій Даничичемъ (въ IV-й кн. „Старины“, сборника, издаваемаго Югославянскою Академіей Наукъ и Искусствъ“; тамъ же напечатано и сказаніе Іосифа). Въ югославянской литературѣ былъ извѣстенъ и апокрифъ *Vindicta Salvatoris* (*V. Jagić*, Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, U Zagrebu 1868, Predgovor).

[2]) *Hist. litt.* de la France, XVIII, 88—89.

потому что самое сказаніе о собраніи крови Христовой Іосифомъ образовалось, кажется, не прежде этого столѣтія. Легенда о крови существовала очень долго безъ пріурочѳнія къ Іосифу.

Собраніе крови Христовой занимало воображеніе христіанъ съ ранней поры какъ на востокѣ, такъ и на западѣ.

Существовало вѣрованіе, что кровь Спасителя была собрана ангелами въ чаши[1]), какъ думали, что и слеза Его была сокрыта ангеломъ въ чашѣ[2]). Первая изъ легендъ была образно воспроизведена на карти-

[1]) *Maury*, Essai sur les lég. pieuses du moyen âge, 200. Сл. видѣніе Іосифа въ романѣ о св. Гралѣ: »Et en tour chel home si estoient .V. angele...« »Et il esgarda, si vit chel hom crucefije en la crois ke li angeles tenoit...« Въ одномъ греческомъ стихотвореніи о крови Христовой говорится:

Ἐν οὐρανοῖς μεν προσκυνητὰς τὰς ἀγγέλους
Ἔδει τὸ λύτρον τῆς ἐμῆς ψυχῆς ἔχειν.

Это стихотвореніе напечатано *Дю-Канжемъ* въ Constantinopolis Christiana, lib. IV (Historia Byzantina, Venet. MDCCXXIX). См., далѣе, въ *Devozioni*, кот. напеч. проф. D'Ancona [*Rivista di filologia romanza*, vol. II, fasc. 1 (1875), Due antiche devozioni italiane, p. 24].—Приписывали ангеламъ также собраніе крови мучениковъ Roma subterranea novissima, op. et st. *Pauli Aringhi*, t. I, Lutetiae Parisiorum MDCLIX, p. 208). Присутствіе ангеловъ у креста и тѣла Христова—весьма распространенный и древній мотивъ, встрѣчающійся и въ нашей иконографіи. На западѣ, въ Вормсѣ, было изображеніе принятія Богородицею І. Христа, сходящаго со креста; ангелы уносятъ при этомъ на небо орудія распятія (Dictionn. critique des reliques et des images miraculeuses, par J.—A.—S. *Collin de Plancy*, t. I, Par. 1821, p. XXIV).

[2]) По словамъ легенды, М. Магдалина принесла въ свое уединеніе въ Провансѣ сосудъ, въ который ангелъ принялъ слезу Іисуса, пролитую надъ гробомъ Лазаря. Въ *Chronique rimée de Philippe Mousket* (XIII в.) о Карлѣ В. говорится:

Une larme que Diex plora
Li rois avoec an aporta
A Vendosme en l'abéie.

Вандомскими бенедиктинцами была напечатана объ этомъ книга: »Histoire véritable de la sainte Larme que Iésus Christ pleura sur Lazare; comme et parqu' elle fut apportée au monastère de la sainte Trinité de Vendôme; ensemble plusieurs beaux et insignes miracles arrivés depuis 600 ans, qu'elle est miraculeusement conservée en ce saint lieu. 1672«.—Аналогія этой легенды съ легендой о собраніи крови ангелами довольно замѣтна.

нахъ и въ диптихахъ, и, по словамъ Maury, нѣтъ ничего общѣе этого сюжета. Вмѣстѣ съ ангелами является на одномъ изображеніи олицетвореніе церкви [1]). Въ одномъ греческомъ евангеліи XI-го в. собираетъ кровь Христову въ круглую чашу сидящее подъ распятіемъ олицетвореніе вѣры.

По восточной легендѣ, получившей начало не позже X-го стол. [2]), кровь Спасителя была сохранена благочестивымъ мужемъ *Іаковомъ* и отъ него перешла къ анахоретамъ [3]). Съ теченіемъ времени это сокровище получилъ св. монахъ Варипсава, вручившій его въ свою очередь ученику [4]). Интересна въ этой легендѣ постоянная передача крови отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Къ VIII столѣтію относили прибытіе крови Христовой, хранившейся въ Sartenai, собраніе которой приписывали *Никодиму* [5]).

---

[1]) На оберткѣ одной псалтири XII стол. представленъ распятый I. Христосъ: »e cujus pedibus manantem sanguinem colligit magno in vasculo ac cratere mulier linea palla amicta, utroque genu flexa, quae clavem regni coelestis, et triumphalem Crucis vexillum gestat. Ea militantem Ecclesiam, a Domino fundatam — — probe repraesentat. Sacratissimum e manibus Iesu Cricifixi Cruorem supposito vasculo colligunt Angeli, ut prosit omnium hominum saluti«. *A. F. Gori*, Thesaurus veterum diptychorum, t. III, Florentiae A. C|Ͻ. |Ͻ. CC. LIX, p. 116—117.

[2]) Можетъ быть, она существовала уже въ VII стол. Acta Ss. Sept., t. III, p. 495.

[3]) Не беремъ на себя разъясненіе этой странной легенды, по которой кровь Христова была собрана въ тыкву, а сверху было налито масло, которымъ производились многія исцѣленія. Скажемъ только, что такія исцѣлѣнія приводятъ на мысль Іакова, брата Господня, въ посланіи котораго (V, 14) есть извѣстныя слова о помазаніи елеемъ болящихъ ср. Марк. VI, 13). Интересно, что ученикамъ Іакова легенды, наслѣдовавшимъ его сокровище, ангелъ сказалъ: εἰρήνη ὑμῖν μαθηταὶ τοῦ Κυρίου. Acta Ss. Sept., t. III, 499. См. также въ Historia Francorum Григ. Турскаго, кн. I, гл. XXI.

[4]) Acta Ss. Sept., III, 494—495, 498—501.

[5]) *Fra Gaetano*, l. c., 235. Легенда объ этой крови вошла въ *Otia Imperialia* Гервасія Тильберійскаго (tertia decisio, XXIV: De alia figura Domini; по изд. Liebrecht'a—S. 19). — Въ одномъ памятникѣ, восходящемъ къ половинѣ X-го стол., въ ряду реликвій, доставшихся Карлу В. отъ Іерусалимскаго префекта, поставлена на первомъ мѣстѣ »ampulla una ex lapide onichino, de Salvatoris sanguine plena«. За этой реликвіей упоминается »Cru-

Такую же кровь показывали въ Fécamp'ѣ въ началѣ XII-го столѣтія [1]).

Въ первые вѣка христіанства распространилась извѣстная легенда о сотникѣ Лонгинѣ [2]), о которомъ вообразили, что онъ былъ исцѣленъ кровью I. Христа отъ слѣпоты. Мало по малу начали думать, что онъ не оставилъ божественной крови на поглощеніе земными стихіями, но собралъ въ сосудъ, вмѣстѣ съ которымъ были погребены его бренные останки. Около 804 г. въ Мантуѣ нашли въ землѣ сначала свинцовый ящикъ и въ немъ небольшой сосудъ съ надписью Jesu Christi sanguis, а потомъ и тѣло, которое сочли Лонгиновымъ [3]).

Ясно, что легенда о собраніи крови Христовой *Іосифомъ* представляетъ одно изъ видоизмѣненій сказанія вообще о собраніи крови, и хотя о Палестинской легендѣ говорили въ XIII стол., какъ о существовавшей *издревле*, но эту древность должно ограничить XI стол., когда на востокѣ стали появляться извѣстія о реликвіи крови, истекшей изъ язвъ Спасителя, помимо реликвіи, принадлежавшей Варипсавѣ [4]).

Изъ перечня легендъ о крови Христовой видно, что сказаніе о ней обращалось въ теченіе долгаго времени независимо отъ апокри-

---

cicula una ex auro et gemmis fabrefacta, continens cruorem Christi per quatuor partes inclusum, et in medio portiunculam ligni Domini«. *Monum. Germ. hist.* Script. t. IV (Hannoverae MDCCCLI), p. 448. Неизвѣстно, что говорили объ этой крови; по всей вѣроятности, — тоже, что и о реликвіи, хранившейся въ Sartenai. О полученіи Карломъ В. одной капли драгоцѣнной крови упоминаетъ и Philippe Mousket въ своей *Chronique*.

1) *Leroux de Lincy,* Essai sur l'abbaye de Féc., p. 37.

2) Она вошла въ трагедію Χριστὸς πάσχων.

3) Bolland. *Acta Ss.* Martii, t. II, 378—380.

4) Acta Ss. Sept.. t. III, 497. Не относятся ли эти извѣстія къ Палестинской реликвіи? Нашему паломнику Антонію Новгородскому показывали въ Византіи не ту, повидимому, кровь Спасителя, которая была пролита Христомъ при страданіи. См. 67-е примѣч. г. Савваитова къ Паломнику Антонія. Діаконъ же Игнатій, путешествовавшій въ 1389 г., говоритъ: „цѣловахомъ кровь Господню, истекшую изъ ребръ его въ распятіи на крестѣ“. Часть этой крови и нынѣ показываютъ теперь въ Римѣ. См. „Путеводитель православныхъ поклонниковъ по Риму и его окрестностямъ“ *Вл. Мордвинова,* помѣщенный сначала въ „Дух. Бесѣдѣ“ 1874 г., а потомъ выпущенный отдѣльною книгою.

фическихъ повѣствованій объ Іосифѣ, въ которыя не нашло доступа и въ позднѣйшее время.

Поэтому нельзя считать легенду о собраніи крови Іосифомъ вышедшею изъ этихъ повѣствованій, что утверждали уже въ прошломъ столѣтіи: она образовалась въ связи съ реликвіями.

Соотвѣтственно тому, и центромъ притяженія въ легендѣ о Гралѣ и узломъ ея развитія должно признать не отреченный разсказъ объ Іосифѣ, на который указываютъ (въ Никодимовомъ евангеліи), а самостоятельно образовавшуюся легенду, хотя романъ о Гралѣ носилъ въ XIII и XIV стол. заглавіе—*Іосифъ Аримаѳейскій* [1]) и является въ сущности апокрифомъ, только—позже развившимся.

Когда вздумали письменно изложить легенду о собраніи крови Христовой Іосифомъ, къ ней присоединили и то, что знали объ Іосифѣ изъ апокрифическихъ памятниковъ [2]). Связываніе судьбы его съ наказаніемъ Іудеевъ могло произойти подъ вліяніемъ разсказа объ Іосифѣ—историкѣ, на который указали San—Marte [3]) и Hucher [4]). Кровь Христову могли вообразить собранною въ чашу евхаристіи въ силу отношенія послѣдней къ искупленію на крестѣ и къ крови, при томъ пролитой. Реликвія евхаристіальнаго сосуда названа въ одномъ памятникѣ чашею, съ которой Господь нашъ Іисусъ Христосъ освятилъ „свою драгоцѣннѣйшую кровь на вечери“ [5]).

---

[1]) Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 21.

[2]) Въ романъ о Гралѣ вошли не всѣ апокрифическія сказанія объ Іосифѣ.

[3]) Allgem. Encycl. herausg. von Ersch u. Gruber, 1 Sect., 77 Th., S. 150—151.

[4]) Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 138—141. — Іосифъ Аримаѳейскій выступаетъ, впрочемъ, и въ апокрифѣ *Vindicta Salvatoris* (*Tischendorf*, Evang. apocr., p. 457).—Интересенъ варіантъ въ одномъ изъ списковъ Кретьенова Персеваля:

. . . Tibère et Vaspasiens
Qui n'estoient pas crestiens
De la chartre le delivrèrent
Et à Rome l'en amenèrent;
Ioseph en aporta la lance *etc.*

Percev. le Gallois, publ. par *Potvin*, vol. V, p. 154.

[5]) *Acta Ss.* Augusti, t. II, p. 504.

Уяснивъ составъ романическаго сказанія о Гралѣ въ простѣйшемъ изъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ оно подверглось обработкѣ, и опредѣливъ источникъ, откуда почерпнута главная изъ легендъ сказанія, необходимо коснуться происхожденія самой этой легенды.

Было немало поводовъ къ ея зарожденію и обстоятельствъ, могшихъ вызывать ея развитіе и поддерживать ея существованіе въ различныхъ странахъ христіанскаго міра, начиная отъ Палестины и оканчивая Нормандіей и Фландріей.

Безъ сомнѣнія, легенды о крови Христовой стояли въ связи съ реликвіями ея, извѣстія о которыхъ встрѣчаются съ ранняго времени[1]), а эти реликвіи — въ связи съ другими вещественными памятниками страданій Спасителя, въ ряду которыхъ упоминается иногда кровь Христова [2]). При Евсевіи Кесарійскомъ въ Св. Землѣ было немного вещественныхъ памятниковъ земной жизни Спасителя [3]). Но во время

[1]) Уже у блаж. *Іеронима* говорится (Epist. Paulae): »Ostendebatur illi columna ecclesiae porticum sustinens, infecta *Cruore Domini*, ad quam vinctus dicitur flagellatus«.

[2]) *Leroux de Lincy*, Essai etc., 34. См. также ниже извѣстіе о Цареградскихъ реликвіяхъ.—Что было въ жизни, то перешло и въ литературу. У Мар'а Граль явно связывается съ реликвіями страданій: »Desour che drap esgarda ioseph, si vit qu'il avoit .iij. cleus tous degoutans de sanc, et .i. fer de lanche tout sanglant a l'un des chies de l'autel, et a l'autre chief estoit l'escuele qu'il auoit aportée... Et tout outre l'autel si vit une maine qui tenoit une crois moult biele, toute vermelle«. Въ большомъ романѣ о Гралѣ замѣтно, сверхъ того, отношеніе къ изображеніямъ, въ которыхъ указывалъ первообразъ Граля Didron. Перечисляя вѣтви сказанія о Гралѣ, введеніе Монсскаго манускр. Кретьенова Персеваля говоритъ (v. 353. et. suiv.):

La sième branche, qui mius plaist,
Chou est de la lance entresait
Dont Longis féri el costé
Le Roi de sainte majesté.

Вообще Граль выступаетъ рядомъ съ копьемъ во всѣхъ романахъ о Персевалѣ. Въ прозаическомъ *Персевалѣ*, изд. Potvin'омъ, сообщается, что вмѣстѣ съ Гралемъ были и другія реликвіи.

[3]) *F. X. Kraus*, Beitraege zur Trirschen Archaeologie, 1-ter Bd., Der heilige Nagel in der Domkirche zu Trier. Zugleich ein Beitrag zur Archaeologie der Kreuzigung Christi. Trier 1868. S. 66 u. 69.

Беды и Григорія Турскаго тамъ показывали уже, между проч., копье, которымъ былъ прободенъ Спаситель, колонну, у которой Его бичевали[1]), терновый вѣнецъ, губку и трость. Съ теченіемъ времени реликвіи умножались. Въ IX в. знали ножъ, которымъ Христосъ раздѣлилъ пасхальнаго агнца. За $^3/_4$ стол. до появленія романовъ о Гралѣ, крестоносцы нашли въ Антіохіи копье, о которомъ выражались, что оно „исторгло кровь изъ ребра Господа нашего І. Христа, чѣмъ мы всѣ искуплены" [2]). Въ 1156 г. была найдена Христова туника [3]). Многія реликвіи были перевезены изъ святыхъ мѣстъ въ Византію. Нашъ паломникъ Антоній, посѣтившій Константинополь въ послѣдніе годы XII и, мож. быть, въ первые XIII столѣтій, подробно говоритъ о святыняхъ, тамъ находившихся [4]). По его словамъ, въ Царьградѣ были, между проч.: „трапеза на нейже Христосъ вечерялъ со ученики своими въ великій четвертокъ" [5]), „лоханя Господня мороморана, и другая лоханя меньшая мраморяна же, въ ней же Христосъ умылъ нозѣ ученикомъ" [6]), „столпъ мраморянъ, у него же Христосъ привязанъ бысть; а доска, на ней же положенъ бысть Господь, егда сняша его со креста" [7]), „крестъ чест-

[1]) См. о ней у *Rud. Hofmann*'a: Das Leben Jesu nach d. Apokryphen, S. 365. Послѣ креста это одна изъ древнѣйшихъ реликвій между относящимися къ послѣднимъ днямъ земной жизни Спасителя. О ней упоминаетъ и Бордосскій пилигримъ (*Revue archéolog.* 1864, VIII, p. 105).

[2]) См., напр., въ Raimondi de Agiles Historia Iherusal.: *Gesta* Dei per Francos, Orient. hist. t. I, p. 157. Такъ выражаются объ этомъ копьѣ и нѣкоторые др. историки крестовыхъ походовъ. См. о немъ у барона *de Reiffenberg:* Godefroid de Bouillion, suite du Chevalier au cygne, Bruxelles 1848, p. 80—84. О томъ же копьѣ въ Карловингскомъ циклѣ см. у *L. Gautier*: La chanson de Roland, sec. partie (Tours MDCCCLXXII), p. 191—194.

[3]) Patrologiae curs. compl., series prima, t. LXXI, col. 712—713.

[4]) Сводъ извѣстій позднѣйшихъ паломниковъ (XIV и XV ст.) см. въ ст. Арх. *Леонида*: „Обозрѣніе цареградскихъ памятниковъ и святынь XIV и XV вѣковъ по русскимъ паломникамъ", помѣщ. въ 4 кн. *„Чт. въ Имп. общ. ист. и др."* 1870.

[5]) *Путеш. Ант.*, ст. 67.

[6]) Ib., ст. 99.—У іерод. Зосимы, путешествовавшаго въ 1420 г., упоминается еще „хлѣбецъ, кой на вечери хлѣбецъ яде со ученики своими Господь на святомъ Сіонѣ".

[7]) Путеш. Ант., ст. 121.

ный, вѣнецъ, губа, гвозди; кровь же лежаше иная; багряница, копіе, трость, повой святыя Богородицы и поясъ, и срачица Господня; платъ шейный, и лентій, и калиги Господня“ [1]). Многими такими реликвіями обладалъ и Западъ [2]).

Повторяемъ: исторію легенды о собраніи крови Христовой едвали возможно отдѣлить отъ исторіи реликвій этой крови и вообще реликвій страданій Спасителя. Свѣдѣнія о нихъ могутъ значительно пособить въ разъясненіи пути развитія нашей легенды [3]).

Въ періодъ гоненій вѣрующіе, по возможности, собирали кровь мучениковъ въ платы и ткани, губы и сосуды, и церковь благоговѣйно почитала ее [4]). Открывали мученическую кровь, вполнѣ сохранявшуюся, и впослѣдствіи [5]). Не отсюда ли явилась мысль, что также была собрана и кровь Спасителя, о которой говорится въ канонических ъеван-

---

[1]) Ib., 96. У Зосимы упоминается еще „камень, кой клали жидовины подъ главу Христову“.—Въ письмѣ Алексѣя Комнина къ Роберту Фландрскому, которое, впрочемъ, нѣкоторые считаютъ подложнымъ, перечисляется большая часть приведенныхъ реликвій, но о крови Хр. не говорится.

[2]) О реликвіяхъ, полученныхъ Карломъ В. и пользовавшихся огромною извѣстностію, см. въ сказаніяхъ о путешествіи его на востокъ, перечень которыхъ можно найдти у *L. Gautier* въ Les épopées franç. (II, 264 et suiv.) Присылка нѣкоторыхъ реликвій Карлу В. не подлежитъ сомнѣнію. Ib., p. 263.

[3]) О чрезвычайной распространенности реликвій въ средніе вѣка см. у Дю-Канжа: Dissert. sur l'histoire de saint Louys, XXVI. Дошли до того, что показывали частицы праха, изъ котораго былъ созданъ Адамъ, фонарь Іуды и т. п.

[4]) См. у *Martigny:* Dictionn. des antiquités chrétiennes, Paris 1865, p. 589 et suiv. Dictionn. d'iconographie, col. 902 et 986—988.

[5]) Ее встрѣчали при открытіи мощей. Такъ, ее нашли при открытіи мощей первомуч. Стефана, Агриколы, Гервасія, Протасія и Назарія. *Aringhi*, I, 95. *Tillemont*, Mémoires, II, 37.—Въ Іерусалимѣ указывали кровь Захаріи, отца Іоаннова о ней см. у *Баронія:* Annales Eccles., t. I, Venet. MDCCV, p. 50—51. Объ убіеніи Захаріи говорится въ XXIV гл. Первоевангелія Іакова), и Бордосскій пилигримъ, путешествовавшій въ Св. Землю въ 333 г., видалъ эту кровь предъ алтаремъ столь свѣжею, какъ будто бы она была только что пролита (*Revue archéolog.* 1864, VIII, p. 105). Иногда кровь раздавали отъ мощей, напр.,—отъ мощей св. Евфиміи, о которой см. у Арх. Сергія: Полн. мѣсяц. Вост., т. II, ч. II, стр. 292—294.

геліяхъ, о которой представляли различныя соображенія отцы церкви, и о которой упоминалось въ нѣкоторыхъ бывшихъ весьма распространенными апокрифическихъ сказаніяхъ [1]), какъ и вообще въ религіозныхъ легендахъ [2]), и не это ли служило поводомъ къ вымыслу о пресловутомъ сосудѣ?

Укажемъ, далѣе, на общеизвѣстное значеніе чаши въ христіанскомъ искусствѣ и церкви. По словамъ проф. Буслаева, „иконографическій сюжетъ—чаша, въ которую изливается кровь закланнаго агнца или кровь самого Христа, распятаго на крестѣ—этотъ сюжетъ широко и повсемѣстно распространенъ на всемъ западѣ, съ древнѣйшихъ временъ и до поздней готики“ [3]). Таже чаша встрѣчается на рѣзныхъ

---

[1]) Напр., въ сказаніяхъ о крестномъ древѣ.

[2]) У de Borron'a о крови Христовой передана подробность, встрѣчающаяся въ мистеріяхъ (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I 218—219) и составлявшая содержаніе особеннаго преданія. Указывали мѣсто, куда прошла кровь, изливщаяся изъ прободеннаго ребра Спасителя. У Іоанна Вирцбургскаго читаемъ: »..et eadem petra, cui Crux erat infixa, in ea parte, qua Salvatoris Sanguine tangebatur, est per mediam scissa; per quam consequenter scissuram ad interiora petrae Sanguis Christi defluxit... Ad dexteram majoris Ecclesiae in introitu locus quidam Calvariae est, in cujus superiore parte scissura ejusdem petrae ostenditur, et summa veneratione recolitur.. adhuc patens foramen et sit, et videatur, ut in illud multae fidelium oblationes immitantur, praecipue ubi Crux sacra stetit, et sanctissimus Sanguis ex latere dextero ad dictae petrae rimam defluxit... Inferior vero pars ejusdem Calvariae subtus continet Altare, et vocatur ad sanctum Sanguinem, quia eo usque per rimam petrae Sanguis Domini dicitur defluxisse, qui locus hodie a tergo ejusdem Altaris designatus est per quandam concavitatem ejusdem petrae, ubi dependet ampulla cum continua illuminatione«. *Pezii* Thesauri Anecdotorum Noviss. T. I, pars III, Iohannis Wirzburgensis Descriptio Terrae Sanctae, col. 516—517. Намекъ на это преданіе, довольно интересное для источника легенды о крови Христовой, мы встрѣчаемъ у Григ. Турскаго: Hist. Francorum, lib. I, cap. VII.

[3]) „Р. Вѣстн.“ 1874 г., № 4, стр. 646—647. См. снимокъ съ древняго изображенія (по Martigny—VI в.) истеканія крови въ чашу; между проч., у *Ciampini:* De sacris aedificiis a Constantino Magno constructis, Romae MDCXCIII, tab. XIII et p. 45—46. Въ церквахъ югозападнаго края еще недавно можно было встрѣтить уцѣлѣвшія отъ времени уніи изображенія Спасителя—до половины въ чашѣ, изъ язвъ на рукахъ котораго кровь течетъ на блюдо.

распятіяхъ [1]). Съ подобными, можетъ быть, произведеніями искусства находится въ связи миніатюра одной изъ рукописей *большаго Граля*, изображающая Іосифа сидящимъ у *креста* и *собирающимъ кровь* [2]). Вообще кровь Христа не выходила изъ памяти и воображенія вѣровавшихъ и была нерѣдко предметомъ легенды. Разсказывали о чудесахъ, совершавшихся во время священнодѣйствія съ чашею, въ которой являлась видимо иногда — такъ утверждали — кровь Христова [3]). Съ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ ходили также легенды объ истеченіи крови изъ прободеннаго образа Спасителя [4]).

Одну изъ ступеней легенды о крови Христовой, можетъ быть, должно отыскивать въ такъ наз. „Плачахъ", рано появившихся въ Византійской литературѣ [5]).

---

[1]) *Didron* (Iconographie chrétienne, Histoire de Dieu) видѣлъ въ этой чашѣ первообразъ Граля. Противъ мнѣнія его выступилъ Мартоннъ, опиравшійся на то, что Граль романовъ не походитъ по формѣ на чашу. Но важна прежде всего не форма сосуда, а пріуроченная къ нему легенда, и можетъ быть именно изображенія, на которыя, обратилъ вниманіе Didron, были прототипами Граля чрезъ посредство ряда *промежуточныхъ* легендъ, послѣднею изъ которыхъ была іерусалимская.

[2]) *Furnivall*, The History of The Holy Grail, engl. by H. Lonelich, E. E. T. S., I, 29. Сл. сказанное въ текстѣ о Iosephes: »Et desous les pies au cruchefis vit ichele escuele ke ioseph ses peres auoit fait aporter en l'arche. Si li estoit auis ke li sans des pies au crucefije degoutoit en chele escuele que ele estoit ia pres plaine, si sambloit a ioseph ke ele vausist verser«.

[3]) *Acta Ss.* Martii, t. II, 379. Сл. *Giraldi Cambrensis* Opera, vol. II, Lond. 1862, 39—43 (Gemma ecclesiastica, dist. I, cap. XI); *Leroux de Lincy*, Essai sur l'abb. de Féc., 87—88, 280—281.

[4]) Разсказъ о такомъ чудѣ встрѣчаемъ уже у *Григорія Турскаго* (De gloria martyr., cap. XXII). Подобныя легенды XII в. см. въ *Giraldi Cambrensis* opera, l. c., 102—105, и въ *Matth. Paris*. Hist. Angl. ad a. 1187 (vol. I, p. 442). См. далѣе у *Дю-Канжа*: Hist. Byzant. Constantinop. Christ., lib. IV, p. 90. Бейрутское чудо было извѣстно и на Западѣ. Ѳома Аквинатъ выводилъ всѣ реликвіи крови Христовой отъ той крови, которая истекла изъ прободеннаго образа Спасителя въ Бейрутѣ.

[5]) Въ статьѣ, внесенной въ хронографъ и названной: „о снятіи тѣла Іисусова со креста, и о плачѣ Богородицы", описывается, какъ Богоматерь „припала къ подножію креста, и когда капли крови сына ея падали на

Могли, наконецъ, придумать собраніе этой крови, вникая до мелочей въ евангельское повѣствованіе о страданіи Христа. Ed. du Méril справедливо замѣтилъ, что христіане первыхъ вѣковъ испытывали потребность знать всѣ обстоятельства жизни и смерти Христа въ мельчайшихъ подробностяхъ. Четыре подлинныя евангелія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не могли удовлетворить жадности знать все, что относилось къ пребыванію Христа на землѣ. Безчисленныя преданія, приписываемыя самымъ достойнымъ вѣроятія свидѣтелямъ, сохранили мнимое воспоминаніе о невѣроятныхъ событіяхъ и о неважныхъ словахъ. Малѣйшія обстоятельства страданія въ особенности были собираемы съ суевѣрнымъ благочестіемъ.... Всѣ личности, дѣятельно участвовавшія въ великой драмѣ страданія, стали сюжетомъ легенды примѣнительно къ роли, которую исполняли въ этой драмѣ [1]). Въ новозавѣтной письменности осталось мало намековъ, не получившихъ развитія въ позднѣйшее время.

Мы попытались уяснить происхожденіе романическаго сказанія о Гралѣ и представили соображенія относительно зарожденія легенды о крови, отъ которой отправилась первая вѣтвь бретонскихъ романовъ.

Взглянемъ теперь на превращенія, какимъ подверглась легенда, обратившись въ достояніе поэтовъ.

Первый изъ труверовъ, излагавшихъ исторію Граля, de Borron, безъ сомнѣнія, не думалъ включать ея въ длинную цѣпь фабулъ Артуровскаго цикла. Въ тотъ вѣкъ господства религіознаго элемента надъ всѣми другими свѣтскіе поэты не удалялись отъ церковныхъ сюжетовъ, воспѣвая особенно часто Богородицу. Поэма объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ примыкаетъ къ религіознымъ поэмамъ, бывшимъ тогда въ такомъ ходу, и по началу совершенно напоминаетъ ихъ [2]). До какой

землю, она собирала ихъ устами, и цѣловала землю..." *Рукописи графа А. С. Уварова*, т. II, вып. 1, Спб. 1858, стр. XXX. Подобное читаемъ у Метафраста.

[1]) *Ed du Méril*, Poésies populaires latines du moyen âge, Par. 1847, p. 358, 320 et 324.

[2]) См. Biogr. Brit. lit., Anglo-Norm. per., p. XVI. Жизнь Товита, написанная Германомъ, начинается разсказомъ о грѣхопаденіи (ib., 333); одна поэма о Дѣвѣ Маріи—разсказомъ о твореніи міра (ib., 334). Подобныя произведенія были и въ старонѣмецкой литературѣ.

степени она подходила къ произведеніямъ духовной поэзіи, можно видѣть изъ словъ прозаической редакціи, что она написана „съ дозволенія святой церкви". De Borron высказываетъ нѣсколько разъ желаніе придать какъ бы освященіе своему труду и соединить особенныя, даруемыя свыше преимущества какъ съ разсказомъ и перепиською [1]) этой исторіи, такъ и съ вниманіемъ ей и запамятованіемъ ея [2]). Поэма de Borron'а можетъ быть названа скорѣе пространной легендой, житіемъ Іосифа, чѣмъ собственно поэтическимъ созданіемъ. Суровость и строгій тонъ господствуютъ въ разсказѣ отъ начала до конца. Несмотря на всю простоту, поэма мало привлекательна, а подъ конецъ становится даже утомительною.

Вмѣщенное de Borron'омъ въ небольшую поэму, сказаніе о Гралѣ разростается подъ перомъ Map'а въ огромную эпопею сообразно съ расширеніемъ мѣста и времени дѣйствія. Начинаясь повѣствованіемъ о событіяхъ на крайнемъ востокѣ, романъ Map'а заканчивается изложеніемъ судебъ хранителей Граля на крайнемъ западѣ и отъ эпохи Христа доводитъ разсказъ до временъ короля Артура, выставляя предъ нами длинный рядъ поколѣній. Исторія Граля и Іосифа Аримаѳейскаго переходитъ у англійскаго клерка въ исторію поселенія въ Британіи хранителей Граля, отъ которыхъ произойдутъ славнѣйшіе витязи Круглаго Стола.

Такое приспособленіе легенды о Гралѣ было дѣломъ Map'а, которому принадлежитъ вводъ въ нее всего того, чего не встрѣчаемъ у de Borron'а. Между сказаніемъ о Гралѣ и Артуровскою сагою не было вначалѣ никакой связи, да и всегда романы о Гралѣ стояли особнякомъ въ бретонскомъ циклѣ; это лучше всего видно изъ того, что только немногимъ рыцарямъ Круглаго Стола удалось проникнуть въ замокъ Граля, помѣщавшійся гдѣ-то въ туманной дали. Въ включеніи Граля въ Артуровскую сагу мы встрѣчаемся съ особенностію тогдашней литературы, благодаря которой почти всѣ эпическія произведенія древней Франціи могутъ быть сгруппированы въ три цикла,

---

[1]) О послѣдней de Borron постоянно обнаруживаетъ заботу. Повидимому, онъ желалъ доставить возможно бо́льшую извѣстность своему произведенію. Сл. окончаніе прозаическаго Персеваля, изд. Hucher (p. 505).

[2]) Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, p. 226, 227, 266, 274. Риѳмов. романъ, ст. 921—928, 3045—54, 3403—3406.

ясно выдѣлившіеся въ сознаніи поэтовъ. Вспомнимъ слова Jean'a Bodel'я:

Ne sont que trois materes a nul homme entendant
De France, de Bretaigne et de Rome la grant.

Почти каждый вымыселъ старались привязать къ пользовавшимся извѣстностію лицамъ и эпизодамъ котораго-нибудь изъ этихъ цикловъ. Нерѣдко намъ слишкомъ виднѣются нити, которыми произведена спивка, но въ тотъ вѣкъ онѣ почти не бросались въ глаза. По словамъ Бенфея [1]), въ XII и XIII стол. господствовала страсть къ сказкамъ, баснямъ и повѣстямъ, о которой едва можно составить себѣ понятіе. Количество, пестрота и заманчивость исторій отодвигали на второй планъ внутреннюю сторону литературныхъ произведеній, въ которыхъ не слишкомъ цѣнилось внутреннее единство, какъ и вообще вкусъ къ изяществу и художественности былъ мало развитъ въ средневѣковой литературѣ. Неоднократно обработывали одинъ и тотъ же сюжетъ, вводя всякій разъ одни внѣшнія измѣненія посредствомъ привнесенія нѣсколькихъ новыхъ эпизодовъ, или же цѣлаго ряда ихъ. Благодаря такимъ пріемамъ тогдашняго творчества, Мар имѣлъ полную возможность вплести сказаніе о Гралѣ въ вошедшую въ моду при Генрихѣ II Артуровскую сагу; отъ этого соединенія романъ могъ только выиграть во вниманіи публики.

Средствомъ къ внѣшнему сближенію обѣихъ легендъ послужило изобрѣтеніе ряда генеалогій, къ измышленію которыхъ такъ часто прибѣгали въ средніе вѣка. Славнѣйшіе герои вѣка Артура были обращены Мар'омъ въ потомковъ Іосифа Аримаѳ.,—его родственниковъ и вообще лицъ, прибывшихъ въ Британію съ востока.

Обвинивъ Васа въ незнаніи исторіи Граля и не стѣсняясь послѣ того его повѣствованіями, Мар построилъ собственныя родословія, способъ составленія которыхъ характеризуютъ вошедшія въ нихъ имена. Въ однихъ изъ этихъ именъ ясна латинская ихъ этимологія [2]), другія взяты изъ библіи сообразно тому, что спутники Іосифа были евреи [3]),

[1]) Orient und Occident, I, 143.

[2]) *Moland*, Orig. litt., p. 38.

[3]) Таковы имена Фарана, Іессе, Канаана, Галаада. Въ библейскихъ словаряхъ Винера и Шенкеля не пояснено, что послѣднее имя принадлежало не только мѣстности, но и лицу. Въ кн. Числъ читаемъ (XXVI, 29): „Сыны Манассіи: отъ Махира племя Махирово, отъ Махира родился Галаадъ, отъ Галаада племя Галаадово".

третьи изъ баснословныхъ исторій Британіи [1]), а четвертыя выдуманы по названіямъ мѣстностей [2]).

Мар могъ спокойно выводить позднѣйшихъ рыцарей отъ Іосифа Аримаѳ. и его спутниковъ, потому что самъ Іосифъ оказывается у авторовъ романовъ „chevalier". У de Borron'а онъ названъ „Preudomme et mout boen chevalier" и представленъ служившимъ Пилату съ пятью рыцарями; почти тоже говоритъ объ Іосифѣ и Мар [3]). Начало рыцарства относили тогда къ отдаленной древности [4]), и, помѣщая своихъ героевъ въ далекое прошлое, романисты тѣмъ не менѣе рисовали въ нихъ рыцарей, могшихъ служить образцомъ для современниковъ. Hélie de Borron такъ говоритъ въ предисловіи къ роману *Guiron le Courtois:* „я перевожу эту книгу для добрыхъ, чтобы они могли почерпнуть изъ нея прекрасный примѣръ высокихъ подвиговъ славныхъ древнихъ chevaliers" [5]). Спутники Іосифа являются у Мар'а рыцарями подобно своему вождю. На могилахъ братьевъ Канаана, убитыхъ послѣднимъ, было надписано, что они были рыцари, и были положены шпаги. Pierre называетъ себя также chevalier и такимъ является въ полномъ смыслѣ этого слова въ своихъ приключеніяхъ, напоминающихъ похожденія Тристана [6]).

Вслѣдствіе измѣненій, внесенныхъ Мар'омъ въ содержаніе легенды о Гралѣ, романъ его сложнѣе поэмы de Borron'а и не такъ монотоненъ по содержанію. Въ него вошло немало постороннихъ исторій, довольно, впрочемъ, занимательныхъ, благодаря искусству и таланту автора. Нерѣдко Мар прерываетъ одинъ разсказъ и принимается за

---

[1]) Таковы имена Лота и Люція.

[2]) Напр., имя Оркана.—Названіе Целидона носилъ лѣсъ вблизи Линкольна. Le rom. de Brut, II, 47. Впрочемъ, можетъ быть, это имя слѣдуетъ объяснять согласно съ Moland'омъ.

[3]) Въ большомъ романѣ о Гралѣ Іосифъ именуется »chivaler terr en« Пилата, »car il auoit este ses soudoiers .vij. ans tous plains«.

[4]) Въ *Le romans de Cliges* говорится:

Ce nous ont nostre livre apris,
Qu'en Gresse ot de cevalerie
Le premier los et de clergie;
Puis vint cevalerie à Rome.

[5]) Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 159.

[6]) *P. Paris*, Les rom. de la T. R., I, 318.

другой, заставляя читателя мысленно перепестись за сотни миль. Повѣствованіе не лишено величественныхъ и эффектныхъ картинъ, и интересъ постоянно поддерживается въ читателѣ несмотря на растянутость изложенія.

Направленіе первоначальнаго замысла и характеръ, съ какимъ явилась легенда о Гралѣ впервые въ литературѣ, не изгладились однако совершенно въ романѣ Мар'а. *Большой Граль* все еще примыкаетъ къ религіозной поэзіи, хотя, читая его, уже можно замѣтить, что сказаніе о Гралѣ становится на иную дорогу. Въ романѣ Мар'а „господствуютъ чудеса, пророческіе сны, обращенія, наказанія—какъ недостойныхъ христіанъ, такъ и непокорныхъ голосу истины язычниковъ. Неофиты переносятся на дикія скалы, и тамъ ихъ попеременно посѣщаютъ аллегорическія существа, олицетворяющія отбытіе и возвращеніе благодати. Сцена раздѣлена наичаще между четырьмя великими дѣятелями: Богомъ, демономъ, природою и человѣкомъ, который одинъ не остается постояннымъ. Человѣческая личность не играетъ здѣсь видной роли; все идетъ и совершается по волѣ вѣчной: герои—только ея уполномоченные, они—болѣе святые, чѣмъ воители. Мистическимъ фатализмомъ, духовидческой экзальтаціей, вотъ чѣмъ дышатъ въ разсказѣ отъ начала до конца. Земная любовь унижена въ анекдотѣ о врачѣ Гиппократѣ, который, подобно фабулярному Аристотелю, показываетъ въ себѣ упадокъ мудрости и опытности благодаря безумной страсти“ [1]).

Происхожденіе основнаго сказанія романа обнаруживается въ особенности ярко въ самомъ Гралѣ, который у Мар'а, какъ и у de Borron'а, является съ чисто церковнымъ значеніемъ, довольно яснымъ. Это — сосудъ, рѣшительно сближающійся съ евхаристіальною чашею [2]), что естественно, такъ какъ въ немъ была установлена

---

[1]) *Moland*, Orig. litt., 40.

[2]) Духъ Св. говорилъ Іосифу-сыну: „ты достоинъ быть хранителемъ столь великаго предмета, какъ тѣло и кровь твоего Спасителя“. Сл. сказанное прежде отцу: „я посвящу твоего сына Іосифа и поставлю его столь высокимъ правителемъ, какъ церковный пастырь. Я вручу ему для храненія Мою плоть и кровь“. Іосифъ выражался: „Господь нашъ, избравъ меня для перенесенія Его Слова въ нѣкоторыя страны, по примѣру апостоловъ, ввѣрилъ мнѣ *священный сосудъ, въ которомъ ежедневно* приносится въ жер-

евхаристія и заключалась кровь Христова, пролитая на Голгоѳѣ. Изобрѣтеніе романа во многомъ согласуется съ такимъ значеніемъ Граля.

Но послѣднее не исчерпывается вполнѣ отношеніемъ Граля къ евхаристіи. Въ Гралѣ хотѣли выразить не только благодатныя дѣйствія послѣдней, но и нѣчто высшее, чего поэтъ ясно не изображаетъ, отдѣлываясь мало объясняющими словами. О Mordrain'ѣ, попытавшемся проникнуть въ тайны Граля, Мар говоритъ, что „никакой умъ не могъ бы представить, никакія уста не могли бы высказать все то, что ему было открыто". Когда Mordrain'а спросили о томъ, что онъ видѣлъ,

---

тву и освящается Его плоть". Когда король Mordrain заглянулъ во внутренность скиніи, то увидѣлъ, что свящ. сосудъ былъ помѣщенъ вблизи чаши, которую Iosephe употреблялъ при совершеніи таинства. Въ риѳмованномъ текстѣ поэмы de Borron'a Спаситель говоритъ Іосифу:

> Cist veissiaus ou mon sanc meis,
> Quant de mon cors le requeillis,
> Calices apelez sera.

Въ прозаическомъ Персевалѣ конца XII стол., изд. Potvin'омъ (Percev. le Gallois, I, 272), сообщается даже, что евхаристіальныя чаши были сдѣланы по образцу Граля. Въ этомъ романѣ встрѣчается о Гралѣ разсказъ, подобный тѣмъ, какіе передавались относительно евхаристіи. Когда Граль проносили чрезъ залу предъ Gauvain'омъ, »li sanble qu'il voit anmi le Graal la forme d'un anfant« (Ib., 88—89). Подобныя представленія объ евхаристіи были и у насъ. См. замѣтку г. Буслаева: „Житія русскихъ угодниковъ, какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи русскаго церковнаго искусства" въ „Сборникѣ на 1866 г., изд. Обществомъ древне-русскаго искусства", отд. II, стр. 64. Не изъ такого ли представленія Граля явилась пресловутая голова въ валлійской сказкѣ о Передурѣ? Что касается копья, то уже у Мар'а, рядомъ съ Гралемъ, выступаетъ, »une grant lanche dont li fiers estoit tout sanglens, et la hauste estoit toute sanglente ausi jusque par la ou li angeles le tenoit empoignie«.

Собранія у Граля происходили ежедневно по утрамъ, при чемъ все было устроено по возможности на подобіе того, какъ было на Тайной Вечери, и какъ въ древности съ евхаристіей соединялось вкушеніе пищи, такъ и съ служеніемъ Гралю было нераздѣльно насыщеніе.

Во всемъ этомъ видно присутствіе немалой доли символизма, но онъ искусно закрытъ, не лишенъ величія, не уменьшаетъ впечатлѣнія и не ослабляетъ интереса къ разсказу.

онъ отвѣтилъ: „конецъ и начало міра, мудрость всѣхъ мудростей, благость всѣхъ благостей, чудо всѣхъ чудесъ; но уста не могутъ изречь, что̀ могъ узнать мой взоръ. Не вопрошайте меня болѣе“. De Borron упоминаетъ о какихъ-то таинственныхъ словахъ, сказанныхъ Спасителемъ въ темницѣ при передачѣ Граля Іосифу. Ясно, что Граль съ перваго раза былъ облеченъ до извѣстной степени въ покровъ таинственности, и за наглядно обнаруживавшимися его свойствами и передававшеюся исторіею скрывалось что-то, оставляемое поэтами загадкою для читателей. Въ этомъ были уже начатки поэтическихъ стремленій, которыя выразились вполнѣ сознательно въ глубокомысленномъ произведеніи поэта нѣмецкаго племени.

Въ романѣ *La Quête du Saint-Graal* Мар пошелъ еще далѣе по пути отрѣшенія Граля отъ исключительно церковной сферы, и легенда вступаетъ въ новый фазисъ развитія, когда св. сосудъ вызываетъ рыцарей на высшіе подвиги, при чемъ начальная его исторія упоминается вскользь и не привлекаетъ болѣе вниманія поэтовъ.

Такъ постепенно выростала изъ небольшаго зерна обширная фабула, охватившая мало по малу огромный періодъ времени и огромныя пространства,—фабула, которою воспользовались для выраженія самаго возвышеннаго идеала высшихъ классовъ западно-европейскаго общества поэты лучшей поры средневѣковья. Намъ вспоминаются слова одного писателя объ апокрифахъ: „Глядя на количество, величину и мощь произведеній, вышедшихъ изъ этихъ легендъ, и не вообразишь себѣ такого незавиднаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего проще, скромнѣе этихъ первоначальныхъ разсказовъ, обратившихся съ теченіемъ времени въ трогательныя эпопеи, или въ драмы, исполненныя пышности и величія. Эта большая рѣка поэзіи, оживляющая всѣ средніе вѣка, уподобляется тѣмъ громаднымъ потокамъ Новаго Свѣта, которые питаются цѣлыми континентами и которые оказываются въ началѣ своего теченія маленькими ручейками, теряющимися въ горной тьмѣ“ [1]).

Кто могъ бы предсказать по зачаткамъ легенды о Гралѣ ея дальнѣйшую судьбу? И какъ не походитъ ея начало на ея конецъ! Справедливо замѣтилъ одинъ уважаемый писатель, что смыслъ легендъ не всегда опредѣляется зародышами, изъ которыхъ онѣ развились.

---

[1]) Эти слова принадлежатъ Douhaire'у.

Вначалѣ, въ теченіе долгаго времени, предъ нами небольшая, чисто религіозная легенда. Она сохраняетъ свой характеръ и въ первомъ литературномъ произведеніи, посвященномъ Гралю. Труверъ, обратившійся къ ней вслѣдъ за de Borron'омъ, вводитъ легенду, руководясь на первыхъ порахъ преимущественно политическими тенденціями, въ кругъ повѣствованій о лицахъ, совершенно чуждыхъ сферѣ религіознаго творчества. Онъ не отнимаетъ у легенды первоначальнаго ея содержанія, но послѣднее уравновѣшивается въ *большомъ Гралѣ* прибавленными исторіями другаго характера. Весьма скоро онѣ одолѣваютъ церковный элементъ, не устранивъ его совсѣмъ; легенда при этомъ не только не теряетъ, но еще выигрываетъ въ глубинѣ идеи, и въ нѣкоторыхъ изъ романовъ (въ ром. о Персевалѣ) этическіе взгляды и міровоззрѣніе средневѣковаго человѣка достигаютъ замѣчательной высоты. Мало по малу Граль становится сказочнымъ предметомъ, и у Аріосто это сказаніе, отправившееся отъ горы Распятія, достигаетъ, по выраженію Potvin'a, сада Армиды.

Въ постепенномъ развитіи легенды о Гралѣ можно различать, такимъ образомъ, приблизительно тѣже ступени, какія D'Ancona [1]) отмѣчаетъ въ развитіи основнаго мотива Божественной Комедіи.

---

[1]) I precursori di Dante. In Firenze, 1874.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 7. Первою изъ работъ Paulin'a Paris, посвященныхъ Гралю, кажется, должно считать анонимную статью въ *Temps* 25 іюня 1831 г.

Къ стр. 46, примѣч. 2. О посѣщеніи Guiot юга Франціи см. у Форіэля: Hist. de la poésie provenç., III, 296.

Къ примѣч. 4 на стр. 49. У Васа встрѣчается имя Galaës: Le rom. de Brut, t. I, 64, 76, 77. — Новѣйшую работу о Титурелѣ см. въ Zeitschrift für deutsches Alterthum, N. F., VI Bd., S. 280—297·

Къ стр. 52. Первую главу Монсской рукописи призналъ подлинною и Paul Meyer.

Къ стр. 54, примѣч. 3. И Форіэль замѣтилъ, что романскія слова и имена, встрѣчающіяся въ нѣмецкомъ Персевалѣ, по большей части— французскія. Hist. de la poésie prov., III, 293.

Къ стр. 61. Граль названъ въ Кретьеновомъ романѣ о Персевалѣ „precieux, biax et glorieus, et aornes de bones pieres".

Къ стр. 86, прим. 4. Littré (Dictionn. de la langue française, vol. I, p. 1907) также не находитъ возможнымъ принять этимологію снова graal, предложенную Diez'емъ, производящимъ это слово отъ crater чрезъ cratus, cratale, cratiale.

Къ стр. 90, прим. 1. Въ др. произведеніяхъ о Гралѣ (напр., въ валлійскомъ романѣ) ткань—инаго цвѣта.

Къ стр. 103. Мало по малу и романъ о Ланселотѣ превратился въ вѣтвь романа о Гралѣ. Jahrb. für rom. und engl. Lit., Bd. IX, S. 272.

Къ стр. 108, прим. 3. Изображеніе Граля см. еще на 1-й стр. VI-го т. Персеваля, изд. Potvin'а.

Къ стр. 111. Въ „La messe du précieux sang de nostre Seigneur Jesus Christ", напечат. Leroux de Lincy (Essai sur l'abb. de Féc., p. 182) есть литанія, интересныя тѣмъ, что указываютъ, какія качества усвояла реликвіи крови Христовой церковь.

Къ стр. 118, прим. 1. О волшебныхъ головахъ см. въ Early English Prose Romances, ed. by W. I. Thoms, sec. ed., vol. I, 182—186.

Къ стр. 122, прим. 3. Въ исторіи Rigord'а разсказывается подъ 1183 г., что Господь, явившійся *Durand*'у, плотнику въ Puy, вручилъ ему образъ Богородицы, сидящей на престолѣ и держащей младенца Іисуса; на этомъ образѣ была надпись: „*Agnus Dei*, qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem".—*Къ прим. 4.* На русскомъ яз. замѣтку о Рутвелльскомъ крестѣ (принадлежащую г. Кондакову) см. въ „Сборн. на 1866 г., изд. Общ. др.—р. иск.", отд. II, стр. 60—62.

Къ стр. 134, прим. 2. Нѣкоторые отвергаютъ, что Мар'у былъ предоставленъ Салисберійскій каноникатъ.

Къ стр. 136, прим. 2. Объ Epistola Salvatoris подробно говоритъ А. Н. Веселовскій въ ст., помѣщенной въ мартовской кн. „Журн. Мин. Нар. Просв." настоящаго года.—Указанія объ апокрифическихъ писаніяхъ І. Христа см. у Rud. Hofmann'а: Das Leb. Jesu nach d. Apokr., 309—310, и у G. Brunet: Les évangiles apocryphes., deux. éd., Paris 1863, 288—289.

Къ стр. 140, прим. 1. Въ *Voyage de Charlemagne a Jérusalem et a Constantinople* (v. 113—122) упоминаются 13 *chaières* въ Іерусалимѣ, которыя принадлежали Іисусу и Апостоламъ. Только Карлъ В. съ своими перами осмѣлился усѣсться на этихъ chaieres, а раньше и позже это никому не удалось.

Къ стр. 143, прим. 3. Можно бы еще подыскать въ различныхъ сказаніяхъ немало подробностей, напоминающихъ подробности романа Мар'а. Такъ, обращеніе въ христіанство послѣ побѣды надъ врагами и признанія безсилія идоловъ и искушеніе со стороны діавола въ образѣ женщины нерѣдки въ христіанскихъ легендахъ.

Къ стр. 150. Объ *Image du monde* см. въ Notices et extraits des manuscr. de la Biblioth. Nation. et autres bibl., t. V (A. Paris, an VII).

Къ стр. 158. Въ одномъ изъ романовъ о Персевалѣ Граль названъ „riche“.

Къ стр. 171, прим. 1. Существовало преданіе, причислявшее Іосифа Аримаѳейскаго къ 70 ученикамъ Христовымъ.

Къ стр. 191, прим. 2. Въ XVIII т. „Hist. litt. de la France“ (p. 831) въ числѣ произведеній, приписываемыхъ Герману, упомянута „L'Histoire du précieux sang“.

Къ прим. 2 на стр. 193. Плаваніе по морю на покрывалѣ встрѣчается уже въ Одиссеѣ.

Къ стр. 196, прим. 1. Въ „Страстяхъ Господнихъ“ (мы пользовались этимъ апокрифомъ по рукоп. библіотеки Кіевской Дух. Акад.) обращеніе Богоматери къ Іосифу Аримаѳ.—такое же, какое и въ цитир. словѣ Кирилла Туровскаго.

Къ стр. 203, прим. 5. Что касается сосудовъ, открываемыхъ въ катакомбахъ, то въ настоящее время сомнѣваются, чтобы въ нихъ содержалась кровь. Одна изъ новѣйшихъ статей объ этомъ—въ Revue archéol. 1869 (Juin).

Къ стр. 207, прим. 2. Вообще обѣщаніе наградъ свыше не рѣдко въ словесныхъ произведеніяхъ отреченнаго содержанія. Напримѣръ, въ заключеніи „Страстей Христовыхъ“ читаемъ: „итъꙇ҇ комꙋ сѧ могло статѝ хрⷭ҇тиѧнѝноу кж҇домꙋ а̑бы мо́глъ ко҇дого пѧ҇ка тый стрⷭ҇ти гдⷭ҇ни прочитатѝ ѝзвеликиⷨ҇ жале́мъ. а̑сеⷬ҇дечною скрꙋхою̀, бꙋдеⷮ҇чадо свѣтло ивеликꙋюмлⷭ҇ть ѿбⷢ҇ прїимеⷮ҇. ѝпритоⷨ҇ словѐ чого боудетъ жадатѝ ѿбⷢ҇. тодаⷨ҇ е̑моу̀ невидимо. ѝ таⷨ҇ли бꙋдеⷮ҇ чини́тѝ, ꙗ̑ко на҇ писмо ⷭ҇тое оу̑чиⷯ҇ прїимеⷮ҇ лаⷭ҇коу ѿхⷭ҇ бⷢ҇. ѝдобротомоу чл҃кꙋ хточитаеⷮ҇ тый слова. ѝтотъ чл҃къ ѝдшⷭ҇а е̑го̀ бл҃вена котораѧ собѣ внимаеⷮ҇, апиⷩ҇но слꙋхаеⷮ҇, ѝзбавителѧ своеⷢ҇ со плачеⷨ҇ срⷣ҇деный жалоуеⷮ҇. прїимеⷮ҇мзⷣ҇ꙋ свою̀... блажеⷩ҇ доⷠ҇ той вокоторо́ⷨ҇ сїй книⷢ҇кѝ лежаⷮ҇ оу̑почестностѝ“ (Рукоп. XVII в., принадлежащая Е. В. Барсову, л. 48). Ср., между проч., въ сказаніяхъ о Снѣ Богородицы.

Поправки.

На страницѣ:	Въ строкѣ:		Напечатано:	Должно быть:
2	2	сверху	значенія	изученія
4	11	снизу	Bib*i*iothèque	Bib*l*iothèque
5	4	„	*l*oyeuse	*J*oyeuse
6	3	„	*d*es	*L*es
—	11	„	Eschebach	Esche*n*bach
7	4	„	преув*ѣ*личивающимъ	преув*е*личивающимъ
8	5	сверху	философско*а*у	философско*м*у
9	12	„	Мерлинга	Мерлина
10	2	снизу	свидѣт*о*льствуетъ	свидѣт*е*льствуетъ
12	15	сверху	*T.* Wolf'a	*F.* Wolf'a
13	4	снизу	шрокіе	ш*и*рокіе
—	5	„	Wagn*or*'a	Wagn*er*'a
—	8	„	Лаурета	лауреата
14	4	сверху	самы*м*ъ	самы*х*ъ
15	7	снизу	одни	одной
41	10	„	то*ч*чу	то*ч*ку
49	6	сверху	образу	образ*ц*у
—	10—11	„	Gan*el*îne	Gan*d*îne
—	12	„	*cl*iu	*d*iu
52	4	снизу	найде*т*ъ	найде*н*ъ
53	6	„	ma*cr*e	ma*e*re
54	12	„	под*р*обное	подобное
55	9	сверху	Титуре*тя*	Титуре*ля*
59	6	„	Gral, *5.* 7	Gral, *S.* 7
—	10	„	оста*ться*	оставить *ею*
61	5	„	др*и*гоцѣнномъ	др*а*гоцѣнномъ

На страницѣ:	Въ строкѣ:		Напечатано:	Должно быть:
61	1	снизу	Maggi*oro*	Maggi*ore*
—	6	„	Gottingische *d*el.	Göttingische *g*el.
62	3	„	esset“.	esset...“
—	—	„	W*l*ight	W*r*ight
63	5	сверху	мотивы.	мотивы:
—	9—10	„	подробностей;	подробностей,
—	5	снизу	Lan*i*elot	Lan*c*elot
64	1	сверху	Ža*l*zikoven	Za*t*zikoven
—	5	„	Мирно весело	Мирно *и* весело
—	16	„	воззрѣній способа	воззрѣній *и* способа
—	23	„	moritu*s*	moritu*r*
—	2	снизу	*g*ir*a*ldi	*G*iraldi
—	—	„	866	865
—	8	„	Tilbury Imperialia	Tilbury *Otia* Imperialia
65	19	сверху	Гел*іа*дора	Гел*іо*дора
66	2	снизу	Е*а*ли	Е*с*ли
67	18	сверху	р*а*манахъ	р*о*манахъ
68	13	„	когда.	когда,
69	2	„	—при	—*что* при
—	10	снизу	*c*arlest	*e*arlest
—	—	„	thehistory	the history
70	18	сверху	друго*л*ъ	друго*м*ъ
71	15	„	легенды[1]).	легенды!
75	10	снизу	Bagomede	Bahumeth
82	1	„	символировали	символи*зи*ровали
83	10	„	послѣднее	оно
88	5	„	*Q*chweizer.	*S*chweizer.
89	4	„	то*что*	то*чно*
—	15	„	Кессель	Кассель
90	1	снизу		*добавить:* *Diez*'a Etymolog. Wörterbuch, II, 380—381, и *L. Gautier,* La chans. de Roland, cinqu. ed., p. 271—273.
—	2	„	*des*	Les
—	18	„	*Man*tjoic	*Mon*tjoie

На страницѣ:	Въ строкѣ:		Напечатано:	Должно быть:
91	3	сверху	л*и*тинскаго	л*а*тинскаго
92	12	„	раѣ [2])	раѣ [1])
—	16	„	Граля [1])	Граля [2])
—	18	„	указанія [2])	указанія [3])
—	9	снизу	*T*isôn	*F*isôn
95	9	сверху	выяснена.	выяснена учеными.
97	2	снизу	theorigin	the origin
99	3	сверху	благовременное	благо временное
100	8	снизу	написанная	написанная *академикомъ Буслаевымъ и помѣщенная*
101	17	сверху	Born	Bor*r*on
103	5	„	ч*и*сто	*ча*сто
—	7	снизу	заключенія	заключенія [3])
106	19	сверху	изобрѣ*т*шіе	изобрѣ*в*шіе
—	22	„	T. R., 5, 127	T. R., I, 127
107	8	снизу	капар	hanap
109	19—20	сверху	„sac*rej*oit“	„sac*ref*oit“
122	5	снизу	VII	VIII
—	10	„	*f*. 45	*t*. 45
131	2	„	*c*orum	*e*orum
135	10	„	E*l*	E*t*
178	5	„	orn’a	*h*orn’a

Цѣна 1 р. 50 коп.

Того же автора:

Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ. К. 1873. Ц. 1 р. 25 коп.

Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи. Эпизодъ изъ исторіи южной Руси въ XIII и XIV столѣтіяхъ. К. 1876. Ц. 75 коп.

Въ университетской типографіи.